

№ 2

2009

**КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ**

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Э. Г. ДЖИЛКИБАЕВ**
(г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ**, (г. Астана), **В. Ф. МИХАЙЛОВ**
(г. Алматы), **Ю. Д. ПОМИНОВ** (г. Павлодар), **В. И. РЫЖКОВ**
(г. Караганда), **Т. И. СЫЗДЫКОВ** (г. Кокшетау), **А. Ю. ТАРАКОВ**
(г. Астана), **И. Б. ТЕТЕРИНА** (г. Астана), **А. М. ШВЫДКО** (г. Алматы),
В. Г. ШЕСТЕРИКОВ (г. Петропавловск).

В номере:

К 65-летию Великой Победы

Т. Жагипаров. Звёзды Талгата Бегельдинова **3**

Поэзия

А. Балтин. «Зёрна смысла, капли бытия...». Стихи **16**

Л. Мартынова. «И твой утренний путь обозначен...». Стихи **43**

М. Исаков. «Качалась ночь на крыльях алых...». Стихи **58**

Проза

А. Пройдаков. Целитель. Повесть. Часть вторая **21**

© «Нива», 2009, Астана

А. Лысенко. Три рассказа <i>(Любовь прошла мимо; О чём поют провода; Дубки)</i>	49
---	-----------

Документальная проза

Ю. Поминов. Хроника смутного времени. <i>Записки редактора. Книга вторая (продолжение)</i>	62
--	-----------

Наш общий дом

К. Алпысбеков. Семь писем внуку Елнуру	94
---	-----------

Культура. Общество. Личность

Л. Кашина. «Нет, в этом мире я не гость...»	128
--	------------

Публицистика

С. Горбунов. Вершины покоряются упорным	149
--	------------

Философские беседы

А. Зурабов. Вспомните, кто вы.....	156
---	------------

Искусство

В. Киянский, А. Жамалов. Звёздные ритмы Сакена Гумарова	164
---	------------

На житейских перекрёстках

Н. Слепцов. Жалтырские картинки	182
--	------------

Изоальбом «Нивы»: из работ Сакена Гумарова.

Тимур ЖАГИПАРОВ

Звёзды Талгата Бегельдинова

Была война.

И ты солдат войны.

Тогда в боях твоя вершилась юность.

И Родины судьба соприкоснулась

С твоей.

Ты был защитником страны.

И сколько ни проходит мирных лет,

Ни одного не позабыл ты боя.

Он навсегда, пожизненно с тобою,

Тех страшных дней

неизгладимый след...

Время бежит неумолимо быстро. Даже не верится, что скоро всё прогрессивное человечество, в том числе казахстанцы, отметит 65-летие Великой Победы. А тех, кто подарил нам счастливую жизнь, приблизив долгожданную Победу в суровые дни Великой Отечественной войны, с каждым годом остаётся всё меньше и меньше. Да, наступит такое время, когда фронтовики-победители больше не наденут боевые награды и не придут к Вечному огню поклониться своим погибшим товарищам. Такова суровая правда жизни. Думая об этом, невольно ловишь себя на мысли, что самым молодым солдатам из 41-го сегодня уже больше восьмидесяти.

**Тимур
Сапаргалиевич
ЖАГИПАРОВ**

родился 28 декабря 1978 года в Приморском крае в семье военнослужащего. Окончил институт международной журналистики. В течение нескольких лет работал корреспондентом английского информационного агентства "Британский институт по освещению войны и мира".

Публиковался в отечественной и зарубежной печати. Более пяти лет работает в военной печати. До недавнего назначения пресс-секретарём Главного

командующего Силами воздушной обороны ВС РК прошёл путь от корреспондента газеты "Отан сакшысы — Часовой Родины", журнала "Шекарашы" Пограничной службы КНБ Республики Казахстан, специального корреспондента газеты Министерства обороны РК "Казакстан сарбазы — Воин Казахстана" до старшего офицера пресс-службы Управления МО РК. Лауреат премии международного литературного конкурса, посвящённого 60-летию Великой Победы.

правления МО РК. Лауреат премии международного литературного конкурса, посвящённого 60-летию Великой Победы.

Естественно, каждый из них в таком преклонном возрасте требует человеческого внимания не только в дни больших праздников, а повседневно. Пока они с нами, пусть чувствуют, что жизни их отданы не во имя благосостояния отдельных людей, а на общее благо некогда великой страны, за будущее и процветание суверенного Казахстана.

Учитель с большой буквы

**Нурсултан Назарбаев
вручает дважды Герою
Советского Союза Талгату
Бегельдинову орден “Отан”
в честь знаменательного
события в его жизни —
85-летия со дня рождения.**

Много сделал для этого прославленный фронтовой лётчик, дважды Герой Советского Союза, генерал-майор авиации в отставке Талгат Бегельдинов. Он именно тот человек, которого почитаем так же, как своих уважаемых родителей. Неслучайно гласит народная поговорка: “Сколько чести, столько и почестей”. Талгат Якупбекович — педагог, учитель, но не тот, кто обучает правилам правописания, умножения. Он — Учитель с большой буквы, на личном примере преподающий с детских лет всем нам, молодым, уроки нравственности, долга, чести, мужества.

Мне посчастливилось не раз встречаться с ним. Талгат Якупбекович поразил меня своей внешностью при первой же встрече. Небольшого роста, по-военному подтянут, с удивительно спокойным лицом, на котором светились добродушные глаза. Беседуя с героем, с каждым разом убеждался, что он — человек удивительной судьбы, не по годам крепок и ясен, несмотря на свой возраст. Ему девятый десяток пошёл, а ветеран удивлял меня компьютерной памятью, чёткостью мысли. До сих пор помнит по имени-от-

честву своих командиров, боевых товарищей, эпизоды сражений. Как он сам сказал: “Они — золотые люди, на которых всегда можно было положиться, не подведут. Но и были и те, кто мог смалодушничать, сказать неправду, лебезить перед кем-то. Зла не держу ни на кого, хотя и были обиды в жизни. Время лечит. Да кому нынче нужны всякого рода страсти, разборки, обиды, переживания? К тому же не до этого. Надо быть не нытиками, а оптимистами, с уверенностью смотреть в завтрашний день. Меня радует и то, что со мной многие советуются. Бывают случаи, когда незнакомые прохожие на улице того или иного города, где я бываю, спешат сообщить о том, что они дали имя новорождённому в честь меня. Конечно же, тёзок много, но главное, чтобы они с достоинством несли своё имя, прославляя делами, например, как известный космонавт Талгат Мусабаев. В своё время я сам ему давал путёвку в небо. Помнится до сих пор, когда он ещё молодым парнишкой пришёл ко мне и сказал, что хочет стать космонавтом. Моё благословение Талгат тогда получил. Хорошие у меня отношения и с героем-космонавтом Тохтаром Аубакировым и другими лётчиками. Это к слову”.

Понял и то, что сердце Талгата Якубековича открыто всем людям, независимо от того, какого они возраста, какой национальности, словно сердце отца или матери сыну, дочери.

“Мною пройденный путь учит о том, что из жизни надо брать всё возможное, на то и дана жизнь, — продолжает разговор герой. — Нельзя сидеть сложа руки, ждать манны небесной, ведь у каждого человека есть навыки к чему-то. Неужели непонятно, что леность укорачивает жизнь. Моё хобби сегодня — пчеловодство, как известно, это здоровье, бодрость духа. Есть любовь к автомашинам. До недавнего времени возглавлял Союз автолюбителей”.

Об этом жизнерадостном генерале можно рассказывать часами. Казалось бы, возраст берёт своё, но он не поддаётся времени, сохраняя оптимизм, волю и самодисциплину. И ещё, Талгат Бегельдинов не разучился и шутить, петь, рассказывать необычные истории из своей богатой жизни. Главное, годы войны для ветерана — это прежде всего бесценный опыт, оплаченный высокой ценой. Не зря говорят в нашем народе: “Не спрашивай джигита, сколько сил потратил, а спрашивай, что сделать смог”. Находясь ныне в отставке, он не устаёт делиться им с молодым поколением, сегодняшними защитниками Родины.

Штрихи к портрету

Талгат Якубекович Бегельдинов родился в августе 1922 года на земле Сары-Арки, в Акмолинской области. Аул Майбалык находится под сопкой Акбулак, где бьёт из-под камня прекрасная лечебная вода, как говорят казахи: именно то место, где брызнула его кровь из перевязанной пуповины. Шестнадцатилетним юношей поступил в аэроклуб. После окончания аэроклуба учился в Саратовском и Оренбургском военных авиационных училищах. В январе 1943 года прибыл в действующую армию. Прошёл Великую Отечественную в составе 144-го гвардейского штурмового авиационного полка. Принимал участие в боях на Калининском, Воронежском, Степном, 1-м, 2-м Украинских фронтах. Эскадрилья штурмовиков, возглавляемая Талгатом Бегельдиновым, наносила мощные удары по фашистским войскам на территории Германии, при штурме Берлина. Отважный сокол выполнял сложные разведывательные полёты в тыл противника.

Исключительные по дерзости и боевому мастерству воздушные бои сделали его имя легендарным. Представьте себе, в 23 года от роду он удостоился звания Героя дважды. Совершив в годы войны 305 боевых вылетов на штурмовике “Ил-2”, нанёс огромный ущерб наземным силам противника, тем самым внёс личный вклад в достижение Победы.

Уйдя в запас после продолжительной службы на командных должностях в Военно-Воздушных Силах, он не сидел спокойно, а принимал непосредственное участие в испытаниях самолётов нового поколения. В послевоенные годы окончил Военно-воздушную академию и инженерно-строительный институт.

Частицу души оставил, проявляя инициативу в создании и укреплении инфраструктуры гражданской авиации страны, в годы, когда Талгат Якубекович долгое время был заместителем начальника Казахского управления гражданской авиации. Под его руководством во многих городах нашей страны построены аэропорты, а также аэродромы. За свой

самоотверженный труд Т. Бегельдинов удостоился в то время престижной Почётной грамоты Верховного Совета СССР. Его грудь кроме золотых медалей украшают также ордена Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, Александра Невского и Славы III степени. Отмечен государственными наградами Республики Казахстан — орденами “Отан”, “Барыс”. Есть и награды иностранных государств, в том числе Крест войска Польского. Бегельдинов — участник исторического парада Победы 1945 года.

С его именем связано и строительство архитектурных зданий города Алматы. Он — Почётный гражданин Астаны, Алматы. Его именем названы военно-учебные заведения Вооружённых Сил Казахстана. Женат, четверо детей, девять внуков.

Мечтал встречать рассветы над океаном...

Возвращаясь к детству, он не мог не вспомнить о том, как ещё со школьной скамьи мечтал стать моряком.

“Кто в молодости не грезит быть капитаном корабля, — говорит Талгат Якупбекович, — побывать в дальних походах, встречать в огромном бескрайнем океане рассветы, наблюдать за тем, как медленно диск солнца садится за горизонт. Что же за мужчина, который не испробует свои силы, как говорится, во время девятого вала? Видимо, на роду было написано, что не суждено мне быть моряком. А причина тому — мой маленький рост. Как ни говори, он мешал всё время, когда я, избрав профессию лётчика, целеустремлённо и настойчиво добивался главной цели — летать. Ведь для меня самая большая высота, как сегодня помню, в детстве был горб верблюда. Но зато на горбу верблюда с родителями проехал тысячи километров от нынешней столицы, в то время Акмолинска до тогдашней столицы Киргизии. Не одна неделя понадобилась, чтобы преодолеть такое расстояние. Разве сравнимо с нынешним днём, когда на самолёте из Астаны можно долететь до Бишкека за полтора часа.

А детство моё прошло в столице Киргизии, — вспоминает ветеран. — Помню до сих пор, рядом со школой была мечеть. Туда постоянно приходили пожилые люди. Молиться в мечеть ходила и моя бабушка. Она — долгожительница, прожила 101 год. Её уважали, к ней приходили люди, кто за благословением, а кто просто послушать мудрого совета. Бабушка меня любила и всегда старалась оберегать от чужих глаз, завистников. Мне нравилось, как она говорит, её ласковость: “Талгатик, бережёного Бог бережёт, будь во всём аккуратен, внимателен”. Никогда ещё мне не было так хорошо, когда бабушка читала молитву, на душе становилось спокойней, словно я освобождался от какого-то бремени. Однажды, когда небо совсем потемнело и прогремел сильный гром, она, подождав меня, прочитала молитву. Исподлобья глянув в мои глаза, отчётливо произнесла: “Внучок, запомни, читай её не только когда сверкает молния, гремит гром, но и в трудные минуты — тебя она будет оберегать”. Не раз перед вылетом на боевое задание повторял эти священные слова. Думаю, молитва меня уберегла в тяжкие часы, когда шансов не оставалось выжить. И сегодня, слава Аллаху, благословенные слова молитвы бабушки помогают в жизни”. Неслучайно вспомнил Талгат Якупбекович мечеть, молитвы бабушки. “На то была веская причина, — сказал он. — Как-то, встретив мальчика около мечети,

пытавшегося запустить в небо игрушечный самолёт, я заинтересовался. С любопытством заглядывая в глаза русскому мальчику, спросил:

— Могу ли я смастерить такой же самолёт?

А в ответ услышал:

— Приходи в мою мастерскую, будем вместе работать. Правда, она полудетская, но ничего, совместно что-нибудь придумаем.

И придумывали, всё получалось. Неслучайно гласит пословица: “Шуба, скроенная сообща, не будет коротка”.

Вот так с этой крохотной мастерской начался путь Талгата Бегельдинова в большую авиацию. Был в его жизни и такой факт. Ещё до войны, смастерив собственную модель самолёта, он отнёс её в “Осовиахим”. Даже не думал, что кого-то она заинтересует. Но моделью руководители остались довольны, а автор заслужил благодарность. В качестве вознаграждения будущему лётчику вручили небольшую сумму денег. Заметив старание, склонность Бегельдинова, они порекомендовали поступить в аэроклуб. В то время был актуальным лозунг: “От модели — к планёру, от планёра — к самолёту”. Да, прежде чем стать настоящим лётчиком, ему пришлось здорово поволноваться, потрудиться в аэроклубе. Находясь там, он получил отменную практику. В аэроклубе научился летать на “У-2”. Эти летательные аппараты называли тогда “этажерками”. В годы войны они в ночных условиях наводили страх на фашистов. На этих самолётах летали наши славные женщины. Видимо, учитывая это, комиссия, работавшая по отбору кандидатов в лётчики, зачислила Талгата в Саратовскую военно-авиационную разведывательную школу пилотов. Хотя туда тоже отбирали очень строго, по определённым критериям. По ним, как рассказывает Бегельдинов, он не во всём подходил, но были добрые люди, которые не могли не заметить его стремления, трудолюбия, настойчивости. Вот так, неожиданно-негаданно, жизнь стала меняться, “колесил” Бегельдинов по матушке России из одного города в другой. После окончания учёбы в Саратове отправился в Чкаловскую истребительную школу пилотов. Перед отправкой на фронт пришлось ещё переучиваться на штурмовик “Ил-2” в 34-м запасном авиаполку в Ижевске.

“С тех пор “Илюша” стал мне близким и родным, — рассказывает герой, — так как в грозные дни войны пришлось с ним “прожить” долгое время без земных впечатлений и наносить удары по фашистам с воздуха. Да, на тот период данный тип самолёта был сильной машиной, называли её “летающим танком”, разумеется, не в пример простеньким “У-2”. Но и за штурвал её сажали не каждого, требовались отличная выучка, профессионализм, иначе одна ошибка пилота стоила жизни. В целом не только “Илюши”, но и вся штурмовая авиация Советского Союза внушала врагу страх. Не зря гитлеровцы “Ил-2” прозвали “чёрной смертью”. Да что говорить, всё бывало, на то и война, тем более техника есть техника, всё невозможно предусмотреть. Помню, однажды на высоте 2 тысячи метров надо было совершить переворот через левое крыло. Пришлось рискнуть, совершая манёвр на таком самолёте. Ведь машины такого класса были уязвимыми. Требовалось сопровождение, а оно отсутствовало, особенно в первые дни войны. Потому большие потери были на “Илах”. До сих пор удивляюсь не тому факту, что фигура высшего пилотажа тогда вошла в историю пилотирования, а совершённому мною манёвру. Замечу, что умение и уверенность давались не так просто. Каждый воздушный бой я тщательно анализировал, сравнивал с другими боями, учился у самых опытных и на своих ошибках, и ошибках других”.

В боях мужала юность

Талгат Якупбекович был не только лётчиком, но и командиром эскадрильи, а после войны, окончив Военно-воздушную академию, долгое время руководил воинскими частями Военно-Воздушных Сил бывшего Советского Союза. Не мог в разговоре Бегельдинов не вспомнить своих первых командиров-наставников, “поставивших на крыло”, как поётся в известной песне:

*Об этом, товарищ, не вспомнить нельзя,
В одной эскадрилье служили друзья.*

По его мнению, “кто в авиации не служил, тот лиха не хлебал”. Справедливость этого утверждения, он, молодой лётчик, ощутил на себе, встретившись со своими первыми наставниками — командиром эскадрильи, Героем Советского Союза Степаном Демьяновичем Пошивальниковым, его заместителем Михаилом Петровичем Одинцовым — впоследствии дважды Героем Советского Союза. “Я до сих пор благодарен, — говорит фронтовик, — что они многого требовали по службе от меня, в то же время учили, оберегали в бою.

Действительно, являясь настоящими корифеями своего дела, они не жалели лётчиков, доводили их до требуемых “кондиций”. До сих пор помню их слова: “Не тянешь — уходи, а слабаки в авиации не нужны. Понапрасну быть мишенью для врага не надо”. Они меня водили в бой. У нас не было случая, чтобы не выполнили задание, которое нам давали. Мы умели в любых условиях бороться до последнего. Каждый боевой вылет был настоящим уроком. Помнится такой случай. Однажды, возвращаясь с очередного задания, ещё не перелетев территорию врага, вдруг слышу крик в шлемофоне: “Командир, “Мессершмитт” на хвосте!”. Смотрю, действительно “на хвосте” висит вражеский истребитель. Маневрирую, “мессер” не отстаёт и не стреляет. Чувствую, что за штурвалом — опытный ас. Меня задело за живое. Ну, думаю, держись, гад, сейчас прикончу. Не успел, как говорится, глазом моргнуть, опять слышу тот же голос боевого товарища: “Командир, истребитель улетел восвояси!”. Доложив командованию о выполнении боевого задания, иду вдоль кромки аэродрома и вижу как тот знакомый “мессер” садится на нашу посадочную полосу. Разумеется, перереволновался. Потом понял, что это был вовсе не “Мессершмитт”, а истребитель американского производства, за штурвалом которого сидел гроза фашистов, легендарный Александр Покрышкин, выполнивший в годы войны 600 боевых вылетов, сбивший 59 самолётов противника, ставший впоследствии трижды Героем Советского Союза, маршалом авиации. Узнав о том, что я летел на самолёте под седьмым номером, решил он со мной познакомиться поближе. “Как, тяжело было? Ничего, молодец джигит, испытание выдержал, лётное искусство освоил отлично”, — с этими словами Покрышкин обнял меня. Да, было приятно, что настоящий ас (в то время он был полковником, командиром дивизии) так оценил мой труд. С тех пор наша фронтовая дружба не прерывалась. В послевоенное время, будучи слушателем Военно-воздушной академии, не раз бывал в гостях у маршала авиации. Несмотря на своё величие и заслуги он всегда оставался скромным, добрым, отзывчивым, любил побалагурить. Своей супруге, шутя, говорил: “Этого парня я когда-то до смерти напугал”. Хочу сказать о том, что не только Покрышкин, но и другие прославленные лётчики-герои

Иван Кожедуб, Анатолий Ефимов, наш земляк Леонид Беда, с кем мне посчастливилось учиться в вышеуказанной академии, были просты в общении, заботливые, весёлые, жизнерадостные. Да, у таких настоящих командиров, как Александр Покрышкин, Иван Кожедуб, мы учились лётному искусству, мужеству и героизму. Они своими решительными действиями ошеломляли гитлеровцев. Не зря фашистские лётчики, увидев номер самолёта нашего аса, кричали: “В воздухе Покрышкин, Покрышкин!”. Прав был полководец Александр Васильевич Суворов, сказав: “Удрил — победил”. Вот так и я набирался опыта, хотя был безусым мальчишкой. Словом, в боях мужала моя юность. Скажу откровенно, придя в авиацию, не думал о славе, как правильно заметил поэт Сергей Есенин:

*Не искал я ни славы, ни покоя,
Я с тщетой этой славы знаком...*

Понял одно, что золотые звёзды в боях достаются высокой ценой. Полёт, спрессованный в секунды, — особое измерение профессионализма, доблести, воли человека, всей жизни. Конечно же, и вера в товарищей, которые также должны верить в тебя. Это многое значит.

С чистой совестью хочу сказать, что я на фронте, будучи командиром, не потерял ни одного человека. Однажды в 1943 году на Курской дуге вёл в бой за собой целый авиаполк — 32 самолёта. Все машины, отбомбившись, вернулись на свой аэродром без потерь. Да, были дни, когда приходилось совершать за сутки четыре-пять боевых вылетов. В одном только бою против нас вели атаку до 60 фашистских самолётов, тем более силы были неравными. Кувыркались, как могли. Всё это словами не передать. Оторвавшись от своих товарищей, я решил внезапно атаковать “мессер” и в упор расстрелял. Затем выяснилось, что в “дуэли” со мной был гитлеровский ас, профессионал капитан фон Дитрих, прошедший хорошую школу в Испании, Франции, на Балканах. За плечами имел 200 боевых вылетов, за свои подвиги был награждён крестами. Неслучайно говорю об этом, так как некоторые представляют вражеских лётчиков слабаками, необстрелянными. Наоборот, многие из них до вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз воевали в других странах, накопили боевой опыт.

“Не смею не верить своему офицеру...”

— Как известно, нынче в армии немало говорят о том, что надо доверять сержантам, офицерам. В чём же проявлялась вера в товарищей на фронте? Хотелось бы услышать об этом поподробнее.

Бегельдинов ответил так:

“Я уже упоминал о значимости веры в товарищей. Помните, в повести Александра Куприна есть такой эпизод. Подпоручика Ромашова, который находится под домашним арестом за нарушение воинской дисциплины, вызывает командир полка полковник Шульгович. В разговоре с Ромашовым старый служака произносит замечательную фразу: “Что же, я не смею, понимаете ли, — не смею не верить своему офицеру...”. На фронте все взаимоотношения строились на доверии, мы верили в своих подчинённых. Иначе было нельзя. Сегодня другая ситуация. Встречаясь с нынешними офицерами, порой слышишь сетования: не тот нынче солдат, сержант, контрактник, не тот офицер. Не буду судить о справедливости или

ошибочности таких мнений. Подчеркну лишь следующее: сегодня у нас такие солдаты и офицеры, какие они есть. Других нам не дано. Офицерам надо доверять, предоставлять им возможность раскрыть свои способности, командирские качества, утвердиться в избранной профессии. А контролируя каждый его шаг, ведя его, как говорится, за ручку, сковываем инициативу. Именно мы, ветераны, командиры, офицеры-воспитатели и никто другой, должны сделать всё для того, чтобы они были воспитаны и обучены должным образом, соответствовали высокому званию воина-сарбаз Вооружённых Сил суверенного Казахстана. Этого требуют само время, сама обстановка в мире. Важно брать на вооружение опыт не только фронтовиков Великой Отечественной войны, воинов-афганцев, но и нынешних наших миротворцев. Опыт боевых действий в “горячих точках” показал необходимость организовывать боевую подготовку более интенсивно, более целенаправленно. Видимо, настала пора не набирать кого вздумается, а отбирать людей самых достойных в те же военно-учебные заведения, на ту же службу по контракту. Если говорить о командирах, то они не рождаются сами по себе, их надо готовить тщательно, всесторонне. Более пристального внимания требует и сержантское звено. Мало вложить в будущего младшего командира определённый объём знаний, подтянуть его в физическом отношении, важно найти в молодом человеке некую командирскую жилку. Словом, сделать так, чтобы он вышел из стен кадетского корпуса, “учебки” признанным лидером во всех отношениях. Командир на то и командир, чтобы быть всегда впереди, на высоте, подчёркиваю, не на словах, а на деле. В целях стимула, карьерного роста, конечно же, необходимо создавать условия, в том числе заниматься вплотную обеспечением жилья военнотружущим и гражданам, уволенным с воинской службы, в избранном месте жительства. Они должны верить, что за плечами у них — крепкий тыл, надёжное государство, которое обязательно позаботится о них. Это не только моя точка зрения, а мнение многих военнотружущих, с кем мне приходилось встречаться.

Конечно же, в годы войны была совершенно другая ситуация, мы думали только о том, чтобы победить врага, тем самым принести радость, счастье, благополучие людям. Да, стремление у всех было, чтобы побеждать умело, мастерски. Но такого, что, мол, шапками закидаем врага — не было. Говорили, что врага надо уничтожать. Это было общее настроение. Наш моральный дух был сильнее. Правда, в начальный период войны у гитлеровцев было больше самолётов, поэтому мы вынуждены были обороняться против превосходящих сил противника. Фашисты считали себя господами в воздухе. Обороняясь, мы часто переходили в контратаки. Первые воздушные бои убедили, что и мы не лыком шиты, врага можно бить и бить. С каждым днём наступательный дух советских лётчиков усиливался, в их действия внедрялась новая тактика воздушного боя. Часто стали применять вертикальный манёвр. Фашисты не забывали отдохнуть, выпить. Даже было такое, что в начале войны они соблюдали свой распорядок дня. А мы знали, что отдыхать будем только после победы. Словом, не давали врагу такого разгула, на какой он надеялся, удержали ту железную стену, которая на нас двигалась.

Понимаю, что нынешняя молодёжь войну представляет умозрительно, для неё она — далёкая история, оставшаяся на страницах книг, запечатлённая в граните и мраморе памятников. Для ветеранов — почти что

вчерашний день. Война — это их молодость. Им небезразличны события почти 65-летней давности. И для меня тоже. Обо всех не скажу, но у нас в эскадрилье дисциплина была образцовой. Я никогда не беспокоился за своих подчинённых, мол, кто-то напьётся, станет дезертиром, — такого у нас не было и в помине. Наоборот, для нас войсковое товарищество было понятием святым и нерушимым, как у Гоголя: “Нет уз святее товарищества”. Например, я говорил уже, что в эскадрилье всегда было взаимопонимание, прислушивались к мнению друг друга. Ценили и уважали людей за их высокие человеческие качества, разумеется, профессионализм. Так, моим заместителем был Герой Советского Союза Анатолий Ростнецов, командиром звена Михаил Коптев, тоже Герой Советского Союза. Они не останавливались на достигнутом, не думали о “тихой гавани”, работали над собой. Разумеется, большую роль играл и личный пример начальника. Не для бахвальства скажу, было приятно, когда наш командир Пошивальников ставил меня в пример другим: “Берите пример с Бегельдинова, как он маневрирует, — говорил Степан Демьянович. — Зенитки бьют, от взрывов густо, как в котелке с кашей, а он, будто шарик мыльный, или наверху, или между ними ныряет и ничто его не берёт”.

“А вас, капитан Бегельдинов, прошу остаться”

Талгат Якупбекович был участником многих парадов, но из всех ближе и дороже для него тот исторический Парад Победы 45-го. Как ранее он рассказывал о том, что его на флот не брали из-за небольшого роста, такой же казус произошёл, когда отбирали самых достойных на Парад Победы. Ветеран хорошо помнит тот разговор с командиром корпуса.

“Вообще в авиации могли по-доброму пошутить, повеселиться, — улыбается Бегельдинов. — На фронте юмор, искренняя шутка, душевное слово всегда ценились, поднимали дух. Точно подмечено в одной из восточных пословиц: “На ласковое слово и змея из норы выползает”.

Но в те весенние дни 45-го, как я помню до сих пор, мне лично не до шуток было. Правда, чуть позже, образно говоря, вместо разразившихся грозных туч появилось яркое солнце. Что же произошло? Вдруг внезапно меня и других командиров вызывают в штаб корпуса, точнее к генералу Рязанову. Идём с командирами эскадрильи и недоумеваем, спрашиваем друг у друга: “Зачем же вызывают? Что же ещё опять? Наверное, новая вводная?”. А наш полк в то время готовился в полном составе перебазироваться из Фюрстенвальде, т. е. из Германии, в Австрию.

Сидим в кабинете генерала, он выглядит по-праздничному, при орденах. И настроение у него, как видно, отличное. Ждём с нетерпением, ожидая, что же скажет генерал. Он сидит, молчит, но улыбается. Наконец-то произнёс:

— Я собрал вас, товарищи, чтобы сообщить радостную весть. В конце июня в Москве состоится Парад Победы. На нём вы будете представлять наше соединение. Есть у кого вопросы? Если нет, можете быть свободными. Дополнительные указания получите в своих частях. А вас, капитан Бегельдинов, прошу остаться.

Невольно сердце ёкнуло. Точь-в-точь, как в многосерийном художественном фильме, когда Мартин Борман, обращаясь к Штирлицу, произносит ту же фразу: “А вас, Штирлиц, прошу остаться”. В фильме совсем другое, чем в жизни. Но меня сильно взволновало обращение генерала.

— Садись, садись, разговор предстоит долгий и не совсем приятный. Мне стало известно о полёте в район Мельники. Изволь объяснить своё поведение.

Генерал пристально смотрел на меня и я чувствовал, как краска заливает моё лицо. По телу пробежали мурашки, вспотели ладони. Я готов был провалиться сквозь землю. Что я мог сказать командиру корпуса, которого все уважают, в том числе и я питал к нему симпатии и любил как отца родного. С первого и до последнего дня войны командир был моим высшим начальником. Требовательность свою сочетал с заботой и уважением по отношению к нам.

Рязанов ждал моего ответа. Прошёлся по кабинету. Закурил. Я молчал, обдумывал свой ответ, как на экзамене. А затем, не скрывая, как на духу, выложил всё как есть.

Командир слушал меня внимательно, не перебивал. Не дожидаясь его решения, попросил простить за данный случай со злосчастной бутылкой рома. Дал слово, что больше никогда не повторится подобное. Генерал встал с места и сел напротив меня, внимательно разглядывая моё лицо.

— Учитывая твои заслуги на фронте, зная как настоящего лётчика, мы пришли к решению: не наказывать тебя, но предупредить строго.

Как бы завершая разговор, командир сказал:

— Жаль, что ростом ты невелик.

Я удивился:

— Почему?

Мысленно подумал: “Это надо же, воевать, значит, мой рост не мешает, а как что-то другое, то я не подхожу”, но вслух не сказал.

— Да вот на парад отбираем в строевом отношении подтянутых, самых стройных, высоких. Жаль, что ты мал ростом, — повторил командир. Генерал сделал паузу, но затем спросил: — Но намерен ли ты пойти левофланговым? Это значит, что будешь идти в шеренге, где толком не увидишь Мавзолей.

— Товарищ генерал, готов идти в любой шеренге. Главное, что буду в парадном расчёте.

На душе потеплело. Понял, что инцидент со злополучным ромом исчерпан. В часть вернулся в приподнятом настроении. В полку уже знали, что я буду участвовать в параде.

Когда ехали на поезде в Москву, проезжая ту или иную станцию, каждый из нас вспоминал близких, родных. Я мысленно окинул взором путь от Старой Руссы до Берлина и Праги, подумал о боевых товарищах, друзьях, которые не дожили до Дня Победы. Нет для любого человека потери больше, чем гибель товарищей, друзей. Конечно же, не мог не вспомнить своего отца, мать, мою первую потерянную любовь Айнауль...”

В парадном строю —

с прославленными полководцами

— Чем же запомнились Вам счастливые минуты Парада? — спросил я у героя.

“Буду до конца жизни помнить тот победный Парад 24 июня 45-го, которого мы ждали четыре года, — произносит Талгат Якупбекович. — Этот долгожданный и незабываемый день был таким, словно сама погода

плакала, отдавая дань памяти тем, кто отдал свою жизнь за наше счастье, будущее, кто в составе парадных расчётов не прошёл по брусчатке Красной площади Москвы. Как бы они порадовались долгожданной победе вместе с нами! Несмотря на то что накрапывал летний дождь, душа радовалась, дышалось легко и свободно. Мы ловили на себе ликующие взгляды людей, которые пришли на этот исторический Парад. Песни, музыка оркестров, транспаранты, весёлые лица победителей создавали прекрасное настроение. Когда раздалась чеканная фраза командующего парадом Маршала Советского Союза Константина Рокоссовского: "Парад, равняйся, смирно!" — разволновался, почувствовал, как учащённо забилося сердце. Каждому из нас хотелось поближе увидеть великого полководца, четырежды Героя Советского Союза Маршала Советского Союза Георгия Жукова, объезжавшего на лихом коне парадные расчёты. Это правильно, что сегодня Георгия Константиновича называют Маршалом Победы. Так оно и есть. С его именем связаны все победы известных сражений в Великой Отечественной войне. По словам Маршала Ивана Баграмяна, Жуков был военачальником, для которого "самая запутанная и противоречивая обстановка — открытая книга; он бегло читает её, и верные решения возникают как бы сами собой". А цепкая память позволяла ему свободно оперировать тысячами различных данных о противнике, своих войсках и других условиях обстановки.

Отрадно, что рядом с Красной площадью воздвигли Георгию Константиновичу величественный памятник... В эти счастливые минуты по главной площади столицы прошли сводные полки фронтов со своими боевыми знамёнами. Во главе полка первого Украинского фронта шёл дважды Герой Советского Союза маршал Иван Конев, за ним в первой шеренге шли мы, фронтовые друзья: Сергей Луганский, Юрий Балабин и самый крайний слева — я. Особое чувство у нас, участников парада, оставил тот момент, когда двести воинов под барабанный бой бросили к подножию Мавзолея Владимира Ильича Ленина двести знамён гитлеровской армии. Это означало, что мы навсегда покончили с войной, с фашизмом.

Находясь под впечатлением торжественного парада, я всё думал, что же привезти из Москвы своим подчинённым? Когда проходил по улице Калинина, обратил внимание на огромные витрины универмага, где крупными буквами было выведено слово: "Военторг". Обрадовался, словно ребёнок, нашедший ту игрушку, которую хотел. На витринах, сверкая лаком козырьков, красовались фуражки с голубыми околышами. Меня сразу же осенила мысль — вот он, лучший подарок!

Продавец не понял, когда я попросил упаковать мне сразу тридцать фуражек. Он в недоумении посмотрел на меня, затем спросил:

- Товарищ капитан, зачем так много, хотите переодеть всю армию?
- Почему всю армию? А вот свою эскадрилью обрадую обновкой.

Продавец замялся, смущаясь, признался, что в отделе у него такого количества головных уборов не наберётся. Рекомендовал обратиться к администратору магазина. Администратор оказался офицером запаса, принял меня с полуслова. Не только уважил мою просьбу, но помог с автомашиной, чтобы довести коробки до вокзала.

Поблагодарив администратора, я на поезде, затем попутным грузовиком добрался до Фюрстенвальде. Уложили фуражки в "хвост" самолёта, механик уселся на место стрелка, и вскоре "Ильюшин" уже летел к Вене —

столице Австрии. Надо ли говорить о том, какая была встреча в полку? Словами не передать. Уже через час после того как я прилетел к месту назначения, лётчики, механики и стрелки моей эскадрильи щеголяли в новых фуражках, радуясь подарку. Не беда, что кое-кому они пришлось не по размеру. Но зато — подарок из Москвы, с Парада Победы!

Они чувствовали себя, как будто сами были участниками парада. Хотя не так уж много было на фронте таких счастливых и радостных минут, но они запоминаются на всю жизнь.

Иногда молодые люди спрашивают у меня совета — что бы вы подарили близкому человеку, скажем, в день его знаменательного события в жизни. Я всегда отвечаю: “Не важен подарок, главное — внимание к людям. Даже сердечное слово — полсчастья, как говорят в нашем народе: “Доброе слово — лучший подарок”.

Принцип “меча и щита”

Невольно наш разговор коснулся современной авиации.

— Вы, наверное, согласитесь с тем, что фронтовой опыт лётчиков “не ушёл в запас”, а используется нынешней молодёжью. На Ваш взгляд, что можно взять “на вооружение” из опыта фронтового лётчику, сидящим за штурвалами истребителей, оснащённых “тепловыми” ракетами и пушками? — спрашиваю прославленного ветерана Великой Отечественной.

Есть что вспомнить ветеранам генерал-майору авиации в отставке Талгату Бегельдинову, Герою Советского Союза, Халык Кахарманы (Народному Герою), генералу армии Сагадату Нурмагамбетову, а также фронтовому лётчику, полковнику авиации в отставке Байзулле Акижанову, соприкасаясь с реликвией молодости.

“Что и говорить, — отвечает Талгат Якупбекович, — сегодня наука ушла далеко вперёд, на вооружении армий, в том числе казахстанской, современные самолёты. Насколько я знаю, в числе требований, предъявляемых к истребителю пятого поколения, специалисты обязательно называют сверхманёвренность. Например, наш прославленный ас, трижды

Герой Советского Союза Александр Покрышкин оставил в наследство реактивным истребителям “формулу” ближнего боя: высота — скорость — манёвр — огонь. Оказавшийся “на высоте”, скажем, “Миг-21” начал диктовать “Миражу” условия боя. Дело оставалось за пилотом — его умением и навыками выполнять нестандартный приём. Следует добавить, что в момент сваливания “Миража” и “Мига” также ощущалась предштопорная тряска. Пилоты “Миражей” также владели приёмом, который в американском Наставлении называется “ха-джироул” (высота — перегрузка — бочка). Хочу подчеркнуть, что авторство данного приёма американцы признавали за Покрышкиным. Это говорит о том, что заокеанские коллеги изучают опыт наших фронтовых лётчиков. В одно время книги Александра Покрышкина, моего однополчанина Ивана Кожедуба и других были настольными у инструкторов, овладевавших секретами сверхманёвренности. Обидно, что нынче изданий прославленных асов в магазинах не увидишь, вместо них — красочные бестселлеры о выдающихся рекордах немецких мастеров. Получается так, что будто не наши лётчики одержали верх в воздушных сражениях Великой Отечественной войны. Говоря о манёвренных боях, думаю, что не отомрёт тактический принцип “меча и щита”: пара истребителей, как и прежде, будет “элементом”. Опыт свидетельствует о том, что манёвренные бои останутся парными. Как бы там ни было, любая война не прощает ошибок, требует совершенствования боевого оружия, техники. Безусловно, на мой взгляд, для уничтожения целей на поле боя, а тем более в горной местности, применение штурмовиков, как “Су-25”, “Су-25СМ”, особенно последнего, обладающего более совершенным прицельно-навигационным комплексом, наиболее оптимально.

Встречаясь с коллегами, воинами-афганцами, я убедился в своих взглядах. Они подтвердили возросшую точность применения средств поражения. Война в Афганистане вывела штурмовик на первое место, он обрёл имя, хорошо знакомое всем нам — “Грач”.

Всё же, вспоминая свои боевые вылеты, хочу напомнить, что успех в любом деле, тем более в бою, зависит прежде всего от профессионализма, силы воли, высоких физических, морально-психологических качеств лётного состава. Надо больше уделять внимания формированию истинно бойцовских качеств — дерзости и разумной оценке обстановки, сметке и инициативе, хладнокровию. Авиационные законы и опыт требуют обязательной проверки любого лётчика в полёте. Именно в полёте. Будь он учебный или реальный. Тренажёр здесь не поможет. К тому же как у командиров, так и у самих лётчиков появится уверенность в уровне подготовленности, а это тоже немаловажно.

Каждый вылет ни с чем не сравним, это не прогулка на комфортабельном лайнере, скажем, от Алматы до Парижа или от Астаны до Москвы. Вывод таков: нельзя останавливаться на достигнутом, надо учиться, используя любой опыт, в первую очередь и наш”.

И ещё прославленный лётчик убеждён, что нынешняя молодёжь в любую минуту должна быть готова к защите своей Родины, как их отцы и деды.

Александр БАЛТИН

*“Зёрна смысла,
капли бытия...”*

Алхимия

Алхимия жизни
Чрезмерно сложна.
Терпения жилы,
Смиренья луна.

Мечтаний довольно
Корявы края:
Конечно, невольню
Обрезался я.

И капелька крови —
Горячий рубин
Из области нови
Далёких глубин.

Смешаешь в реторте
Былое... а с чем?
Кровь ходит в аорте,
Чужая совсем.

Алхимия жизни
Хотя и сильна,
Иллюзии лживы
Во все времена.

Участь

Обещали морозы, а где же они?
Снег переходит в дождь — вот такая участь.
Наслаиваясь, в жизнь собираются дни.
А участи сколь обязательно присуща колючесть?
С болью в теле можно договориться, иль
Такой договор отдаёт дурновкусьем?
Терпение — вот идеальный стиль,
Не овладеем им — значит многое в жизни упустим.
Участь страшна, или нелепа она,

**Александр
БАЛТИН**

— член Союза писателей Москвы, автор 19-ти поэтических книг, свыше 270 публикаций в 70 изданиях России, Украины, Беларуси, Италии, Польши, США, лауреат международных поэтических конкурсов, стихи переведены на итальянский и польский языки. В “Ниве” выступает впервые.

Но всё-таки есть, и в этом одном
Концентрическая радость заключена
Добром, серебром, янтарём...

Зима подтаяла мороженым.
Блестит янтарный небосвод
Над миром, будто огороженным
Режимом календарных нот.
Мост над оврагом — там. В провинции —
Вибрирует от мчащих вдаль
Машин...И нет моей провинности,
Что для мечтаний дней не жаль.
Снег шубкой заячьей распластанный
Тут на асфальте... мёртвый зверь.
И всё же день, ходьбой рассказанный,
Мне интересен — верь, не верь.
В нём сумма золотистых разностей.
... сугроб весь в оспинах весны.
И свет расцвета, новой радости,
Коль зимние уходят сны.

Недавно замощённые дорожки
Бульвара отливают под дождём
Тюленьей шкурой — но чуть-чуть, немножко,
И нефтью, золотой весьма притом.

Шарами фонарей переливают
Дорожки, и таинственны они.
Так много мне внезапно открывают
Окрестные огни...

Миссия шпребхшталмейстера
Шпребхшталмейстер объявляет
В старом цирке номера.
И мундир его сверкает,
Что сегодня,
Что вчера.

Группа храбрых акробатов!
И уже спешат они.
Заведённость автоматов,
Трюков сложные огни.

Тигры, дрессировщик славный.
Важно хищники идут.
Шаг упругий, вместе плавный.
И огонь не страшен тут.

Ну а клоунов не надо
Объявлять. Полно реприз.
Цирк едва ль подобье сада,
Но — полно счастливых лиц.

Счастлив человек, что ли,
Сей работою своей?
Или он заложник воли
Золотящихся огней?

Вот он снова объявляет,
И довольно строг лицом.
И — заботы отменяет,
Все заботы — на потом!

Отрешитесь, отрешитесь!
Радуйтесь душой сейчас.
С радостью соединитесь,
Всё хорошее для вас.

Шпрехшталмейстер объявляет
В старом цирке номера.
И мундир его сверкает,
Что сегодня, что вчера.

Гностические зёрна

Утренняя улица темна.
Снегом опушённая, она
Мистикой отмечена, примстится.
Небо точно плотный-плотный свод.
Но огни внизу играют — вот,
Пустотой звеня, автобус мчится.

Зёрна, что в сердца посеет явь,
Стоит ли растить? Насколько я в
Данности? Ко мне идёт собака.
Тычет носом в брючину мою.
Глажу зверя. Тёмный воздух пью.
Тёмный, но не страшен он, однако.

Образ настоящего насколь
Дан разнообразной суммой воль?
Переулочек в прошлое уходит.
Часто-часто будущим дыша,
Не поймёшь — растёт в тебе душа?
Или же мечтает о свободе?

Зёрна смысла, капли бытия...
Прохожу ларёк цветочный я,
Думаю ли о цветенье смысла?

Ночь весьма пространна, но она
В марте с утром смешана. Длина
Переулка входит прямо в числа.

Вокруг Моби Дика

Весы качаются над бездной —
Насколько знает человек
Закон их действия железный?
К добру склониться чтоб, а не к...

Коль кашалот дан будто символ,
Погоня нам не по зубам.
А вы хотели б клумбу примул?
Уютный дом приятней вам?

Гарпун догонит кашалота!
И мяса будет сочный груз.
Ахав. Библейская работа,
Которой смысла я боюсь.

Кот-кашалот, котяра милый.
Дом обстоятельств нехорош.
От жизни, уж давно постылой,
Как ни старайся, не уйдёшь.

Весы качаются над бездной.
Ко злу склоняться не моги.
И долей кажутся плачевной
Твои — пред высотой — долги.

Осень патриарха

Астры лохматые,
Осени шаг.
Стёртые даты и
Тот же всё враг.

Города-Ирода
Власть широка.
Дача, где иволга,
Рядом река.

Отъединение
От скоростей.
И разрушение
Личных страстей.

Ибо вращение
Возрастом в жизнь
Есть избывание
Скверны и лжи.

Зимний Таллин

Картинка успокаивает нервы,
Картинка — зимний Таллин — на стене.
Как будто город отворён, и недра
Его весьма любезны мне.

На черепице белый снег мерцает,
Соборы колют неба синеву,
Не больно колют — каждый это знает,
И я — поскольку долго я живу.

Дома, чьи окна тайною богато
Наполнены, видны проулки мне.
И облачко в углу — оно крылато,
И о крылатом вспомнится коне.

Цена идеала

(Стихотворение в прозе)

Вышел из кухмистерской, и потянулся сладко, смакуя послевкусие. Постоял на галдарее, глядя на искристо-зернистый, сине-белый снег; и вдруг — она — тоненькая, порывистая, великолепная. Сбежал по ступенькам и крикнул извозчика. — Скорее — за ней! ЗАСКРИПЕЛИ ПОЛОЗЬЯ ВЕСЕЛО, ГРОМАДНЫЕ, РАЗНОЦВЕТНЫЕ ДОМА ВАЛИЛИ В ГЛАЗА, ЮРОДИВЫЙ ВЗВЫЛ, ТРЯСЯ грязной бородой. Поражала скорость движения — Она, та девушка, та прекрасная неизвестная — свернула в один проулок, во второй, наполовину заваленный брёвнами, и вдруг — во двор. — Стой! — крикнул извозчику и, кинув монету, устремился за... Чёрно-белый колодезь-гроб, лабиринт страхов, слепые стены домов, и — костёр, как рыжий крик боли, и — низкое жёлтое окно, а за ним прачки — толстые, мощные, шум стирки, пар...И — страх дворов, которым нет конца.

Вот вам цена идеала.

Деревья чёрные и белый —
Такой по-детски белый снег.
Глядит на снежность очумелый
От силы счастья человек.

Глядит, забывши на мгновенье
Про 40 лет, про жизнь-печаль.
И новое стихотворенье
Отдать молчанию не жаль.

г. Москва.

Алексей ПРОЙДАКОВ

Целитель

Повесть

Часть 2.

ПОД УДАРОМ

“Человеку всегда следует помнить, что за всей его деятельностью свыше осуществляется надзор. Живое существо в материальном мире подобно служащему в конторе, за деятельностью которого следит его шеф. Служащий не знает, какое мнение складывается о нём у начальства, но всё что бы он ни сделал, так или иначе учитывается, и в зависимости от результатов его работы ему могут увеличить жалованье, повысить или, наоборот, понизить в должности, или уволить. Аналогично этому, у всех наших поступков есть свидетели, и потому в священных писаниях сказано, что живое существо находится под контролем высшей силы и в зависимости от своей деятельности заслуживает поощрение или наказание.

Ш. Шримад. “Бесценный дар”

Вступление 4

Когда неверие захлестнуло всё и вся — Тьма безгранично господствовала повсюду, сея разорение и смерть. пытки в подвалах инквизиции становились всё изощрённее; непрерывно горели костры, сжигая светлые умы человечества. Отцы церкви так воинственно решали, во что и в кого верить пастве, что на этом пути уничтожили громадное количество разуверившихся, и окончательно утратили свой авторитет. Оно и понятно, когда служители культа начинают пытаться толковать Господню волю вместо того чтобы учить людей, как найти к Нему внутренний путь, — религия утрачивает своё основное содержание и становится абсолютным орудием тёмных сил.

Пошатнулась вера, как один из столпов цивилизации.

И всё говорило о скорой её гибели.

Но приходили пророки, являлись мессии, которые и пошатнули безоговорочное господство Тьмы. Они не дали окончательно пасть миру людей.

Но люди в полной мере испытали её рецидивы в стремлении вернуть утраченные позиции: борьба началась за отдельные человеческие души.

Мир, расколотый на два лагеря, опять сходил в единоборстве, но на другом уровне.

Мирное сосуществование двух диаметрально противоположных миров всё-таки оказалось невозможным; ибо Свет — Добро, а Тьма — Зло, хотя и находятся в одной плоскости.

Столкновение миров всегда грозит катастрофой.

Если между двумя цивилизациями всегда возможен компромисс, слияние: мыслей, взглядов, мировоззрений, то между двумя разными Мирами возможна только борьба, до победного конца.

Всё зависит от того, что выберут люди.

А они колеблются, ищут простых и доступных развлечений, деградируют и становятся настолько корыстными, что торгуют и телом, и совестью, и честью.

Это происходит, когда ожирение души достигает немыслимых размеров, когда выхода из этой благополучной на первый взгляд жизни — нет, когда опустошённость вначале появляется в голове, а затем меняет внешний облик.

И вот однажды, с каким-то непонятным восторгом, скажешь ты светло и здорово: “Всё!”. Но мгновение спустя тебе станет ясно, что не светло и не здорово ты сказал, а слово “всё” выросло из твоего горла, как корча.

И душа твоя сделается домом, из которого каждый день уходят дорогие тебе люди. И каждому хочется крикнуть вослед: “Воротись!”. Но будешь ты только кривляться, не в состоянии преодолеть отвращение к самому себе.

Ты был бы рад и сам покинуть этот дом, только бы не видеть, как уходят дорогие тебе люди.

Но уйти от себя невозможно.

И тогда судьба поставит тебя перед выбором: Тьма или Свет. Ничего не поделаешь, мы так устроены, мы должны быть заполнены или тем, или другим — третьего для нас не существует.

И ещё, ты обязан будешь это сделать, ибо от твоего выбора зависит: устоит мироздание или рухнет.

И если первое сулит лёгкое и быстрое блаженство, то второе — долгий и суровый путь Очищения и Покаяния.

А пока ты размышляешь над выбором, почувствуй, как бездарно уходит время земной жизни; сколько несправедливостей произошло за это время; познай, что за неё в ответе — ты и только ты.

Ты уже в центре борьбы.

Помни о том, что ты — творение Бога, а не его противоположности.

И ещё, помни о том, что борьба идёт столетиями, не прекращаясь ни на минуту.

Глава 1. Настоящий цвет волос

“... он чувствует возможность встречи с собой и боится её, он знает о существовании зеркала, взглянуть в которое ему, увы, так надо бы, взглянуть в которое он так смертельно боится”.

**Герман Гессе.
“Степной Волк”**

1

Целитель пропал, и силы мои душевные были окончательно сломлены.

Работа, приносившая удовольствие и материальный достаток, люди, с которыми приятно общаться, и даже семья, без которой я себя не мыслил, — больше не утешали, не помогали. Я уставал от разговоров с коллегами, они томили и раздражали. Я замыкался в себе, дичал и вызывал ответное неприятие и раздражение.

Бесцельно бродил вечерними улицами нашего небольшого городка, чтобы устать, и забыться хоть во сне. Мне шли навстречу люди, разные люди: рослые и низенькие, беззаботные и отягощённые чем-то, весёлые и хмурые. И все не видели всех.

И я думал: люди — миры, но чуждые. Мы не чувствуем друг друга, не сопереживаем, а земля для нас — мачеха. Да и что может стоять планета, с лица которой, в конце концов, мы все должны исчезнуть.

И что есть человек?

И что есть мир?

У своих знакомых в полиции я узнал, что по адресу “анонимного звонка” не обнаружили никого и ничего. “Странный был звонок, — пояснили мне. — Голос, как у робота”.

Что происходило там после моего ухода? Возможно, родные из Астаны или соратники, всегда ожидавшие подобного исхода, увезли тело Йен. Совершить такое не просто.

Но это было единственное разумное объяснение.

Вымотавшись долгими прогулками, уже затемно, я наконец припал к дивану, но сна не наступало. Каждая клеточка скулила о кошмарной усталости, но мозг не желал отдыхать, он начинал показывать картинки.

Из них я почти ничего не помню, но масштабы и место действия указывали на то, что это не наш мир, не наше измерение.

Они были тревожны и беспокойны, они предупреждали.

“Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после”.

Я пытался доказать себе: чем дальше отдаляюсь от той непонятной мне даты, тем дальше и она уходит от меня. Мечты не реализованы, а химеры гибнут.

Позже мнение изменилось, стало казаться, что ошибаюсь, всё происходит наоборот и — мы сближаемся. А финалом сближения может стать только Встреча. Вспомнилось это давнее, прежнее: “Как-нибудь соберёмся мы вместе и в прекрасном нездешнем краю”... Как по-другому теперь звучало это!

Доходил до меня и скрытый смысл последнего предупреждения Йен, я даже слышал её дрожащий голос: “Лучше тебе уйти и держаться от всего этого подальше”.

Ведь не ушёл! Не стал держаться подальше...

Мои хилые попытки спасти Целителя наверняка кого-то рассердили на Той стороне. Возможно, дело не столько в Йен, сколько в том, что злой воле Распорядителя пыталась воспрепятствовать какая-то козявка. И теперь, всё-таки потеряв единственную помощь и опору, я понимал, насколько уязвим и беспомощен.

О грандиозных битвах за человечество легко и приятно рассуждать где-нибудь в респектабельном клубе, к тому же чувствуя себя воином; говорить красивые слова, потягивая напитки и пыхтя сигаретой. Причём, с одинаковым успехом защищая любую сторону, потому что для спорящих обычно нет разницы, кого отстаивать.

Для меня иного пути теперь не существовало, я не мог отречься от памяти, не мог забыть пылких слов Йен, её долгих безуспешных попыток разбудить во мне человека. Я ещё не знал, сумею ли им стать.

Но всё равно я был ей благодарен.

Я познал.

Я всколыхнулся.

Я вышел на тропу войны.

Но, будучи по природе своей не бойцом, а поэтом, решил, что избежать ничего не удастся, всё где-то написано и развитие действия уже идёт, минуя нас. И стал просто тупо ждать: подлости за спиной, неожиданных ударов, негаданных катастроф.

Ожидание выматывало. Хуже всего — неизвестность. Тяжело знать, что прямо над твоей головой сгущаются грозные тучи, но не ведать, в какой момент и куда вонзится молния.

Долго длилось ожидание. Даже притупились мысли и ощущение опасности стало исчезать.

“Когда я чаял добра, пришло зло; когда ожидал света, пришла тьма”.

2

В благополучном месте я работал, при хорошем директоре. Сергея Васильевича Сафонова знал давно, а с другим учредителем — Верой Авдеевной Ибетовой только познакомился. Это была милая женщина, с длинными светлыми волосами; стройная, привлекательная; тридцати пяти лет. В отличие от Сергея — частного предпринимателя без образования, Вера Андреевна окончила институт и занимала пост заместителя директора филиала одного из крупнейших банков республики. Она гарантировала денежные потоки в виде кредитов. Поэтому именно ей я излагал план построения первого в Экибастузе медиа-холдинга, развивал идеи поэтапно-го ввода: газета, радио, типография.

Несколько дней с замиранием сердца ждал ответа. Причина волнения банальна: полгода без работы, без денег, без всяких надежд на завтрашний день; сложности в семье.

Но дело пошло. Мой план приняли к реализации.

За три летних месяца помещение для редакции новой газеты “Обзор” и офиса будущего медиа-холдинга “Сервис-информ” было отремонтировано и уставлено всей необходимой мебелью и аппаратурой. Штат укомплектовали не сразу, газетчики в Экибастузе, как и в других городах — наперечёт, однако необходимый минимум работников был собран.

Первый номер газеты я почти закончил.

Но 27 октября я получил такой удар, от которого до сих пор хорошо не оправился: умер мой отец.

В общем, “номер один” ребята выпустили без меня. И это было победное завершение первого этапа моего плана, но... сквозь боль утраты. Однако против судьбы не пойдёшь. Я стиснул зубы и сказал: уж коли так случилось, то в светлую память родителя я сделаю лучшую газету не только в городе, но и во всём Прииртышье.

Вскоре руководство приняло решение о начале работ по типографии. Но это происходило вдали от меня, я не пытался вникать в ход строительных дел и цен на оборудование, газета поглотила меня полностью.

Шесть месяцев прошли как в угаре. Становление нового печатного издания состоялось. Работать у нас уже становилось престижно. Я отбивался от толпы желающих напечататься, отказывался от приглашений “посидеть в кафе”, с трудом успевал принимать “старых друзей”, внезапно объявившихся. Но были и, как мне казалось, исключения. Так я принял на работу Леонида Богомазова, Оксану Бураеву, Татьяну Сосницкую. Они проработали недолго, но каждый из них для меня до сих пор отмечен клеймом предателя. Но это случится потом. А пока...

Иногда, приходя домой, я просто ложился на диван и закрывал глаза, желая хоть немного полного безмолвия. Хорошо, моя жена понимала и не беспокоила ничем. Бедная моя жена!

Ненависть возбуждает раздоры, но любовь покрывает все грехи.

Однажды мне приснился странный сон, я увидел свою жену, неторопливо шедшую по улице: красивая, молодая, черноволосая. “Рая, в чём дело? — спросил я. — Наверное, произошло что-то хорошее?”. Она ответила: “Просто я стараюсь держаться. А хочешь увидеть настоящий цвет моих волос?” — и провела рукой по причёске. И я с ужасом увидел, что моя жена абсолютно седая.

Проснувшись, я только встряхнулся, пришёл в память и улыбнулся привету из прошлых дней кромешных.

Жизнь кипела, дрожала, имела смысл. Всё шло настолько хорошо, что порой не верилось. Казалось, так не бывает.

Действительно, так не бывает.

Тогда я многого не знал. Например, ввод в строй типографии сулит огромные прибыли (а кто-то их уже подсчитал). Я не ведал, сколько приносят газета и радио. Не подозревал, сколько “чёрных” денег здесь отывается. Мне было не ясно, что медиа-холдинг, основанный по моему плану, — это уже огромный куш, и за него пойдёт нешуточная драка. Ничего не подозревал и шеф, мой крутой и богатый шеф. Всё было при нём. Перед ним открылась новая форма бытия и работы, и он руководил с удовольствием. Статус учредителя газеты дал ему возможность сделаться своим человеком у акима города и области. Он завёл знакомства с ведущими журналистами республики и крупными чиновниками. Он отточил свои прежние связи с руководством ГРЭС-2, и наверняка они были взаимно выгодны, потому что несколько раз в приёмной шефа я видел председателя правления этой фирмы. И не его одного. У Сергея ежедневно бывало множество людей. Он направлял строительные работы по типографии, обсуждал со специалистами заказы на оборудование, часто выезжал в командировки. Он ворочал миллионами и делал это легко и непринуждённо.

Я тоже был вдохновлён. Я тоже ощущал необычайный подъём.

Всё шло как надо. Я постепенно зарастал душевным жирком и даже стал забывать прежнее бедственное своё положение.

Ты опутал себя словами уст своих, пойман словами уст твоих.

Потом появилась и исчезла (так будет точнее) Йен, и у меня постепенно стали опускаться руки. Теперь я точно знаю, что всё началось именно с её исчезновения.

Дальнейшее вырисовывалось постепенно.

Но рухнуло с негаданным треском.

“... и пошёл дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот, и он упал, и было падение его великое”.

Как всё это походило на что-то!

Как что-то напоминало!

Иногда бессонной ночью я пытался отыскать истоки своего жалкого существования. Допустим, сейчас это испытание связано с Йен. Я её не спас и потому заслужил наказание с двух сторон: соратников — за то, что не спас, и противников — за то, что попытался спасти.

Но это — следствие, не причина.

Причина явилась гораздо раньше и, кажется, я её вычислил, когда попытался ответить на вопрос: “КТО Я ТАКОЙ?”.

3

Я никогда не питал особых иллюзий на свой счёт. Конечно, кое-что умею: пишу прозу, стихи. Но это — совсем другая тема. Сейчас издавать книги легко и просто — плати и печатайся, сколько хочешь.

Какая-то звёздная болезнь имела место. В двадцать лет я поступил на семинар прозы известного писателя Григория Бакланова в московском Литературном институте имени Горького. Было от чего голове вскружиться, сам великий мастер одобрительно отзывался о моих рассказах.

В Экибастузе, куда меня загнал жилищный вопрос, я стал работать в журналистике, — области наиболее близкой к литературе. Что-то получалось, что-то не очень, но именно эта работа давала реальную возможность ближе познакомиться с городом и его людьми. К спецам журналистики я себя никогда не причислял, были здесь настоящие мастера, равных которым и во всём Казахстане вряд ли сыщешь. Собственно говоря, они есть и сейчас и все трудятся в городской газете “Голос Экибастуза”. У них следовало учиться. Я и учился. И, видимо, неплохо, имя моё стало звучать в городе, области. Я даже успел побывать редактором двух крохотных газет, когда частный телеканал “Асхат” был прикрыт хозяевами за ненадобностью. Заручившись (пока словесной) поддержкой одного из крупнейших предпринимателей города, я созвал коллег по цеху и на развалинах “Асхата” создал новую телестудию “Астра”. Мы стали работать на старом оборудовании, которое нам дала в аренду прежняя фирма-владелец. Телевизионный сигнал был слабеньким и едва “пробивал” близлежащие микрорайоны. Но мы жили мечтой выиграть тендер и купить мощный передатчик.

Только и всего. Ни о каких баталиях, битвах, поисках Истины я не помышлял.

Заказов на передачи, рекламу было очень мало. Да и те, которые приходили, скорее становились актами милосердия друзей и добрых знакомых. Поэтому никакой возможности заработка мы не упускали. Любые заказы выполняли хорошо, чем снискали добрую славу.

Среди друзей вновь созданной телестудии числился и настоятель городской православной церкви отец Григорий. Правда, я всегда думал, что с его физиономией не проповеди читать, а с преступностью бороться. Но честно радовался, что хоть один из бывших слесарей выбился в люди.

Знакомы мы были что-то около пятнадцати лет. Ещё по его “гражданке” мы вместе работали на одном из ремонтных предприятий разреза “Богатырь”. Потом Гриша куда-то исчез, сказали, подался в духовную семинарию. Впрочем, её он закончил быстро и объявился в городе, уже облечённый саном.

Отец Григорий понемногу приплачивал за “Духовные беседы”, которые шли в эфире два раза в неделю. За их создание я даже удостоился чести бывать у отца-настоятеля дома, в шикарном трёхэтажном коттедже рядом с храмом.

Мы беседовали на различные темы, пили кофе и вполне ладили.

— Алексей, — говаривал он мне, называя на церковный лад, — Господь одарил тебя талантом и воистину неслыханной работоспособностью. Людишки слушают тебя с удовольствием, ты иногда даже говоришь умные вещи. Твоя программа, как её... забыл название.

— “Три “О”, — напомнил я. — “Объект объективного объектива”.

— Точно! Её ждут, её смотрят. Вот и используй этот свой дар во благо.

— Эх, Гриша! — отвечал я. — Мне бы лицензию получить да раздобыть денег на новый передатчик, вот тогда я и смог бы кой-чего, по-настоящему.

— Ой, не лги! Даже с тем, что ты имеешь сейчас, можно работать.

Мы бы и работали.

В один из дней ко мне пришли два молодых человека приятной наружности и представились служителями церкви “Новая жизнь”. Принесли заказ. По его условиям видеокассету с готовыми передачами надо было прокрутить в эфире семь дней. Выполнение щедро оплачивалось.

Я обещал подумать, к подобным вещам относился осторожно. Вначале внимательно просмотрел все передачи. Пожилой пастор читал и комментировал Библию. Затем проверил наличие регистрации “НЖ” в Минюсте республики. Проконсультировался в отделе социальных программ. Мне дали “добро”. И передачи пошли в эфир: одна, вторая. После выхода третьей я почувствовал острую головную боль.

“Переутомился”, — подумалось тогда. Пораньше уехал домой, старался отдохнуть, но боль не отпускала и продолжалась несколько дней кряду. Я буквально сходил с ума, не помогала даже водка.

А потом меня срочно вызвали в администрацию города. Заместитель акима молча протянул мне бумагу. Это был фирменный бланк православной церкви для особых посланий. Я прочитал и ужаснулся.

— Султан, что это за чушь?

Мы были на “ты”.

— Надеюсь, ты понимаешь, что это полнейший бред?

— Знаю, — спокойно ответил чиновник, — но это — официальная бумага, и я обязан её рассмотреть, вынести решение и доложить акиму.

— Ты что, серьёзно хочешь это рассматривать? Да меня, согласно этому доносу, надо просто поставить к стенке, без всякого следствия. Почитай, что он пишет: “Способствует разжиганию межрелигиозной розни, межнациональных конфликтов, сын дьявола и пособник сатаны”. И так далее.

— Это не смешно, — ответил Султан. — Настолько не смешно, что работу в эфире твоего канала я требую прекратить.

Я мгновенно похолодел и лихорадочно стал выискивать способ отвести удар.

— Султан, помилуй! У меня двенадцать человек и...

— Это не обсуждается! — резко прервал он. — Скажу больше, если вы всё-таки решите работать и далее, то рискуете стать моим личным врагом.

— Султан Болатович, — я тоже перешёл на официальный тон, — неужели из-за грубого пасквиля вы...

— Именно, — ответил он. — Палыч, получишь лицензию, тогда пожалуйста, а сейчас... Ведь он давит, прежде всего, на факт вашего незаконного вещания. Поэтому мы своё разрешение на местном уровне вынуждены отозвать.

Он прошёлся вдоль кабинета и вдруг спросил:

— Слушай, как у тебя хватило ума вдруг связаться с вопросами религии? Ты совсем сошёл с ума! Да сейчас и на более высоком уровне ещё никто не знает, как нам относиться к тому или иному вопросу, касающемуся веры.

— Эх, Султан! — сказал я обречённо.

— О, Аллах! — в тон мне ответил и он. — Ты думаешь, мне это всё нравится? Отвечу, не нравится. А ещё больше мне не нравится, что Ельтай на тебя разозлился.

— Слушай, может, к нему зайти?

— Даже не думай, попробуем как-нибудь по-другому.

Впервые за разговор он улыбнулся.

— Ты знаешь, аким тебя ценит высоко, но против церкви он не пойдёт.

— Слушай, Султан, что реально сейчас можно предпринять? Ведь если бы Ельтай Тюлюбаевич не желал появления “Астры” на хилом небосклоне информационного пространства Экибаса, он просто не давал бы разрешение на наше пробное вещание.

— Начинаешь соображать, — подтвердил Султан. — Поезжай, постарайся с попом договориться. Если он отзовёт бумагу, будет проще. Но учти, точно такую же он направил и в КНБ. Я звонил ребятам, они там от смеха корчатся, тебя вызывать не будут, но ты особо не расслабляйся.

— Спасибо, Султан Болатович.

Отец Григорий почти метр девяносто, килограммов сто двадцать, реденькая бородка, волнистая грива волос, связанная пучком на затылке; сквозь затемнённые очки светится ехидная улыбка. Рабочий кабинет отца-настоятеля в недавно выстроенном соборе был огромен. По убранству и мебели скорее напоминал зал для экспозиций в музее.

— Явился, значит?

Он строго посмотрел на меня, погрозил пальцем и указал на стул.

— Гриша, зачем ты так сразу и в карьер? — спросил я как можно душевней. — Ну зачем? Вызвал бы сюда, мы б потолковали.

— А не о чем мне с тобой толковать, — весело отозвался священник. — Ты уже запустил в народ крапивное семя, ты уже успел отравить моих прихожан ересью.

— Я же не в курсе, а то бы никакой такой-сякой демонстрации в жизни не допустил! — пытался я как-то оправдаться. — А теперь мне телеканал велели закрыть из-за твоей бумаги.

— А ты как думал? Иуда! Предатель веры! — загремел отец Григорий. — Ты же Христа предал! Сидит он весь такой несчастный, притюкнутый.

— Ах вот оно что! — теперь и я развеселился батюшкиной пылкостью. — Взял вот так разом и предал? Ты тоже думай, чего несёшь, высокоблагородие.

— Ты не должен был запускать эту сектантскую кассету без моего ведома, вот и весь сказ.

Он встал, торжественно и грозно прошествовал вдоль своего необъятного рабочего стола. Размял спину и, видно почувствовав вдохновение, продолжил:

— Ибо сказано в Писании: “Ищите и обряцете”. Вот ты и нашёл приключений на свою задницу. Не плюй в колодец. Не плюй!

В общем, понятно, что дело — дрянь. В кабинете никого, вот я себе и позволил.

— Слушай, иерарх, — сказал тихо, — ты за базар отвечаешь или как? Ты ж когда-то был честным работягой, может быть, ещё и сейчас не всё жиром заплыло. А стал попом, я тебя, тупого, перед видеокамерой разговаривать выучил. Ты с амвона теперь вон какие речи пихаешь, а мне даже “спасибо” не сказал. Под шумок теперь телеканал мой угробить решил. Так кто из нас Иуда?

Он чуть побледнел, но быстро взял себя в руки.

— Вылетел бы ты отсюда как пробка, если б не наши прежние добрые отношения. Но больше не дерзи.

И опять погрозил пальцем.

Видя, что он замолчал, я решил взять инициативу в свои руки.

— Слушай, Григорий, у меня ж на канале полное безденежье! А людям хоть по чуть-чуть платить надо, оборудование обновлять надо. Это ж чисто коммерческая сделка: показ — оплата. Дай мне денег побольше — и я только твои проповеди показывать стану.

— Дети, ей-Богу! — снисходительно произнёс священник. — Это тебе кажется, что коммерция, а на самом деле — это чисто бесовские дела. Акт предательства! Сектанты отравляют народ ересью, смущают души, а ты — их пособником стал!

— Хорошо, — согласился я покорно. — Что теперь надо сделать?

— Тебе, отступнику, надо покаяться и причаститься.

— Я согласен. Бумагу заберёшь?

— Сначала покайся и причастись.

Я покаялся в содеянном. Признался, что “предал православную веру”. Отец Григорий отпустил мне грехи, но заявление забрать наотрез отказался, неожиданно заявив при этом:

— Дурак, благодари Господа нашего, что жив остался.

— Что это значит? — спросил я, почуввав подвох.

— Голова у тебя шибко болела?

— Д-да, так ещё не бывало.

— Вот видишь, — удовлетворённо сказал настоятель. — Ты думал просто так? Это ж я читал на тебя наговорные молитвы, чтоб ты сдох! Гордись, такие молитвы патриарх Никон читал на Петра Алексеевича.

— Гриша, Гриша! — вырвалось у меня. — Да кто я такой, как ты думаешь? Я — самый обычный человек. Я просто хочу работать и зарабатывать, чтобы содержать семью.

— Но не таким способом, — ответил он.

— Да любим! Что мне оставалось делать, когда наш самый крутой бизнесмен Табыс Сакенович меня кинул? Что?! И никто мне не помог, и ты в том числе. Только гнобить можете, паскуды!

— Ты — человек, владеющий словом, с тебя и спрос особый. Кто-то там брякнет невесть что, да и шут с ним. А если ты по своему телевизору чего-то объявишь, тебя народ и послушает.

— Не преувеличивай, — огрызнулся я. — Я хоть человек и не церковный, но тоже знаю, что священнику наговорные молитвы читать запрещено, ибо сие есть бесовские дела, колдовство.

Отец Григорий опешил, но быстро сообразил.

— В особых случаях можно.

— Нет, нельзя, — ответил я твёрдо. — Нет таких особых случаев для пастыря.

Голова у меня болеть перестала, и ощутил я необычайную лёгкость.

— Слушай, Гриня, — спросил тихо, — а если бы я на самом деле сдох? Ты бы хоть что-то для моих родных сделал? Вдове хоть какую-то пенсию назначил от церкви? Детей моих выучил и воспитал? Маме моей про убиенного сыночка признался?

Он молчал. Я продолжил:

— Кошмарами бы мучился по ночам, или у тебя напрочь отсутствует всякая человеческая совесть?

Он продолжал угрюмо молчать.

— Это ты благодари Бога, что мне подохнуть не пришлось, — сказал я с угрозой. — Иначе бы я тебе такие полтергейсты, такие галлюцинации устраивал...

— Зря я грехи-то тебе отпустил, — угрюмо ответил отец Григорий.

— Не зря, Гриша, ой, не зря! Я ведь понимаю, что идёт борьба за души прихожан и ты на них желаешь обладать монополией. Ибо каждая душа есть копейки в церковную казну. Мой телеканал ты закрыл, значит, дело не во мне, а в средстве массовой информации. Так что не зря. Успокойся, ты своего добился. Но запомни и другое, от православной церкви ты меня отвратил навеки, и моей души тебе не видать как своих ослиных ушей.

Здесь бы мне и замолчать, но натура требовала победного завершения.

— Слушай, — спросил я как бы между прочим. — А если о твоих наговорных молитвах митрополиту станет известно?

— Ну и что? Ни хрена мне не будет, — ответил он и стукнул кулачищем по столу. — Доказательств-то у тебя нет.

— Ты просто не помнишь, кто из нас журналист, — ответил я и вытащил из кармана диктофон.

Отцу Григорию сделалось дурно.

— Во отродье-то, во отродье, — забормотал он.

— Бумагу заберёшь? — спросил я.

— Ни в жисть, жидовская морда!

— Я — природный казахстанец в четвёртом поколении, тем и горжусь, — ответил я. — А тебе скажу на прощание следующее. Если у меня хоть раз заболит голова так, как она болела все эти дни, я эту запись распространю везде и всюду. Дойду не то что до митрополита, но и до его святейшества патриарха всяя Руси.

— Пошёл вон отсюда! — взвизгнул настоятель.

Как ни крути, а до ноября “Астра” бездействовала. Потом я принял участие в тендере на радиочастоты и выиграл его.

Думаю, всё-таки отец Григорий предал меня анафеме, потому что дела не двигались даже после получения лицензии “генеральной, бессрочной”. Хроническое безденежье вынудило поддаться на уговоры и отказаться от всяких прав на “Астру”, за что мне были обещаны деньги. Но, как только это было сделано, меня немедленно вышвырнули без всякого выходного пособия. Мотив увольнения известен — “пьянка, аморальное поведение”.

5

Я до сих пор всё помню явственно. Вначале в кабинет Сергея Васильевича зашёл Митя Працак, директор одной из студий кабельного телевидения. Подозрения это не вызвало, он в последнее время бывал часто. А через несколько минут в контору буквально ворвалось несколько человек в штатском. Вели они себя так нагло, что всем стало ясно: УБОП. На шефа надели наручники и увели.

Я сразу почувствовал — это конец. Конец всему: нормальной жизни, хорошей работе, достатку в семье.

Всё только начинается.

Помните?

И при смехе иногда болит сердце, и концом радости бывает печаль (Иаков, гл. 3).

Из всей редакции газеты никто не мог произнести даже слова.

Наборщица Наташа, тайно влюблённая в шефа, плакала.

Бедная Наташа! Она погибнет ровно через два с половиной года по вине пьяного подонка за рулём.

Но тогда мы ещё не знали, как и куда разбросает судьба всех, кто в этот день был нем и слеп.

Леночка Полупанова, самая талантливая из вновь принятых, почти в безнадежном состоянии уедет лечиться в Россию.

Валера Цыбин, наш компьютерный гений, вскоре в результате аварии потеряет новую машину, ещё не родившегося ребёнка; по его вине погибнет человек, а сам он будет осуждён.

Катя Устюгова, родная сестра знаменитого российского актёра, будет уволена за какие-то “лишние слова”. Не в газете, а устно. Что такое эти лишние слова? Почему за них увольняют?

Хечер Харизову уберут самым подлым образом. Она ляжет в больницу на сохранение, а её тем временем, чтобы не выплачивать декретные, подведут под увольнение по “профнепригодности”. От нехорошего известия у неё случится выкидыш. Вместе с работой она потеряет и квартиру, которую я для неё добивался.

Илья Панаев, блестящий специалист по радио. Его уволят только за то, что “Верочке” однажды не понравится, как он ей ответил.

Надя Бережная, журналист старой гвардии, единственная после меня позволившая себе иметь собственное мнение. За это будет уволена без всякого предупреждения, обвинённая в пьянстве. Понимаете, малопоющую женщину обвиняют в пьянстве? Чтобы расплатиться с кредитом, ей едва не придётся продать свою квартиру.

Кстати, кредитами Вера Авдеевна пичкала нас всех, дабы крепче привязать к холдингу, а в случае “проблем” иметь реальные рычаги мести.

Да что там говорить о творческих работниках? Она уволит даже водителя. Валера Лесик, в прошлом мастер спорта международного класса по автогонкам, будет уволен за то, что не пожелает “отменить” своего уважения к арестованному.

Вера Авдеевна разгонит всех, кто стал невольным свидетелем истории с шефом. А на замену наберёт разнообразную посредственность. Таких писак, от опусов которых и на сегодняшний день волосы встают дыбом. У меня даже иногда, по прочтению, возникал вопрос, неужели в стране нет какого-нибудь контроля качества газетных материалов? Это ж невозможно читать! Цензура, где ты? С тобой было плохо, но без тебя гораздо хуже. Зато вновь принятые “обзоровцы” весьма послушны, у них нет своего мнения. А ещё они очень любят называть себя “журналистами”. Этакая невинная слабость, которая делает это слово даже более употребляемым, чем “поэт”. Но поэту, художнику, хоть слова рифмовать надобно уметь, журналисту же ничего уметь не надо, только вести линию хозяина: коряво, плохо, но...

Как вам понравится такое? Из сообщения о субботнике. “В это утро более трёх тысяч человек оказалось на улице. “Если мы не очистим наш город, то кто его очистит?” — сказала моя коллега-журналист, параллельно лихо размахивая веником”.

Или: “Обобщая прозвучавшую информацию, можно сделать вывод, что в нашей республике приветствуется открытие нового бизнеса”. Надо ли комментировать?.. Есть места и похлеще.

Но не в них дело, а в непритязательных требованиях “хозяйки”. Кстати, сразу же после ареста Сергея она срочно переписала всю собственность на третье лицо.

В это утро Вера Авдеевна почему-то была в редакции. Быстро собрала коллектив и бодрым голосом объявила, что отныне сама станет проводить планёрки по утрам. Жизнь продолжается, работа тоже. И тому подобные банальности.

Все разошлись. Меня попросила остаться и стала выпрашивать, известно ли хоть что-то? Я ответил, что Митя утром принёс шефу долг. То, что он занимал деньги у Сергея, знали исключительно все.

Вера посоветовала держаться и неожиданно заявила, что думает над тем, кто заменит Сафонова. Мой вопрос “не рано ли?” её немного рассердил, но только немного. Под конец разговора она попросила как-нибудь обнадёжить ребят, чтобы не кисли.

В этот день всё валилось из рук.

После ухода “Верочки” на “основную” работу мы собрались в кухне и стали говорить про шефа. Мы чувствовали себя брошенными детьми и надеялись, что всё выяснится и он опять будет с нами.

Но этого не случилось. Было заведено уголовное дело “о вымогательстве и организованной преступной группе”. Всем сделалось ясно, что Сергею не выбраться.

Был ли он виновен в том, что ему предписывали, я не знал. Но мне было точно известно, что инкриминируемое ему вымогательство шито белыми нитками.

Чуть позже я совершенно случайно услышал, что за два месяца до ареста шефа Митя Працак уж очень как-то быстро оформил кредит в Амир

Банке. И быстроте такой в немалой степени способствовала госпожа заместитель директора — человек всесильный в филиале, поскольку директор слишком отягощена депутатскими обязанностями. А уж кто становился единственным и полновластным хозяином медиа-холдинга “Сервис-информ” после ареста Сергея, и так было ясно.

С Митей Працаком я всё-таки встретился и попросил пояснить, в чём дело. Трёхлетнее знакомство и разница в возрасте давали мне на это право. Он опасно покосился и подал знак двум охраняющим его молодцам. Они сразу подошли, меня отпихнули и посоветовали держаться подальше. Но я всё же упрямился. Меня мучили два вопроса: кто виноват? и что делать?

На первый он сразу ответил, что сказать ничего не может. По второму, с грустью констатировал, что “сам жалеет, что связался, но УБОП такие дела просто так не прекращает”. Чтобы его не уговорили отказаться — постоянно звонят друзья Сафонова, денег предлагают и пытаются угрожать, — к нему приставлена охрана. До суда. Я демонстративно плюнул, обозвал его “сукой” и пообещал прислать открытку к 8 Марта.

Была ли Вера причастна к аресту Сергея, я не знаю, да и доказательств никаких нет. Но в выигрыше осталась только она, и это бесспорно. В самом деле шеф был скрытым “крёстным отцом” или оказался жертвой грандиозной подставы, мне до сих пор неизвестно.

Судили Сергея, дали десять лет.

Вера настаивала, чтобы я возглавил холдинг. Я под разными предлогами отказывался. Потом решил, что работать с ней не смогу. Добром она меня не отпускала, пришлось уйти “недобром”. С моей стороны это был опрометчивый шаг, но иначе я не мог. Казалось, займи я кресло шефа, и через какое-то время мне придётся занять место рядом с ним на нарах.

*Самосознание есть состояние, в котором человек становится объективным по отношению к себе, а объективное сознание есть состояние, в котором он вступает в контакт с реальностью, или объективным миром, от которого он в настоящее время отгорожен чувствами, снами и субъективными состояниями. Другое определение четвёртого, или “объективного” состояния сознания, может быть дано с точки зрения **возможного познания истины.***

П. Успенский

Вступление 5

Когда человек начинает воображать, что именно он является центром мироздания, то есть впадает в самый большой смертный грех — гордыню, то делается беспомощным и одиноким: отныне он вынужден будет самостоятельно объяснять необъяснимые вопросы бытия. И обязательно запутается и впадёт в крайности. Ведь согласно чётким жизненным установкам и позициям, мы на них ответить не в состоянии. Если ты знаешь, что такое человеческая судьба, откуда пошла жизнь, что есть мор, голод, смерть, тебе не нужны учителя и наставники...

Не надо забывать о том, что Высшие Силы, испытывая человека, умышленно бросают его в этот материальный мир и наблюдают, способен ли он спасти самое драгоценное, что у него есть — Душу.

Таким образом, мы становимся принуждаемы сделать выбор между дьявольскими соблазнами и волей Создателя. Учитывая то, что человек всё время будет ощущать, что живёт во враждебном ему мире, в котором всё пропитано злом настолько, что мир этот может быть лишь одной из низших сфер, тенью чего-то высокого и благородного, — такой выбор будет сделать непросто.

Мир материален, а материя, как пассивная субстанция, начисто лишена блага: создана из ничего и практически “ничем” и остаётся. Отсюда тленный характер плоти всех смертных существ, которые уходят в никуда, и только милость Создателя может спасти их. В сущности, жизнь — это ожидание встречи с Ним. Но при условии, что к ней человек подойдёт чистым, успешно выдержавшим испытание — пребыванием в брэнном теле. Которое, в свою очередь, есть исполненная злом тюрьма, где томятся наши души. Ведь первоначально мы были созданы чистыми духами, но зло заключило нас в материю. А в материальном мире, исполненном невежества и полном тьмы, правит как раз её Князь. Тогда как духовным миром Света управляет доброе Божество. По милости Своей он даёт людям полную свободу выбора, но в его проявлении чаще всего и наблюдается возможность греховного своеволия. Мы сами, находящиеся на грани бытия и небытия, должны определить себя на ту или другую сторону. И сделать это — всегда непросто.

Но здесь имеет место та божественная искорка, заложенная в некоторых из нас — предрасположенность к Свету. Когда она начинает давать о себе знать, человек непременно придёт к Нему. Пусть это случится не так быстро, как хотелось бы; пусть это будет совсем долго... Наверняка его подвергнут испытаниям. Такой человек никогда не унизит себя ложью, он не станет твердить, что является апологетом Света, — потому что это станет частью его сознания. Он никогда не совершит преступления, но обязательно его будут в нём обвинять. Мир-то чей? За свой короткий земной маршрут он пройдёт несколько кругов ада: никто просто так не отпустит его душу. Ведь речь идёт именно о ней.

И такие люди способны вести за собой других.

И такие люди знают о своей судьбе.

Им многое ведомо, по определённым проблескам в сознании. А мысли, вдруг и разом приходящие в голову, являются точными ответами на вопросы, которые они ранее для себя сформулировали.

Ему, входящему в число избранных, подсознательно известен внутренний путь к Создателю.

Именно такие становятся Проводниками Света.

И только благодаря им, этот мир ещё кое-как удерживается на грани, не подвергаясь глобальным разрушениям.

Разрушение — путь к устрашению, а устрашение — первая ступень к порабощению.

Империя Зла давно вынашивает планы превратить землю в сплошную зону отчуждения. И не только землю.

Ведь, например, магнитные поля могут распространять своё излучение на восемь измерений. Нарушая всякие физические и математические законы, они способны разрушить все эти измерения, спровоцировав тем самым мощные землетрясения, полный хаос, и уничтожить всё живое на громадных территориях.

И всё это может быть сделано руками людей, но с Той стороны.

Ибо в погоне за наживой человек способен дойти до высшей степени низости и гадости.

Но пока им кто-то противостоит, избрав путь Добра и Света, этого не произойдёт.

Борьба Света с Тьмой идёт повсеместно, на всех инстанциях, в любых социальных группах.

Приглядитесь повнимательней, и вы увидите, что на самой окраине неразличимой обычному зрению Империи Зла появился вооружённый всадник...

Глава 2.

“Многочисленные дома эти будут пусты”

*Скорбь разлуки разлита
В разрисованной башне,
Где за ширмой расшитой
Одиноко и страшно.*

Вэнь Тинъюнь (9 век)

1

Раньше времени было очень мало. Теперь его стало так много, что некуда девать. Я много читал, думал, просто бродил по квартире.

Будучи человеком не практичным, а импульсивным, я заранее не позаботился о многих вещах. Например, с первого же безработного дня обнаружил, что у меня нет денег. То есть совсем нет. Мне нечем выплатить ежемесячную сумму за взятый кредит в Амир Банке. Но я ещё витал в облаках, надеялся, что получу расчётные, выплатят мои положенные десять процентов от заключённого договора с разрезом “Богатырь”.

Кстати, история этого “заключения” интересна сама по себе. “Богатырь” на такие договоры идёт неохотно, но заместителем начальника пресс-службы там Матвей Василюк, человек алчный. Пришлось пообещать (и “отстегивать” впоследствии) ему лично двадцать процентов в месяц от суммы выплаты. Так он и себя не забыл, и нам услужил. За месяц ему причиталось более двадцати тысяч. Сколько это будет в год — считайте. Мои десять процентов — это гораздо меньше, но за год уже накопилась некая сумма...

Наивный глупец! Я не получил ничего: ни расчётных, ни процентов. Начало мести “госпожи учредительши” заключалось пока в этом. Она удержала с меня за всё, что только можно было, даже за гитару, которую подарила на День печати.

Я полностью исчез с газетных страниц и попал в опалу. Сразу куда-то делись все “друзья”, которые осаждали меня в редакции. Всё переменилось, они перестали меня замечать даже на улице.

Через месяц после ухода из “Сервис-информа” произошёл случай, который меня окончательно поверг.

Вечер. Смотрю телевизор. Звонок в дверь.

У порога два крепких парня.

— Мы — сотрудники Амир Банка, — без предисловий начал один из них. — У вас просрочка по кредиту. Мы настоятельно рекомендуем вам расплатиться побыстрей, иначе и квартира и мебель уйдут с молотка, в счёт уплаты долга.

Второй добавил:

— Предупреждаем, пока по-хорошему.

Вот это меня и взвинтило.

— А по-плохому? — весело спросил я, уже чувствуя в руках знакомую дрожь. — Может, сразу по-нехорошему, а? Вы, два сопляка, просто попутать меня пришли или сразу начнёте мебель выносить? Смелей, вы ж — служба рэкета частного банка, а перед вами всего лишь жалкий неплательщик.

— Мы просто напоминаем, — попытался выправить ситуацию первый.

— За напоминание — спасибо, но не такими словами и не таким тоном. Понимаю, вы получили указание свыше, как себя со мной вести. А сами вы люди или так себе? Костя, Зейнур, мы же с вами когда-то за руку здоровались. Вы ж прекрасно знаете, кем я был в холдинге вашей Веры Авдеевны.

Они молчали.

— Ладно, парни, вам — всего хорошего. Ей — большой привет. Передайте, всё будет уплачено по счетам.

Лифт отошёл.

Я ещё немного постоял на площадке, потом присел на корточки и мысли мои были мрачными. Дома — разлад, жена недовольна. Я её понимаю: на двух работах, без выходных. У дочери — платное обучение, съёмная квартира, жить в Павлодаре недёшево. А я за всё лето не принёс домой никаких серьёзных денег, перебиваясь случайными заработками. И впереди — никакого просвета.

Я вспомнил из притч Соломона: “И придёт, как прохожий, бедность твоя, и нужда твоя, как разбойник”. Актуально, не правда ли?

Странно ощущаешь себя в подобной ситуации. Вроде бы пора привыкнуть, а не могу. От тупости и подлости людской я давно устал, только привычки не выработал. Или всё объясняется тем, что когда ты в работе, каждый день в горячке, тебе некогда просто посмотреть по сторонам и оценить своё окружение, которое неискренне.

По мере увольнения моих сотрудников Вера набирала новых и, как мне говорили, их профессиональная пригодность определялась мерой негативно-го отношения ко мне, как журналисту, поэту, человеку. А увольняли тех, кто осмеливался вспоминать меня по-доброму. Или просто молчал, не осуждая.

Первым отличился Лёня Богомазов, который во всеуслышанье заявил, что я — непорядочный человек, должен кучу денег, а отдавать не собираюсь.

Это очень воспрепятствовало мне тогда, когда я пытался одолжить денег у самых разных людей на погашение кредита.

Оксана Бураева объявила, что я долго её “склеивал”, потом она мне поддалась, будучи в нетрезвом состоянии, но удовольствия не получила. И теперь она меня “от всей души не переваривает”.

Бредовые утверждения этой дамы “промискуитичной” (а по-русски говоря, готовой с кем угодно, где угодно и когда угодно) едва мне не стоили семьи. Жена прощала мне все выпивки, но измены прощать была не намерена. Я едва не лишился ума, пока пытался убедить её в обратном. С огромным трудом мне это удалось, но оставило в душе такой след, что до сих пор дрожь сводит.

Татьяна Сосницкая, в своё время получившая мой негативный отзыв о своих никчёмных, помпезных стишатах, сказала, что обязательно подаст на меня в суд, чтобы я выплатил ей компенсацию за моральный ущерб, поскольку я сам — огромная бездарность, и так далее...

Изощрались как могли. Фактически я стал вне закона.

Но были люди, которые не оставили в беде.

Бизнесмен Олег Войценин, известный врач Валентин Кашецкий не только пытались поддержать меня морально, но и ссужали деньгами на текущее погашение кредита, финансировали мои поездки на бардовские фестивали, которые были единственной отдушиной для общения с собратьями по перу и гитаре; способом отвлечься от безысходной ситуации. Там, кстати, я познакомился с одним из самых блестящих казахстанско-российских бардов Олегом Карповым. Позже знакомство переросло в крепкую дружбу. Но это — другая тема совсем.

Ещё в самом начале пятого года у меня в Астане вышла книга стихов “Разбитое зеркало”, в которой многие события, произошедшие позже, воспроизведены почти в деталях. Но это стало понятно лишь несколько месяцев спустя. Все городские газеты отметились признанием “нового таланта”, все восхитились циклом “За нас, за вас, за Экибас”, но никто не заглянул глубже. Да и сейчас, когда “блестящий автор” оказался в бедственном положении, только городская газета “Голос Экибастуза” предложила нештатное сотрудничество. Это было тем ценнее, что их собственные авторы, журналисты “божьей милостью”, стояли в очередь на публикацию.

Попытки устроиться на работу куда-либо оканчивались одинаково: увидев меня, начальники начинали улыбаться, говорили: мы про вас читали. Некоторые даже просили подписать книжку. Но, узнав, что я пришёл наняться на работу “хоть кем”, отвечали: да что вы! вас где угодно возьмут, а здесь вам предложить нечего.

2

Печально, но, что греха таить, к тому времени я стал основательно выпивать. Безысходность вырывалась наружу, и её надо было чем-то заглушать. Спиртное коварно, оно ломает в нашей голове какие-то перегородки и всё нам видится в желаемом свете. И думается: всё будет хорошо. Лживый лозунг одной из радиостанций. Ничего не будет хорошо, ничего! Чистый самообман! С приходом каждого нового утра ты замечаешь, что проблем не стало меньше, а прибавилась ещё одна — похмелье. А в кармане пусто, а друзей хороших не осталось.

Как иногда мне хотелось вернуться в юность. Туда, где не болело, не щемило, не давило проблемами; туда, где ещё был жив отец. Как я рвался туда порой!

Но в прошлое не возвращаются, а звать его — меди не хватит. А сегодняшний день уже стоит на очереди и пялится в тебя пустым взглядом: ну, чего ты дальше изобретёшь?

И когда ты однажды скажешь ему: “Да пропади ты пропадом!” — значит выходишь на прямую дорогу к бездне.

В эти дни я особенно часто вспоминал “городской” очерк под названием “Чужие здесь не ходят”, который почему-то написал в благополучное время. Друзья спрашивали, кого я в нём изобразил? Я всегда говорил, что “бичи поведали”, но это было неправдой, в очерке я изобразил самого себя. Это что-то из разряда предчувствий, как может сложиться судьба. А она у меня складывалась — по написанному.

“Свирид присел у мусорного бака и в изнеможении прикрыл глаза: с утра давило на грудь, а голова — временами — готова была лопнуть от

накатывающих волн. Сердце болело уже несколько дней, но сегодня приходилось особенно тяжело.

Ещё проклятая жара!

Сумки, набитые всякой всячиной, оттягивали руки, пот застилал глаза. Но ничего, всего-то оставалось осмотреть два контейнера с мусором и трёхподъездную девятиэтажку, где он — “смотрящий” за мусоропроводом. Это означает, что больше никто из городских “бичей” не имеет права там рыться и что-либо оттуда извлекать без согласия Свирида.

Свирид — бомж, алкоголик, “бич”; нет у него никого и ничего.

Было так всегда или раньше — иначе, он не задумывался.

Как давно это началось, он и сам не ведает.

Лет ему, как он думает, около сорока, но выглядит гораздо старше. Впрочем, самого Свирида это нисколько не заботит. Даже имени своего настоящего он не помнит — Свирид и Свирид, — нравится кому-то так, пусть называют.

Сегодня удача была на его стороне, у одного мусоропровода девятиэтажки стояла почти новая сумка, полная пустых бутылок. Бутылки чистые, видно, что со вчерашней попойки. Если хорошо осмотреть, можно найти и выпивку: везде что-то остаётся на дне, а слив всё воедино, иногда и полный стакан получишь.

Хорошо бывает на этой работе, когда подобными находками делиться не надо.

Сегодня — пекло, раскалёнными углями бьют по глазам лучи солнца. От мусорок жутко воняет. Не смог он привыкнуть к этой вони, как ни старался. Да...

Однако с чего же начались его сердечные колики? Ах, да! Вчера шёл по своей территории и у дома, в котором жил раньше, увидел знакомое лицо. Знакомое не по-соседски, а гораздо ближе. Молодая, красивая девчонка лет восемнадцати дико как-то вскрикнула и забежала в подъезд.

Долго мучился, вспоминая, потом вспомнил: дочь. Она уже должна была школу закончить... Видимо, узнала. Как ей удалось? Нет, надо куда-то исчезнуть, уйти подальше, а ещё лучше — уехать.

Не получится, своих “бичей” терпит только свой город.

Здесь и менты все его знают, даже закрывать перестали, взять-то с него нечего.

... С того самого дня и заныло сердце Свирида, потому что больно вспоминать, оказывается; особенно, когда выпить нечего.

Сливая с бутылок, немного отвлёкся, стало чуть легче. Обнаружив, что драгоценных капель грамм триста, вовсе повеселел.

Он заботливо осмотрел свою мусорку: ничего, ещё поживём. Хоть на отбросах.

Мусорка — зеркало жизни, потому что отражает всё, определяет уровень вашего благосостояния. Она расскажет, что вы сегодня приобрели, бережливы или расточительны, скупы или щедры. Кто победнее, тот ничего не выбрасывает. А кто побогаче... Тут главное — вовремя успеть. У них даже существует график выноса мусора, у этих богатеньких. А на их мусоре толпа прожить может, почти не бедствуя.

Бывает всякое. Найти можно что угодно, вплоть до золотых колец. Важно быстро и незаметно их спихнуть. Спихнуть так, чтобы до “бугра” не

дошло. А дойдёт — наказание одно — будут бить. Сколько? Это решит “бугор”. Система жестокая, всё найденное несут в одно место, а там — другие “бичи”, рангом поменьше — сортируют, определяют годность. Вот оттуда потом и выбрасывают мусор, из которого уже ничего не выловить. Это и есть самый настоящий мусор.

Свирид из мусорщиков надёжных, у “бугра” в почёте, у него даже постоянная “нора” имеется в полуразрушенном детском садике, на краю города. Там его никто не трогает и чужие к нему не ходят. Место надёжное и тихое: густо растут тополя, образуя над головой почти идеальный купол, хорошо видный в дыре потолка; воздух чист и свеж, особенно по утрам. В этой бывшей кладовке даже рамы на окнах целы, правда, стёкол нет, но Свирид на их место натянул целлофановую плёнку.

Любит он выходить рано поутру к деревьям и траве. Ещё машин особенно не слышно, ещё людей поблизости не видно, — сядет на траву и сидит, не шевелясь. Только беспокойные ранние птицы потихоньку, не смело заводят свои трели.

Покой и умиротворённость мнятся ему на всей Земле.

И никого и ничего не надо.

Лишь изредка, словно кадры старых фильмов, промелькнёт картинка-другая, вроде бы из прежней его жизни, вроде не из его: он молод, красив, рядом с ним женщина; квартира, уют. Он гнал такие видения, — ни к чему, да и поздно. Отсюда никто ещё не возвращался в нормальную жизнь.

... У последнего подъезда девятиэтажки Свирид задержался дольше обычного. Жара и вонь нестерпимо давили на грудь, двигаться было больно. Он присел у стены и попытался немного отдохнуть-отдышаться. Но, кажется, время, когда отдых мог принести облегчение, миновало. Какие-то волны, одна за другой, накатывали на Свирида, захлёстывая по самую голову. “Неужели конец?” — подумал он облегчённо, радуясь, что теперь вообще не надо будет вставать, куда-то идти, что-то тащить и нюхать эту несносную вонь. Надо только выйти из этих мешков с отходами, чтобы не лежать среди них, как обычная грязь.

Он приподнялся, пытаясь рукой опереться на стену, но стена вдруг отшвырнула его от себя, и он, перелетев через мешки и коробки, выпал на небольшую площадку у мусорки, где его сосед обычно ставил свою машину. “Господи! Это же мой подъезд”, — подумал Свирид, радуясь, что умирает не в мусорке, а рядом, так его быстрее найдут.

В его голову стали влетать пузыри, они лопались с тихим треском, один за одним; потом появился самый большой — радужный, с сиреневым отливом, как в детстве: он немного покачался, играя бликами, и — взорвался...

... Когда приехала труповозка, собралась толпа: бывшие друзья, коллеги, соседи, они уже узнали Свирида, но всё ещё делали вид, что не знают, пока одна старушка не вспомнила, что он когда-то менял ей входную дверь.

Труп стали грузить в телегу, грязная дерюга соскользнула с лица Свирида, и из толпы, одновременно, горьким стоном, вылетело два крика — женщины сорока лет и девушки, которой едва минуло восемнадцать.

— Папа! — крикнула одна.

— Алексей! — крикнула вторая”.

3

Городская типография прежде была главным и единственным печатным двором Экибастуза. Теперь она превратилась в небольшое частное предприятие, владельцем которого стал Владимир Иванович Зарин. Ещё в советское время я работал у него резчиком бумаги. Тогда он был в фаворе: заместитель главного редактора городской газеты, авторитетный журналист и главный полиграфист. Денег и друзей он не считал, связей имел множество, всюду был желанным гостем. Теперь ситуация в корне изменилась. Не виделись мы с ним довольно долго, виной всему неприятная история, связанная с моим бывшим телеканалом, в которой, как мне казалось, Зарин показал себя не с лучшей стороны.

Владимир Иванович сидел в кабинете один и курил, уставясь взглядом в гладкий стол.

— Явился наконец! — хрипло выкрикнул он вместо приветствия. — Ну проходи, проходи, сынку, дай я на тебя погляжу.

— Здорово!

Он пожал руку и указал на стул.

— Садись, рассказывай.

— А чего рассказывать? Опять без работы, без денег. В общем, всё периодически повторяется. Ещё башка гудит со вчерашнего.

— Это дело легко поправимое.

Он извлёк из-под стола бутылку водки, стакан, тарелку с какими-то кусками.

— Пей! — налил щедрой рукой.

Я выпил. Подождав, пока волна тепла упала в желудок, потом пошла согреть голову, взял корку хлеба и занюхал.

— Значит, явился? — повторил Зарин свой вопрос. — А я знал, что ты скоро придёшь к батю. Чего так долго?

— На пару фестивалей съездил, “Истоки” проводили. Отдохнул немного.

Володя тоже выпил и отёр рот тыльной стороной ладони.

— Но не приходил ты по другому поводу, — сказал он, немного прокашлявшись. — Ты, дурачок, просто до сих пор не можешь мне забыть той истории, связанной с Сериком Шагибековым.

Я хотел было соврать, но промолчал.

— Не понял ты тогда всей комбинации, а я ничего толком не объяснил. За это винюсь.

Он дурашливо поклонился.

— А в чём была комбинация? — спросил я осторожно. — Вы просто решили забрать у меня всё и оставить не при делах.

— В конечном итоге разве не так получилось? — спросил он резко. — Только при том раскладе во главе канала становился я и Серик Шагибеков, если б ты не упёрся. Сейчас кто им владеет? Верно. Абсолютно посторонние люди. К тому же оставившие тебя без всяких копеек.

Он опять налил и продолжил:

— Хорошо, ты вытащил канал, не дал ему сдохнуть. Но начал ты это делать без всякого золотого запаса. А это — величайшая дерзость! Я же притащил тебе денежный мешок, но ты от него отказался.

Я решил пояснить.

— Володя, ты же знаешь, я образовал “Астру” на развалинах “Асхата” с одной целью: не отдать информационное пространство города этому самодовольному идиоту Хуланову, с его “Оазисом”...

— Пространство, высокие цели! — заорал Зарин, перебивая меня. — Ты просто дурак! Образовал “Астру”, открыл “Обзор”! Что ты ещё натворил в этом городе? Сам-то ты в какой чёрной заднице опять оказался? А Хуланов, между прочим, на новенькой “Ауди” ездит и давно забыл, как тебя кличут. Так кто из вас идиот?

Он уставился на меня немигающими глазами, ожидая ответа. Не дождавшись, продолжил:

— Да, ты был до сих пор непревзойдённым телеведущим; да, ты был блестящим журналистом и талантливым редактором... Ну и что? Что теперь? Да просто о себе надо было хоть чуть-чуть думать, а не об информационном пространстве. О себе! Страховать надо было как-то! А как? Пришёл бы к батюшке вовремя, он бы тебя научил. Нет, гордость обуяла — я, я ... Головка, сам знаешь от чего. Нет, ты приходишь сейчас, когда тебя нигде не берут на работу. И не возьмут, помани моё слово. Люди никому не прощают быстрых успехов. Никто тебе не даст и дальше жить хорошо.

Он самодовольно улыбнулся.

— Я и только я не дам тебе сдохнуть с голоду. Хотя сколько раз уже в жизни страдал за свою доброту. Зато половина журналистов в Казахстане меня до сих пор “батей” называет. Так вот, поработаешь пока на хозяйственных делах. Может быть, чуть позже откроем газету, ещё не знаю. Платить буду триста в день, извини, больше не могу. На хлеб и сигареты тебе хватит.

Он недолго помолчал и добавил:

— Найдёшь ещё пару человек на таких же условиях, с хозяйством много заморочек, надо быстрее разобраться. Будешь у них бригадиром.

Поверьте, автор пишущий о себе, никогда не выложит всей правды. Его “плохо” надо понимать так, что от этого “плохо” до настоящего “худо”, которое было на самом деле, — малая дистанция. Все мы действуем в угоду жанру, чтобы излишне не травмировать читателя. Ибо правда порой настолько нелицеприятна и жестока, что лучше всю её не обнажать, хотя бы из соображений человеколюбия.

Все мы пишем, надеясь, что когда-нибудь прочитают, оценят и признают. Напрасные надежды! Никто не заметит, не оценит, не признает. Памятников нам тоже не поставят. Наоборот, мы будем гонимы и презираемы, нас будут бить и унижать.

И умрём мы одиноко, где-нибудь под забором.

4

Потянулись дни, недели, месяцы — скучно и однообразно, как цифры на электронном табло. Свою благополучную прошлую работу я старался не вспоминать. Ещё бы: уютный кабинет, оборудованный всем необходимым; чистая рубашка, галстук; сотрудники, готовые в любую минуту, по твоей прихоти, идти куда угодно... Всего этого, конечно, не было в грязной каморке подвала типографии. Рабочую, цеховую часть Владимир Иванович продал и её надо было освободить. С Ринатом и Андреем, которые

пришли сюда работать вслед за мной, мы очищали цеха, сортировали железо, разбирали шрифты для переплавки, снимали косяки и двери, собирали всякое другое дерево. Всё сносили в крайнюю комнату, для вывоза в коттедж Зарина.

Самого “батю”, казалось, мало что интересовало. Он часто выпивал, любил вспоминать своё славное журналистское прошлое. Иногда вызывал меня в кабинет, наливал водки и спрашивал:

— Помнишь, в Воргороде была дорога, захламленная такая, вся в ямах? По ней даже машины не могли проехать.

Конечно, я помнил.

— Навести там порядок помогла одна моя малюсенькая заметочка в нашей газете.

Подобных примеров у него было множество, и каждый он приводил с удовольствием. Захмелев, становился строже и вдруг вопрошал:

— Чего это ты здесь сидишь?

— Ты сам вызвал.

— Быстро работать! Парней твоих я не знаю. Ещё украдут чего-нибудь и пропьют, а тебя рядом нет. Бегом!

На Зарина я был не в претензиях. Он на девять лет старше. К тому же из тех немногих, кто помогал мне всегда: с первого дня жизни в Экибастузе и до последнего.

Окончание в следующем номере.

Лариса МАРТЫНОВА

*“И твой утренний
путь обозначен...”*

Венера Веласкеса

1

Венера Веласкеса —
Вне конкурса мисс.
Изысканно ластится
Кисточка гения,
Чей взор, от макушки
Сползающий вниз,
Её изогнул, уложил как растение?

Чьё жадное зеркало
Нам не разбить,
А взгляд, ускользающий
В тёмной портьере,
По-прежнему будет
Бояться любить
Ту женщину, тающую в интерьере
(А женщина та ещё, можно поверить,
Не надо для этого гением быть!)

2

Вам больно от линий? —
В них Ваши потери.
И в складочках плюша
Возможны утраты.
Под вечер послушай,
Как лёгким стакатто
Струятся минуты —
Дожди вековые,
То плавно, то круто,
Как взоры чужие
Повдоль позвоночника...

**Лариса
Ивановна
МАРТЫНОВА**

родилась в г. Кемерове. Живёт в Усть-Каменогорске. По образованию градостроитель. Работает по специальности в колледже и Восточно-Казахстанском музее искусств. Печаталась в областной газете “Рудный Алтай”, журнале литобъединения “Звено Алтая”, “Восток”, журнале “Простор”. Постоянный автор “Нивы” с 2005 года.

Легче забыться.
Удел полуночников —
Мятые лица.
Столетняя нежность
По-прежнему длится.

Компьютер ли, зеркало,
В чаше вино?
Мальчишка без крыл
Забывает о стрелах.

Экраны пустынные
Сейчас и давно.
Любимый забыл
Развернуть это тело.

Любая
Даная
Под пологом пыльным
Не прячет ли зонтик
На случай дождя?
Который, возможно,
По воле Зевеса
Опять проникает
Сквозь бархат завесы
Не майской грозой,
Но слезой сентября!

Времена допотопные

1

Когда-то, во времена допотопные,
Было всё так же обыденно:
Буйволы устало в пыли топали,
Солнце дробилось невидимо
За горизонтом на звёзды.
Бог, не казавшийся грозным,
Грустно пересчитывал праведников.
Ночь обещала прохладу,
А земля, как остывающий очаг,
дышала.
Праведников, ожидающих награду,
не хватало!

2

С первой звездой хорошо
Ноги в ручье сполоснуть
И спокойно доест свой хлебец,
Прислонившись к оврадам загона.

Молоко не разлей и дитя укачай!
Утром выведи стадо,
А скрипучую дверь
открывай-закрывай,
Потому что так надо!

Праведный строит судно.
Он дождям неподсуден!
Грешный прячет прилюдно
Радости в сумерках буден.

Утром скрипит ограда:
Первой приходит девушка,
А может быть, управляющий стадом?
(Это сейчас он просто пастух).
Главное — перевести дух.
Пересчитать: все ли коровы на месте?
Имеющий чуткий слух
Не удержится утром от лесты
О румянце на смуглой щеке.
Вдалеке
Занимается новый восход.
У ручья стадо пьёт.

Рыжая корова
Опять расшатывает ограду.
Пересчитать снова.
(А в душе я ему рада).
В эту ночь
Ноев сын был задумчив не в меру,
Вечером прогоню его прочь!

Скрипучую дверь
Открыть-закрыть,
Я одна теперь,
Вместе нам не БЫТЬ!

Ной судорожно смолит днище.
Считает загоны, клетушки.
Перешёптывается с сыновьями:

А соседка девчонка — такая же тварь.
Только сыну она совсем не пара.
Стоит в сторонке.
На руке тонкой
Красный браслет — киноварь.

(Будет дождь.
Тучи за горизонтом — как сажа).
Ной смеётся: “Кто скажет,
Что даром спасение даётся?”

Скрипучую дверь
Открыть-закрыть.
Ты одна теперь.
Вместе вам не быть!

На картину Питера Брейгеля

Ну что же, Ты можешь
Быть доволен:
Исполнилось всё
Из Твоих пророчеств.
Сидишь в облаках,
Потираешь ладони,
Чело охлаждаешь
Прохладой ночи.

Опять бесконечны
Твои горизонты,
Где свежий бриз
Прополощет парус.
Смолистое днище,
Под ним Икарус,
Сползающий вниз
На медузовый зонтик.

Опять как прежде
Играют галькой
Морские нимфы,
А птичьи перья
Застряли между
Безбрежной далью
И Твоей лимфой,
И моей дверью.

В Твоей лазури
Лишь облак рыщет.
Распустит перья
Закат павлиний,
Летать (де-юре)
Отныне вышним,
А низшим ползать
В раскисшей глине.

Но зря Ты думал,
Что я забуду,
Как солнце гаснет
В медузье слизи.
Вне тела-трюма
Песчинок груды,
Но та же сумма
Для тьмы и жизни.
Моллюск отважный
Имеет право
Мечтать о перьях,
Как я о птицах.
И нам не важно,
Как стынет лава
В Твоих Помпеях
У нас на лицах!

Каждый охотник

Каждый охотник
Знает про мамонта:
О! Это много, громадно.
Ревущее страшное мясо.
Шерсть, что заросли Дальней горы.
Жарко дышит, утробно смердит.
Белый бивень — натающий снег —
Я увидел окрашенным ало,
Но не глиной, ах, — красной водой,
Той, что греет меня изнутри.

Я не раз выбирался в ущелье.
Я копьё набивал за два солнца.
Я расширил опасную яму.
Я позвал самых смелых и рыжих,
Мы, все вместе, — как Мамонт Один!

Он ломает кусты и преграды.
Он холодной реки не боится.
Он — хозяин долины и жизни.
Мамонт! Мясо отдай для меня!

Я один накормлю десять женщин,
А другие придут из пещеры,
Той, что в зарослях Дальней горы.

И у них есть ножи и скребухи.
И у них негасимое пламя,
Да и сами они — чуть помягше,
Чем такие же в нашей горе.

Каждый охотник
Знает про Мамонта.
Кто останется после охоты,
Освежёванной тушке подобен,
Тот узнает про всё остальное!

Мягкими лапками
В стёкла стучится
Белый и вкрадчивый снег.

Вплоть до рассвета,
Пока не погаснут
Очи огромных домов...

В них огоньки,
Наши бледные лица
Плавают в прорези век

Выглянет детская мордочка:
“Ясно!”

Окон фасадов
Бетонных строений...

Белая пена снегов
Вся усмирённо
Лежит вдоль фасада.

Тысячеглазо глядит
Дом-херувим.

Был ли полночный кошмар?
Ты, херувим, отдохни, если надо,
Будучи вечен и стар,

Снегопад — сотворенье
Мира, который летит!

Ветер огромными
Крыльями машет,
Вертится в перьях луна.

Каждую Зиму
От демонов ночи
Кто отбивался, как ты?

Все мириады
Снежинок на марше, —
В сердце стучится Зима

Преданно глядя
В лазурные очи
Свергнувшей снег Высоты!

Анатолий ЛЫСЕНКО

Три рассказа

Любовь прошла мимо

Юрий Викторович Перегудов, кандидат физико-математических наук, человек лет сорока, подошёл к озеру, волнами набегавшему на песчаный берег. Голубело июльское небо, лучи яркого, почти в зените солнца купались в волнах и, отразившись бликами, слепили глаза. От прохлады озера, голубизны неба, успокаивающего шума волн Юрий Викторович почувствовал себя легко и свободно. С полчаса назад он получил место в летней даче дома отдыха и теперь считал себя полноценным отпускником. Институтские заботы, ещё утром заставлявшие думать о себе, вдруг отступили, перестали тревожить, беспокоить. Именно в первые минуты отдыха Перегудов понял, как он устал от всего того, чем жил ежедневно.

Он бы долго ещё сидел в тени грибка на скамейке, глядя на противоположный берег озера, где, тая в мареве, чуть виднелся лес, если бы вдруг не раздались слева голоса. Из похода возвращалась группа отдыхающих. В теннисках разного цвета, в шортах, джинсах, загорелые парни и девушки, пожилые люди, весело смеясь, перекидываясь шутками, подходили к пляжу. Они снимали с себя одежду и бросались в воду. Юрий Викторович, глядя на них, дал себе зарок не пропускать ни одного похода, загорать. Потом снова перевёл взгляд на лес, тающий в мареве, залюбовался тихим и спокойным заливчиком, где вода бирюзового цвета. Хорошо, очень хорошо после лекций в институте, экзаменов, после споров и дискуссий на кафедре приехать вот так на берег озера и наслаждаться красотами природы, вдыхать настоящий на хвое, прохладный от воды воздух, почувствовать себя молодым и здоровым.

— Юра, здравствуй, я не ошиблась? — обратилась к нему женщина, отделившаяся от группы. В розовой тенниске, джинсах синеватого цвета, круглолицая, с большими карими глазами, она стояла в двух шагах и пристально смотрела.

Юрий Викторович взглянул на женщину и вдруг в чертах лица, в голосе уловил что-то знакомое, отчего шевельнулось сердце.

**Анатолий
Фёдорович
ЛЫСЕНКО**

родился 18 октября 1936 года в селе Петропавловка Краснозёрского района Новосибирской области, где и окончил среднюю школу. Высшее образование получил на факультете журналистики КазГУ. В Казахстане прожил около сорока лет. Многие годы работал в редакции кокчетавской областной газеты "Степной маяк". После выхода на пенсию переехал в Новосибирск.

Рассказы публиковались в коллективном сборнике "Степные миражи", в журнале "Простор". В последние годы регулярно печатается в "Ниве".

— Не верю, неужели это ты, Катюша? — чуть улыбнувшись, сказал он и встал со скамейки. — Такое может быть только в кино, как сказал бы один мой знакомый, — проговорил Перегудов и сделал шаг вперёд.

— Как в мелодраме давних времён, — подхватила Катя. — Прямотаки таинственное совпадение.

— Здравствуй, Катюша, здравствуй! Я очень рад тебя видеть, да ещё здесь, в этом райском уголке.

Перегудов, пожимая поданную Катей руку, подумал: «Рука такая же нежная, как и прежде, с тонкими пальчиками, маникюр огненно-розового цвета».

— А ты, Юра, возмужал, вид у тебя профессорский, хоть портрет пиши, — проговорила Катя.

— Да и ты теперь уже Катерина Петровна, благороднейшая мадонна, не так ли? — сказал Перегудов, и ему показалось, что хватил лишку, нежнее бы, душевнее с ней надо говорить.

— Ты, Перегудов, как всегда через край, — произнесла Катя тем ироническим тоном, каким, пожалуй, умела говорить только она.

— Давно в доме отдыха? Как жизнь, где работаешь? — спросил Юрий Викторович.

— Завтра будет неделя, как в отпуске, муж дома с детьми, а я вот отдыхаю, — ответила она. — Работаю на машинно-счётной станции, преподавателя математики, а вернее педагога из меня не получилось.

— Ну, математиком ты всегда была сильнее других, а педагогом... не знаю. Что бы ты просто так сдалась, отступила, на тебя не похоже. Ты ведь знала себе цену, — проговорил Перегудов и опять подумал, что сказал не то. От этой мысли даже неловко себя почувствовал и ждал от Кати по старой студенческой привычке ответную «стрелу». Но её не последовало.

— Юра, у меня сейчас время обеда, опаздывать неприлично, надеюсь, ты приехал не на один день.

— Путёвка на две недели.

— Встретимся в четыре часа здесь же, не возражаешь?

— Я готов. В четыре буду, — ответил Юрий Викторович.

Катя прощально махнула рукой и, проваливаясь в песок, ушла. Перегудов смотрел ей вслед. Вот уж кого не ожидал встретить здесь. Внешне она изменилась, всё-таки минуло около пятнадцати лет. Лицо округлилось, пополнело. Только голос такой же звонкий.

Юрий Викторович сел на скамейку и взглянул вдаль, но спокойствия на душе, умиротворения уже не было. Неожиданная встреча взволновала его. Он вдруг отчётливо, ясно увидел тот день, когда первокурсниками пришли на лекцию. Она с заплетёнными косичками, в синем ярком свитере сидела впереди него и казалась совсем ещё школьницей. На столе перед ней лежала новенькая «общая тетрадь». Когда преподаватель читал лекцию, Катя записывала. Писала много. Юрий подумал, что это будет одна из прилежных студенток. На перемене старался ближе подойти к ней, заговорить, но как-то не удавалось. Однако в первый же день сумел рассмотреть её большие карие глаза, пылающие огнём, кругловатые щёки с ямочками, тонкие брови.

... Как и условились, Юрий Викторович и Катя встретились у озера. Вышли на асфальтовую дорожку, выходящую меж корпусами, углубились в

хвойный лес. С обеих сторон подступали корабельные сосны с бронзовеющей корой, их кроны закрывали небо. Но яркие лучи пробивались меж ветвей и лоскутами высвечивали землю. Было так красиво, так хорошо в лесу, что Перегудов и Катя шли молча, хотя каждому из них о многом хотелось поговорить, многое узнать.

Катя, одетая в яркое цветастое платье, с золотой цепочкой на шее, в красных лакированных туфлях, шла чуть впереди.

— Понимаешь, Юра, — начала она, — мне всегда почему-то казалось, что мы с тобой должны встретиться. Я знаю, что ты работаешь в пединституте, что защитил диссертацию. Правда, всё это мне стало известно только в прошлом году, случайно.

От услышанного Юрий Викторович приостановился. Эти слова для него были полной неожиданностью.

Катя тоже остановилась. Идя в столовую после встречи у озера, она подумала, что хорошо его не рассмотрела. Теперь была такая возможность. Что бросилось ей в глаза, так это седина. Седые волосы не очень выделялись из его шевелюры льняного цвета, но они были. Через стёкла очков виднелись голубые глаза. Седина волос, голубизна глаз, хорошо подобранная оправа очков — всё это придавало внешности кандидата наук благородство. “Он такой же стройный и красивый, — подумала Катя. — Только прорезавшиеся на лице тонкие нити морщинок говорят о прожитых годах”.

— Что ты вспоминала обо мне, Катюша, для меня новость, — проговорил Юрий Викторович. — Не скажу, чтобы жил так уж целеустремлённо, но работа над диссертацией, причём длительное время в Москве, забирала у меня всё время. Пятнадцать лет промелькнули для меня незаметно. Уставал, постоянно требовал от себя большего, чем делал, словом, скучать не приходилось.

— Я завидую тебе, Перегудов, ты всегда знал, чего хочешь, куда идёшь, — проговорила Катя. Она вздохнула, перевела взгляд на стайку берёз, показавшуюся справа среди сосен.

— А я в школе не смогла работать, сбежала, как трусливый заяц. Хотя мечтала стать учителем. В первые дни машинно-счётная станция показала раем. Нет того шума, что в школе, не надо ходить вечерами к родителям учеников, не просиживать подолгу над книгами. Только то было всё моё. И мои трудности, и мои неудачи, и мои слёзы. А станция — так себе, была бы зарплата.

Юрия Викторовича поразила откровенность, с которой говорила Екатерина Петровна.

— Не казни ты себя, на станциях тоже люди нужны, — попытался он успокоить её.

— Не надо, Перегудов, не тебе я сказала это, самой себе. Живя вот здесь, вдали от повседневных забот, вдруг начинаешь думать о главном.

— Как я понял, у тебя, в общем-то, жизнь сложилась неплохо. Семья, дети. Я вот бобылём живу, по-моему, хорошего тут мало, а точнее — нет ничего хорошего.

— Да, конечно, семья, — словно для себя проговорила Катя, — если она не оказалась случайной, если он тебе дороже всех на свете...

Юрий Викторович почувствовал, что продолжать об этом с Катей разговор нельзя, он не имеет права. Остановился у сосны и взглянул вверх, где крона смыкалась с кронами других таких же высоких деревьев.

— Поражаюсь, какие они стройные, — сказал Перегудов. — По-моему, художник Шишкин смог постичь их красоту, иначе не удалось бы передать её на картинах.

Катя подошла к той же сосне, посмотрела вверх, прислушалась к ветру, шаставшему по вершинам, и заговорила о Шишкине, Айвазовском. Почему один всю жизнь выписывал лес, а другой — море. И снова Юрий Викторович и Екатерина Петровна пришли к тому же: в жизни каждого человека должны быть какая-то цель, свои дела. У одних они большие, у других поменьше, но свои.

Солнце клонилось к закату. Даже маленький ветерок, нарушавший покой сосен, затих. Вода на озере стала зеркальной. От ходьбы по лесу, от разговоров, которые глубоко трогали душу, Катя почувствовала усталость. У неё появилось желание уйти к себе в комнату, лечь и забыть, ни о чём не думать.

Однако успокоение не приходило и в комнате. Чем дольше Катя была одна, тем с большими подробностями вспоминала знакомство с Юрием. Это было в институте. Кажется, на третий день после начала занятий.

Выйдя из института, она увидела, что по аллее, ведущей к общежитию, чуть впереди её шёл Юрий Перегудов. Стройный, высокого роста, в светлом костюме, воротник белой рубашки поверх воротника пиджака. Она почувствовала необъяснимое желание заговорить с ним. Но о чём? Может, узнать его мнение о первых лекциях, преподавателях? Сейчас это на устах почти всех первокурсников. Но Катя вдруг оробела. Что он подумает? На её счастье Юрий чуть приостановился и начал переключать учебники в стопке. Самую большую книгу ближе к себе, потом поменьше размером, затем ещё меньше.

— Много книг набрал, полбиблиотеки унёс, — произнесла Катя.

— Почитать есть что, и для ума, и для души, — ответил Юрий. — Ты тоже не отстаёшь.

Она отлично помнила, как хорошо было ей в тот вечер. Допоздна они просидели в сквере. Переговорили о лекциях, преподавателях, вспоминали школу, дом. С того момента Катя чувствовала постоянную радость. Учеба в институте, вечера, споры для неё имели особый смысл. Если Юрия долго не было, если она не видела его, на душе было беспокойно. Нет, она не говорила ему о своих чувствах, больше того, нередко иронизировала, но он, как ей казалось, не замечал этого.

Юрий Викторович начал понимать, что для него наступило не время отдыха, а время пыток. Она теперь совсем другая. Нет у неё той уверенности в себе, пылкости, ироничности.словно пассажир вышел из вагона не на той станции, растерян. И все же он её любил. Юрий Викторович намеревался поговорить о самом главном с Катей, спросить, что всё-таки произошло, почему она так поступила. После окончания института они оказались в разных городах, но договорились встретиться, однако месяца через четыре он получил от Кати телеграмму: "Я выхожу замуж". Он сразу же на самолёте полетел к ней, нашёл её в школе. Катя только и сказала: "Я тебя недостойна, сама виновата. Между нами ничего быть не может, всё кончено. Прости. До свидания". И ушла проводить урок математики.

Юрий не стал ни о чём больше спрашивать, ничего не стал выяснять. На том же самолёте обратным рейсом вернулся домой.

Но с того времени Юрий Викторович так больше никого и не полюбил. Всякий раз, когда встречался с девушкой, ему казалось, что он предаёт себя, свои чувства, сравнивал девушку с Катей и порывал отношения. Потом начал привыкать к одиночеству. Но о ней вспоминал. В минуты радости, неудач. Нередко думал: “Вот бы Катя обрадовалась” или “вот бы отчитала она меня”.

... Оставалось три дня до отъезда Кати из дома отдыха. Жаркая солнечная погода вдруг сменилась ненастьем. Дул ветер, шёл дождь. Пляж опустел. Озеро накатывало широкие волны далеко на берег и смывало мелкий песок. Екатерина Петровна и Юрий Викторович приходили к озеру, садились под шляпу деревянного грибка. Кутались в плащи, подолгу просиживали молча. Как-то после затянувшейся паузы Катя проговорила:

— Ты знаешь, Юра, а ведь у меня была любовь, теперь её нет.

Юрий Викторович на это сказал:

— Что-то не пойму я тебя, Катюша, и работа у тебя не та, и любви нет. Так чего же ты добивалась? Ведь всё сделала так, как хотела сама.

Катя повернулась к Юрию Викторовичу, наклонилась к нему и почти шёпотом произнесла:

— Понимаешь, вероятно, есть законы жизни, они постигаются не сразу. Если человек однажды смалодушничал, да ещё в главном для него, то потом неминуемы другие ошибки. Всё моё прошло мимо. Не скрою, любила тебя, а вышла замуж за чужого, в общем-то, для меня человека, мечтала о школе, а работаю на машинно-счётной станции. Как теперь понимаю, я была сильной рядом с тобой. Но ты не понял. Не понял и тогда, когда после моей телеграммы прилетел ко мне.

Юрий молчал.

— Вся радость моя — в детях, — продолжала Екатерина Петровна. — Но я боюсь за них. Когда Игорька долго нет дома, мне кажется, что с ним обязательно что-то случилось. Так и с дочуркой. Я гоню от себя эти мысли, а они вновь возвращаются. Наверно, нервы.

— Возьми себя в руки, Катюша, ты человек волевой, — посоветовал Юрий Викторович.

— А дело всё в том, что нет у меня никакого стремления в жизни, есть только страх за детей.

Юрий Викторович на это ничего не сказал. У него было больно на душе. Больно оттого, что рядом сидит она и говорит такие слова. Ей всего лишь сорок, но она уже надломлена, куда девались её воля, пылкость, ироничность? Может, и он в этом виноват? Но что он мог сделать, если она вышла замуж за другого человека. А кто он, тот другой? Юрий Викторович его не знал, никогда не видел. Так лучше, всегда считал он.

— Тучи понемногу уходят, дождь затихает, — расстегнув плащ, сказал Юрий Викторович. — Будет снова тепло, солнечно. Начнём загорать, купаться, пойдём в поход. Отдых есть отдых. Долой хандру и тоску, жизнь всё-таки прекрасна.

Катя взглянула ему в глаза и улыбнулась.

Утро следующего дня выдалось солнечным. Яркие лучи осветили новые корпуса, дачи с мокрыми крышами, ветви деревьев, по которым ещё стекала вода и каплями падала на землю. Воздух был свеж и прозрачен.

Радуюсь солнцу, теплу, наступающему после ненастья, Юрий Викторович заторопился к даче, где жила Катя. Сейчас он постучит в дверь и скажет, чтобы она быстрее шла к озеру. Лодка у причала, вёсла припасены. Пусть этот день запомнится для них обоих. Словно и не было пятнадцати лет. Пусть будет весело, хорошо на душе, как было в студенчестве.

Дверь открыла белокурая приветливая женщина.

— Доброе утро! Вы, наверное, к Екатерине Петровне? — спросила она.

— Да, позовите её, пожалуйста.

— А её нет, она уехала рано утром, до завтрака, — спокойно проговорила женщина. — Так неожиданно, вдруг собралась и уехала.

— Так сразу? — растерянно спросил Юрий Викторович.

— Да, она вам записку оставила, очень просила передать. Я сейчас...

Женщина ушла в комнату. А Юрий Викторович стоял у крыльца и не верил тому, что только сейчас услышал. Ему казалось, что дверь распахнётся и выйдет она, Катя. Надо только немного подождать.

Но вышла всё та же женщина и подала записку.

— Спасибо, — ответил Юрий Викторович.

Идя по узкой тропинке к озеру, он развернул записку и прочитал: "Я уезжаю домой, нет сил моих больше. Прощай, дорогой Юра".

О чём поют провода

Уж какой день был сильный мороз. Голубело небо, ярко светило солнце, от тополей, берёз, вербы, покрытых толстым слоем инея, вытягивались длинные тени. Ветви вербы нависали над вымощенным из пластов и шлака мостиком, который соединял двор с улицей. Во дворе стоял камышитовый трёхкомнатный дом. Даже в зимние сибирские стужи в нём согревались дед Гаврила, бабушка Марфа и их внук — семилетний Саня. До начала Великой Отечественной войны Саня жил в нём со своими родителями. А дед с бабушкой прибыли позже из Украины. Оказавшись в оккупации, они сумели уйти из села и с трудом добрались в Сибирь к дочери — матери Сани. Их 34-летний зять вскоре был призван в армию и погиб на поле боя с фашистами, а дочь, сельская красавица Тоня, работавшая в колхозе дояркой, однажды сильно простудилась и скоропостижно умерла. Саня осиротел.

Дедушка с утра до вечера столлярничал в сарае: мастерил стульчики, грабли, лестницы, — что сдавал в колхоз, а что обменивал на масло, яйца, а то и на кусочек сала. Бабушка вязала носки, рукавицы, часть которых сдавала для посылок на фронт, а часть меняла на деревенском базаре на мыло, серу, из которой делали своеобразные спички, а то и на кресало с губкой. С их помощью добывали огонь. Солому, немного сена привезли из колхоза, молодая коровёнка обеспечивала молоком. Дедушка с бабушкой старались в первую очередь накормить внука, мол, ему расти надо. Хлеба не было, пекли лепёшки из натёртой картошки и семян лебеды, которые летом успела заготовить мать Сани.

Как и вчера, и позавчера внук вынес из сенией лыжи, сделанные дедом из берёзы, и зажурился от ярко блестящего на солнце снега. Одетый в овчинный полушубок, в большой шапке-ушанке, то и дело сползавшей на глаза, в тёплых шерстяных рукавичках, он натянул на валенки

мягкое крепление из сыромятины, завязал покрепче верёвочки и взял два стебля от подсолнухов, служившие ему для опоры. Снега много, лыжня накатана, а потому он легко заскользил к дороге на улицу. Преодолевав её, а также двор и огород соседей, Саня оказался в начале степи. Тут и там между кустарниками петляли заячьи следы, вдали сквозь дымку чуть заметны силуэты домов соседней деревни. Отталкиваясь палочками, мальчик легко скользил по ранее накатанной им же лыжне и отыскивал глазами телефонные столбы, которые были примерно в полукилометре. Как и раньше Саня спешил к ним. Слушал, как гудят провода, а когда прислонялся к столбу ухом, то ему казалось, что они о чём-то поют. Если дул ветер, была пурга, песни их печальнее, а в сильные морозы звуки тоньше, раскатистее, веселее.

Подкатив к столбу, а он был из хорошо обделанной сосны, с подпоркой, Саня, затаив дыхание, привалился ухом и слушал, слушал... А они сегодня, как ему казалось, пели особенно звучно. Посмотрев на покрытые инеем, чуть провисшие провода, мальчик старался представить себе, как по ним бегут слова. А они то гудели, то звенели, а когда сливались воедино, получалась звучная песня. Вдруг Саня вспомнил, что когда он с дедом был в конторе колхоза, то слышал, как председатель Варвара Герасимовна повторяла в телефонную трубку: "Будет вам хлеб, будет хлеб...". Мальчик снова припал к столбу, и ему послышались эти слова. Чем дольше он стоял, тем отчётливее они звучали. Потом развернулся и во весь дух помчался домой. Добежав до первого куста, увидел, как из-под него выскочил белоснежный заяц и поскакал в берёзовую рощу. В таких случаях Саня обычно выслеживал зверька, но в этот раз он только взглянул на него и продолжил идти по своей лыжне. Ему хотелось быстрее сказать деду, что в бесконечной песне проводов он услышал слова: "Будет хлеб". Дед, помолчав, сказал внуку: "Я верю, верю, так будет. Скоро наши воины добьют фашистов, вернутся домой и станут пахать не на коровах, как нынче, а на тракторах".

Но Саня на этом не успокоился. Он слёзно просил дедушку пойти с ним и послушать о чём поют провода. Сначала дед не соглашался, мол, много работы, он верит его словам, но внук не унимался. Пришлось Гавриле на другой день достать с чердака широкие охотничьи лыжи зятя и идти к столбам.

Увидев заснеженный степной простор, сквозь лёгкую дымку чуть белеющие домики соседней деревни, он не пожалел, что согласился на уговоры внука. Радовало душу всё увиденное. По лыжне они вместе подошли к столбу и молча слушали напевы проводов. Потом Саня несколько раз ударил палочкой по столбу, затем лыжей, и они слышали, что тональность меняется. Дед, коренастый, с подстриженной бородкой, густыми седыми усами, прищурив карие глаза, огляделся вокруг ещё раз, полюбовался берёзовой рощей вдали, синими и сизыми дымками, поднимавшимися из труб, медленно проговорил: "Да, скоро будет хлеб. А ещё, Саня, провода поют о том, что у тебя будут новые, более лёгкие и скользкие лыжи".

Внук был бесконечно рад, что дед пошёл с ним, что он поверил его словам.

Когда возвращались домой, Саня задержался на мостике. Он ударил палочкой по ветвям вербы и любовался облетающим инеем, снежинки

которого искрились под лучами солнца. А войдя во двор, увидел на пороге сарая деда с новенькими лыжами. Провода не обманули. Верил Саня, что скоро и хлеб будет.

Дубки

Выйдя на пенсию, Сергей Петрович вернулся из Северного Казахстана в родные места — Сибирь. Правда, не в село, раскинувшееся вдоль речушки, где родился, летом купался до посинения, зимой лихо скатывался на лыжах с крутого берега, в перелесках за огородами выслеживал зайчишек.

Две дочери осели в областном центре, а потому он купил однокомнатную квартиру в пятиэтажном доме в пригородном посёлке. Более тридцати лет после сельскохозяйственного института работал агрономом на целине. Теперь жил одиноко, супругу похоронил лет пять назад.

Стараясь войти в российскую жизнь, он внимательно прочитывал несколько газет, слушал радио. Диву давался, какую околёсицу несли в юбилейные дни целины те, кто причислял себя к степным первопроходцам. Однажды в порыве гнева хотел выступить в газете, заступиться за доброе имя целинников, истина ему известна. Ведь последние десять лет трудовой жизни он занимал высокую должность в одном из областных управлений сельского хозяйства. Но потом, как говорится, перегорело, и раздумал писать, мол, моё время прошло, нервы уже не те. По-стариковски, пожалуй, больше его беспокоило другое — настороженное отношение к нему соседей по подъезду. Плохого слова в свой адрес он не слышал, никто ни за что не осуждал, но ему казалась какая-то холодность в отношениях. А он человек общительный, не прочь поговорить, обменяться мнениями по разному поводу. Но люди нередко затихали, прерывали беседу, если подходил он. А может, это ему только казалось? Однако он беспокоился.

Чтобы скрасить своё одиночество, Сергей Петрович совершал прогулки по посёлку, где кроме пятиэтажек много частных домов с огородами, палисадниками, где весной ярко цвели рябина, черёмуха, радовали глаз тюльпаны, нарциссы, фиалки. Осенью пылали огнём гроздьё алых ягод. Однажды, возвращаясь домой, он увидел у ажурной тёмно-зелёной ограды жёлуди. Даже при нём несколько штук сорвались почти с верхушки дуба, упав на асфальт, чуть-чуть подскочили и разлетелись в разные стороны.

Сергей Петрович вспомнил сказанное выдающимся писателем А. П. Чеховым, что если за свою жизнь человек вырастил хоть одно дерево, то он прожил не зря. “У меня наберётся их много, — размышлял ветеран. — Только яблонь в саду в Казахстане с десяток, а ещё берёзка, две сосёнки”. Он решил посеять жёлуди, может, дубки вырастут. С этой мыслью вскоре поехал на дачу к сыну, где выкопал лунку, заправил перегноем с песком и прикопал их. Какое же было удивление в начале лета следующего года, когда он увидел, что из шести посеянных взошли все шесть. На даче они росли три года, за это время поднялись на полторы четверти. А что дальше, куда их? Своего огорода нет, дачи нет. А если пересадить к дому? Попробовал копнуть лопатой против окна своей квартиры и ужаснулся — кирпичи и куски от бетона. Несколько жильцов устали в окна, мол, не один пробовал, да что толку.

Но Сергей Петрович не отступил от задуманного: взял у дворника лом и начал долбить. Хорошо что не целая плита, а части от неё. “Слава богу, а то бы осрамился, плиту бы мне не удолбать”, — подумал он. Убрав камни, Сергей Петрович выкопал две глубокие ямки и принёс из бора лесной перегной, так селяне называют перепревшую листву. Старожилы утверждают, что он улучшает почву. Аккуратно посадил два дубка, заботливо окружил колышками, чтобы лучше были видны и не сломали ребятишки. Когда пошёл в квартиру за водой для полива, то с третьего этажа пенсионерка, выделявшаяся полнотой, сказала:

— Я вам помогу, только дайте мне ведро, наши дочь увезла на дачу.

— Что вы, Григорьевна, ничего не надо, я и сам справлюсь.

Так как долго не было дождей, то Сергей Петрович каждые два-три дня поливал дубки.

Реакция соседей оказалась разной. Таисия Григорьевна по-прежнему предлагала свою помощь при поливе. Другие начали здороваться с ним, а некоторые спрашивали: “А что вы посадили?”. Владимир Степанович со второго этажа, самый пожилой из соседей, находивший во всём недостатки и ворчавший, однажды изрёк:

— Сколько раз в лесничестве высаживали дубки, а растущих нет по сей день, не приживаются. Может, лучше декоративные кустарники высадить — была бы надежда.

— Посмотрим, что будет, а потом, может, и рябину, и калину посадим, — с улыбкой ответил Сергей Петрович.

Дубки росли на удивление хорошо. Узнав об этом, пришёл взглянуть на них лесник и порадовался. Но сказал, что поначалу молодые саженцы вытягивались и на делянах лесничества, а зимой подмерзали. “Посмотрим, как ваши преодолеют зиму”, — заключил он.

Что интересно, по примеру казахстанца саженец дубка посадил на соседней улице и 80-летний старик.

Прошло пять лет. Дубки из маленьких и нежных саженцев выросли в деревца около двух метров. Зимой Сергей Петрович вокруг них накладывал побольше снега, трамбовал его, чтобы морозы не повредили корни и камбий, так нужный для сокодвижения. Вот уже какое лето широкие лопастные листья шумят на ветру, радуя Сергея Петровича и его соседей. Он стал своим человеком, особенно после того как суровой зимой развесил на ветвях кормушки для птичек. Летними вечерами, когда на лавочке у подъезда завязываются беседы, сибиряки ещё и ещё раз просят рассказать о казахстанской целине, её людях. И Сергей Петрович охотно откликается, повествует, как смелые люди преодолевали пыльные бури, как добывались урожаев, о том, что неслучайно совхозы с прекрасными домами культуры, школами, детскими садами назывались “Ленинградский”, “Херсонский”, “Киевский”, “Севастопольский”, “Ивановский” и так далее. После одной из негативных публикаций в местной газете о целине он написал о том, какова на самом деле была там жизнь, взял под защиту первопроходцев. Его письмо напечатали, были отклики.

А дубки растут, не подмерзают зимой, не ломаются летом на ветру. Сергей Петрович и Владимир Степанович поговаривают о том, какую сделать беседку, чтобы в жаркий летний день посидеть в тени ветвей с широкими тёмно-зелёными листьями.

Марат ИСКАКОВ

“Качалась ночь на крыльях алых...”

Про шахтёров

Уходим в шахту, будто смотрим в корень
Своей судьбы. На деле так и есть.
Из “брошенных” туда трудов, их зёрен,
Здесь, наверху, — быть граду, саду цвести!

Уходим в шахту гул подземный слышать,
Избрать не потрясений путь,

иной,

Где в наши лица космос тоже дышит,
Во мраке звёзды блещут под землёй, —

Горят в пластах.

Но, слыша звёздный шорох,

Мы тьму разгоним.

Так судьба велит!..

Уходим в шахту, будто смотрим в корень...

Уходим в шахту —

наш “корабль” летит!

Марат Омарбекович ИСКАКОВ

родился в 1941 г. В 1965 г. окончил Карагандинский политехнический институт. По образованию горный инженер. До выхода на заслуженный отдых (2006 г.) работал на предприятиях угольной отрасли, занимал инженерные и руководящие должности (был подземным горным мастером, участковым горным нормировщиком, начальником ОТиЗ шахты “Степная”, руководил планово-экономическими отделами).

С 1981 по 1987 гг. работал заместителем председателя Шахтинского город-

ского Совета народных депутатов, возглавлял городскую плановую комиссию. Ещё студентом увлёкся поэзией. Пишет на русском языке. В 1973 г. (в Алма-Ате) и 1975 г. (в Павлодаре) был участником республиканских совещаний молодых литераторов. Стихи М. Искакова публиковались в “Индустриальной Караганде”, “Шахтёрской неделе” и других средствах массовой информации области.

Автор поэтических сборников “Своя дорога” (1997) и “Время памяти” (2003). С 1997 г. — член Карагандинского областного Союза писателей.

В “Ниве” печатался в 2008 году.

Окрест дыханье стужное даруя,
Зима, как простынь белая, легла.
Где землю инеем обволокла,
Где наледью чело её целуя.

И словно бы как зазванная кем
На пиршество, спит всех и приветит,
И образы чудеснейшие лепит
Она из снега. И отменна тем.

Дома, дороги, дали — всё в снегу.
Карнизы все залеплены метелью.
На окнах брызги снежные осели.
Деревья вон застыли на бегу.

Легко зима несётся по полям,
Владея кистью мастерски и ловко,
И если что случится — остановка,
Сугробами взметнётся тут и там.

Нет буйным её выходкам конца.
И что искать в безбрежной бледной даи,
Где всё, пожалуй, холоднее стали?
Ан нет, не отвернуть её лица!

Окрест дыханье стужное даруя,
Зима, как простынь белая, легла.
Где землю инеем обволокла,
Где наледью чело её целуя.

Качалась ночь на крыльях алых.
 И рдело небо. И земля
 В багровом пламени стонала.
 Летели перья на поля.

Гудело пламя.
Растекалось.
Шумело, как река.

С холмов
Лисицей огненной кидалось
В низины на простор хлебов...

Над краем поздней летней ночи
Поднялся он во весь свой рост.
Казалось, что закат отсрочен,
Отсрочено движение звёзд.

Пальцы левой руки
побежали по грифу домбры.
Вот и правой — взметнулись.
Начало игры!

Поэзию не грех познать в “грязи”.
Возвысить грязь, унижить человека?
Соединить, представив их вблизи,
В контакте тесном, там —
 в подземном штреке!
Ослепшая во мгле веков вода
Бормочет что-то или причитает.
О чём она?
О том никто не знает.
Ей неизвестна в жизни суета.
Здесь времени утрачен гордый бег.
Ржавеют стойки, “квасятся” затяжки.

Грибки растут.
И запах гнили тяжкий —
Всё это в грудь вбирает человек
Одним дыханьем.
Нет родней среды!..
На свежий воздух выйдешь
И — подышишь.
А здесь ты постигаешь то,

Есть чудо в нас — огонь души,
Сердечных мук, порывов страстных.
И даже в тягостной тиши
Зазывен свет его всевластный.

Есть чудо в нас — огонь души.
То пламень жжёт её и гаснет,
То вновь, безумный, — жаждет страсти.
Его почувствовать спеши!

Степняк не может жить средь гор,
Среди угрюмых скал отвесных.
Представь себе: во весь опор
Мчит степью конь его как песня.
И нет преграды впереди.
Безумства миг
(Кровь в жилах стынет!) —
В его ушах простор гудит,
Летит, проглатываясь синью.
В горах — свобода. Да не та!

В горах простор на диких кручах.
Там разбегаются лишь тучи,
Орлам могучим благодать.
В горах иной души полёт,
Гортанной речи клокотанье,
Каменьев грохот, вод сверганье,
Недосягаемость высот...
Степняк не может жить в горах.
Теснины их он не приемлет.
Собою целый мир объемлет,
Избранник вольности... казах!

г. Шахтинск
Карагандинской области.

Юрий ПОМИНОВ

Хроника смутного времени

Записки редактора

Книга вторая

(Продолжение. Начало в № 1 за 2009 год)

3 марта

По-хорошему надо писать эту “Хронику” каждый день, потому что события следующего дня заслоняют, размывают предыдущие. Но не всегда получается: то некогда, то лень одолевает, то хандра...

Проснувшись вчера утром, не хотел идти на работу. Подобное случилось со мной и раньше, и вот опять “накатывает”. Всё это — от хаоса жизни, её неопределённости, непредсказуемости.

Сегодня заслушали на заседании редколлегии отчёты двух наших соборов. “Ввалили” им маленько — и поделом. Оба пишут мало, в сёлах бывают редко.

Решив ещё и сам поговорить с Булатом Ахметовым, услышал от него немало нелюбезного о нравах экибастузских “промышленных генералов”: гребут под себя, урывают где только можно, создают для этих целей, “под себя”, всевозможные МП и СП (малые и совместные предприятия).

Поспорили с ним насчёт назначения газеты.

Булат: “Газета — это тот же товар, хоть и специфический. Исходя из этого, я и стараюсь готовить материалы”.

Я: “Но ведь продавать можно хлеб и наркотики, книги Чехова и порнографию. Есть разница?”.

Он: “Ну и что? Пока есть спрос, будет и предложение...”.

Ю. А. Ковхаев по собственной инициативе выдал большой материал — этакую идеологическую отповедь идеологическим противникам. В данном случае — ветеранам-коммунистам, чьё письмо мы недавно опубликовали — вместе с пространством ответом — комментарием Р. И. Штарка. Ковхаевский материал написан в присущей ему манере — резко, местами зло, с перехлёстами.

Я против идеологических сшибок на страницах “ЗП”, потому что спорящие, как правило, друг друга ни в чём не убеждают, а большинству читателей до этих споров нет никакого дела — они заняты совсем другим. Именно по этой причине я отказал Ковхаеву в публикации его “Ленинианы”. Если честно, то не хочу давать и этот материал: обрыдли мне эти идеологические дуэли, в которых, как правило, не бывает победителей, и каждая сторона остаётся на своих позициях. Но Ковхаева не переубедишь... Может быть, всё-таки дать его текст, убрав явные перехлёсты?

Интервью в “Комсомолке” с М. С. Горбачёвым. Каким-то он предстаёт в нём жалким, всё время оправдывающимся... Даже читать неудобно...

В колхозе “30 лет Казахстана” — новый председатель. Прежний — И. Е. Штрайф, принявший бразды правления после смерти прославленного Я. Г. Геринга — семь лет достойно нёс свою нелёгкую ношу, а теперь уезжает в Германию.

Претендентов на председательский пост было двое — главный агроном колхоза В. И. Киселёв и сын Я. Г. Геринга — Герман, председатель соседнего колхоза. В личностях кандидатов и заключалась главная интрига. Первый много лет проработал вместе с Герингом-отцом, возглавляя агрономическую службу хозяйства, его тут знают, за него — большая часть правления... И агроном он, безусловно, толковый. Мне не раз приходилось с ним встречаться. Когда готовил свою первую книгу — о мелиорации — подолгу беседовал с ним. Но вот каким он будет председателем, особенно после Геринга-старшего и Штрайфа, это ещё вопрос.

Геринг-сын в сравнении с Киселёвым тёмная лошадка, но уже успел неплохо показать себя на председательском посту в колхозе имени Энгельса, и люди не хотят, чтобы он оттуда уходил. Но он всё же пошёл на эти выборы и говорил в своей речи на собрании, что хочет продолжить дело, которому его отец посвятил всю жизнь.

Выбрали Киселёва... Жизнь ему предстоит нелёгкая. Довольны и в колхозе имени Энгельса: молодой Геринг остался там у руля.

Разрешилась “революционная” ситуация с ведомственными детскими садами. Руководители предприятий, которым они принадлежали, с недавних пор решили брать за “чужих” детей полную стоимость их содержания. Аргумент: с какой стати мы в условиях рынка будем содержать за свой счёт детей, чьи родители у нас не работают? И подняли плату за “чужаков” в разы. Таких оказались тысячи. Многим родителям новая плата оказалась непосильной, и люди стали стучаться во все двери, выражая своё возмущение.

Глава обладминистрации А. А. Жабагин публично обратился к руководителям предприятий с просьбой отменить новые расценки. Теперь во всех детских садах действует единая усреднённая оплата — 120 рублей в месяц за ребёнка. А. А. Жабагин через нашу газету выразил свою признательность руководителям тракторного, алюминиевого, нефтеперерабатывающего, химического заводов и другим “китам” павлодарской промышленности.

Невероятная чехарда с наличными деньгами, которых всюду не хватает. Н. А. Назарбаев издал указ о чрезвычайных мерах по обеспечению народного хозяйства наличностью. Теперь все расчёты населения за товары и услуги стоимостью от трёх тысяч рублей и выше будут производиться только по чекам сберегательного банка. Предприятиям и организациям предписано перечислять во вклады 30 процентов зарплаты работников, если её сумма превышает две тысячи рублей.

Запрещены денежные переводы в Казахстан, превышающие две тысячи рублей.

Установлены и другие ограничения.

А наш экибастузский собкор Булат Ахметов пишет, что теперь у здешних угольщиков зарплата будет составлять от трёх до семи тысяч рублей, а у водителей “БелАЗов” на разрезе “Майкубенский” 12-14 тысяч рублей в месяц.

Цифры — просто фантастические. Но этими деньгами не так-то просто будет распорядиться.

Едва начавшуюся приватизацию государственности народ уже окрестил, и не без основания, “прихватизацией”.

С. П. Шевченко, представляя в “ЗП” пятый номер “Нивы”, обратился в этой же заметке к руководителям индустриальных гигантов города и области с просьбой помочь этому журналу финансами. Прошла неделя, и я поинтересовался у В. Р. Гундарева — отозвалось хоть какое-нибудь из более чем десятка поименованных предприятий? Оказалось — нет, и директоров, в общем, можно понять: у них своих забот полон рот.

5 марта

Казахстан принят в члены ООН. Решение об этом на сессии Генеральной Ассамблеи этой организации принято без голосования — на основе единодушного одобрения.

Похоже, капиталисты только и думают о том, чтобы наладить у нас в области какое-нибудь суперсовременное производство... Давно ли в Павлодаре были представители всемирно известной фирмы “Катерпиллер”, изучавшие возможность выпуска супермощных тракторов на нашем тракторном. А теперь приехали шведы, изучают всё на том же тракторном возможности производства завоевавшей мир автомашины “Вольво”. После встреч в Павлодаре в Кабинете министров республики подписан протокол намерений.

Хороший, какой-то очень искренний, передающий незабываемые детские впечатления, цвет, вкус, запахи, рассказ Мэлса Сартаева в нашей газете. Бесспорно, талантливый парень...

6 марта

Не жизнь, а всеобщая бесконечная и бессмысленная суeta. Так, наверное, куры бестолково толкуются вокруг выброшенных им крошек с хозяйского стола, не догадываясь о том, что завтра их, кур, могут зарезать на суп.

Суетится вся наша страна, и все делают вид: политики — что формируют рациональную политику, министры — что налаживают эффективную экономику, власти на местах — что управляют, их многочисленные подчинённые и прочий рабочий люд делают вид, что работают. А в это время всё вокруг валится, валится, валится...

Ходил вчера к Б. В. Исаеву. Предлагал объявить заново подписку, настаивал на повышении окладов сотрудникам, на заключении договора о соучредительстве (областного совета с коллективом редакции).

Воспринято всё это нормально, Б.В. обещал подумать и посоветоваться в Алма-Ате, где снова собирают председателей облсоветов народных депутатов.

Ещё Б. В. дал мне понять, что наш глава обладминистрации назначен не без его участия.

Говорили о жизни. Б. В. считает свою судьбу удачной: реабилитация его состоялась, что-то ему в области уже удалось сделать, общественно-политическая ситуация относительно стабилизировалась... Впрочем, он тут же не без горькой иронии заметил: как-то так получается, что уж слишком многое ему пришлось в последнее время хоронить: сначала — народный контроль, потом — партию, социализм, а теперь уже и советскую власть...

Говорит, что после назначения Жабагина главой администрации тут же “нарисовалось” столько желающих засвидетельствовать ему своё почтение, что образовалась целая очередь, которая не рассосалась до сих пор.

Любопытно наблюдать за перемещением высших должностных лиц из кабинета в кабинет. Б. В. Исаев переселился из здания упразднённого обкома в здание облисполкома, “выселив” из “самого главного” кабинета председателя облисполкома. Теперь “выселили” и его самого, переселив в более скромный и менее престижный. А в “главный” вселился глава обл администрации А.А. Жабагин. Таким образом, всё стало на свои места: теперь ясно — кто есть кто.

Вчера же глава обладминистрации провёл первое совещание, на которое были приглашены и мы с А. М. Мухамеджановым. Первое впечатление: А. Жабагин хочет выглядеть строгим, собранным, деловитым; подчёркивал: пришла пора единоначалия, он поддержит все кадровые и прочие предложения глав городов и районов, но и спрашивать будет с них персонально. Временами шутил, демонстрируя здоровые белые зубы, как будто говоря при этом: мне палец в рот не клади.

Возникла дискуссия — он стал одним из её участников, хотя и строжился при этом. Спорили о так называемом государственном заказе по поставкам зерна: глава Иртышской райадминистрации Т. В. Сыздыков схлестнулся с руководителями облфинуправления и облсельхозуправления. Вопреки прежней традиции (интересы области всегда важнее!) А. А. Жабагин поддержал главу района: надо сделать госзаказ выгодным — и проблема отпадёт сама собой. Посмотрим, впрочем, как он поведёт себя осенью, во время уборки, когда уже президент потребует от области выполнения госзаказа — то есть сдачи определённой части хлеба в государственные ресурсы.

Впечатление глава обладминистрации производит, скорее, хорошее.

Руководителем своей пресс-службы А. А. Жабагин назначил К. М. Ахметову. Я её не очень хорошо знаю, она из Экибастуза, где была секретарём горкома партии по идеологии.

Звонил в Кустанай редактору областной газеты С. В. Харченко. Там провели уже семь совещаний по проблемам газеты. Связистам дали дотацию, освободили от каких-то налогов. А газета ведёт “доподписку” (т. е. новую подписку на этот год) по 32 рубля. Деньги не такие уж большие, но материальную поддержку обещал глава обладминистрации, ставший соучредителем газеты. Последнее мне очень не по душе: дурной пример заразителен, другие главы тоже будут не прочь прибрать газеты к рукам. И опять редакторы окажутся между двух огней: главами и депутатским корпусом. Если подобное предложат у нас, я буду против.

Оклад у кустанайского редактора — 3,5 тысячи рублей — в полтора раза больше, чем у меня.

Встретил сегодня Васю Голышкина и вздумал “поддеть”: знаешь же, мол, что началось движение вспять, вот и “блудные дочери” вернулись в редакцию; поторопись и ты, пока все лучшие места в конторе не заняли.

“Я в один и тот же поезд два раза не сажусь, — отвечал он, — дела мои идут прекрасно. В отличие от вас газета для меня — не источник существования, а, скорее, хобби”.

Хорошо сказал! Крыть мне было нечем.

7 марта

В Нагорном Карабахе опять воюют. Добро бы в этой войне гибли только политики и боевики, но ведь погибают в большинстве своём ни в чём не повинные люди, как это случилось при захвате города Ходжалы.

В заявлении Н. А. Назарбаева по следам этих событий, помимо прочего, предлагается временно приостановить процесс создания собственных вооружённых сил во всех государствах СНГ.

В очередной раз реорганизован тракторный завод: из объединения — в концерн “Павлодартрактор”. Если бы ещё дела там улучшались после всех подобных реформаций.

Прочитал в нашей газете: оказывается, в муниципалитете итальянского города Верона есть специальный секретарь, руководящий целой рабочей группой, которая читает и систематизирует письма, поступающие на имя Джульетты (той самой — возлюбленной Ромео). Письма приходят на итальянском, турецком, французском и даже японском языках. Часть из них вошла в книгу “Дорогая Джульетта...”, вышедшую на днях в Вероне.

Выходит, наш мир не так уж и плох, если люди пишут такие письма?

8 марта

Пашка поднял меня с постели в полвосьмого: “Ты не забыл, что вчера договаривались варить вместо мамы и бабы?”. Стали с ним собирать на стол, потом поили наших женщин чаем.

Утром, когда мы с Пашкой только встали, за окном шёл тихий, неправдоподобно крупный, какой-то торжественно-праздничный снег. И день выдался замечательный. Пошли всем семейством гулять по набережной, видели, как бегут ручьи. Ольга предлагала даже отправиться на дачу — отбросить снег от домика. Еле её отговорили, хотя и меня самого уже тянет туда.

Жизнь в нашем СНГ (придумали же дурацкую аббревиатуру!) никак не налаживается. В Нагорном Карабахе, откуда недавно вывели последний мотострелковый полк бывшей Советской Армии, идёт полномасштабная война. Азербайджан двинул к границе бывшей братской республики свою национальную гвардию. Армения объявила мобилизацию мужского населения. Обе стороны военного конфликта используют уже и бронетранспортёры, и ракетные установки “Град”, каждый день гибнут десятки ни в чём не повинных людей, стираются с лица земли населённые пункты. И никто не задался вопросом: да что же мы такое творим? Никто из идеологов этой войны не сошёл с ума, никого не поразило громом. Разве что президент Азербайджана Муталибов подал в отставку.

Н. А. Назарбаев выступил с обращением по ситуации в Нагорном Карабахе, но пока не слышно, чтобы другие лидеры СНГ на него отреагировали. Зато парламент России принял решение сформировать батальон “голубых касок”, который должен влиться в спецподразделения ООН, направляемые в “горячие” точки планеты. Россияне, в частности, должны отправиться в Югославию.

Между собой бывшие “братья” по СССР грызутся — как соседи по коммунальной квартире. Премьер-министр Украины Фокин публично обвинил Туркменистан в “недружественном шаге” — установлении непомерно высокой цены за поставляемый газ. Президент Туркменистана Ниязов тут же отреагировал: обвинил Фокина в нарушении прежних договорённостей и заявил, что, если его страна будет поставлять газ на Украину — то только по мировым ценам, которые в несколько раз выше объявленных.

Украина не замедлила с ответом: а мы перекроем газопровод, по которому туркменское топливо подаётся через нашу республику в Европу.

Поневоле вспомнишь СССР, который можно было сравнить с большой семьёй. В ней поддерживался какой-никакой порядок. Плох он был или хорош — это другой вопрос, но ослушника бы сразу наказали. Теперь, когда семья развалилась, каждый сам себе хозяин. А жить по-хозяйски никто не может — не научили.

Наши предки были мудрее. У них был день, когда все они могли простить друг друга, — прощёное воскресенье. По иронии судьбы этот день — именно сегодня.

10 марта

В выходные пришёл в себя, даже к “блёсткам” вернулся — кое-что набросал для дальнейшей работы. Пробыл два дня на службе — и снова выбит из колеи...

Окончательно доконали связисты: за февраль они намереваются взять с нас за свои услуги около миллиона рублей и столько же, если не

больше, в марте. А у нас на счету всего немногим больше двух миллионов. Значит, без “переподписки” не обойтись, но и она наверняка не снимет всех наших финансовых проблем.

Тяжёлое объяснение с Н. П. по поводу увольнения из “ЗП” его дочери. Они, разумеется, обижены, считают, что в редакции с молодой журналисткой поступили несправедливо... Вообще она способный человек, но бывает так, что журналист и редакция не подходят друг другу (как, например, не подходят друг другу муж и жена в неудачном браке, даже если по отдельности они неплохие люди). В таком случае лучше расстаться...

Интервью редактора “Известий” Игоря Голембиовского журналу “Журналист”. Вопрос: “Не мешает ли Вам в работе чувство благодарности — по отношению к коллективу, избравшему его на этот пост?”. Ответ: “На первой же редакционной “летучке” я сказал, что не страдаю синдромом благодарности, и делать буду такую газету, какую считаю нужной делать...”. Это не дословный ответ, но смысл именно такой. Из него следовало: есть и такие, кто в новую концепцию Голембиовского не вписывается. И меньше, чем за полгода, из “Известий” ушло почти полторы сотни сотрудников, примерно треть её состава.

“Известия” были и остаются одним из лучших изданий в бывшем СССР, но мне лично не по душе позиция её главного редактора. Наверное, потому, что сам я этим самым синдромом тяжело болен. И если бы Голембиовскому чуть-чуть добавить чувства благодарности к окружающим, а у меня чуть-чуть убавить этого чувства, было бы, пожалуй, как раз. Но кто знает, где они границы этого самого “как раз”?

Ещё Голембиовский занял жёсткую позицию по отношению к “совместителям”, запрещая кому бы то ни было из “известинцев” подрабатывать на стороне.

Тут я солидарен с ним, хотя по жизни так действовать получается не всегда.

Дочитал мемуары Д. А. Кунаева. Не скажу, что они написаны интересно, скорее, сухо, очень сдержанно. Главное — в другом: он ни от чего не отказывается, стоял и стоит на своём... Защищает сторонников, уже получивших по суду сроки и отбывающих наказание: своего первого помощника Бекежанова, первого секретаря Алма-Атинского (а до того Южно-Казахстанского) обкома партии Аскарובה... А другого помощника — Владимира, долго работавшего с ним и публиковавшего в это время свои многочисленные литературные труды в “Просторе”, даже не упоминает.

С плохо скрываемым отвращением Кунаев пишет о Колбине. Обычно сдержанный, тут он позволяет себе более резкие высказывания, и его можно понять...

Критикует Горбачёва, и — очень сдержанно — Назарбаева. Не соглашается с критикой, прозвучавшей в докладе Назарбаева на уже ушедшем в историю съезде Компартии Казахстана... Аргумент: ведь тот был председателем Совета Министров республики и тоже отвечал за состояние дел в ней...

Наверняка есть во всём этом и личные мотивы: ведь это Кунаев в своё время продвигал Назарбаева; не без его участия тот стал самым молодым главой правительства союзной республики в СССР. После того памятного съезда их отношения ещё более осложнились, жить и работать Назарбаеву было не сладко. Кунаев тоже понимал, что дни его политической карьеры сочтены... В результате Казахстан получил Колбина и известные декабрьские события. Кстати, и Колбин в своих публичных речах тоже много чего наговорил...

Это я к тому, насколько субъективными могут быть суждения людей, даже если они исходят от сильных мира сего.

Говорят, писать мемуары Д. А. Кунаеву помогал редактор “Простора” Г. И. Толмачёв, предлагавший назвать их “От Сталина до Горбачёва”. Но Кунаев предпочёл нейтральное “О моём времени”, и, несомненно, именно он — автор этого труда.

Сообщение в “Горячем телетайпе” из разряда курьёзных. Печатник типографии “Южный Урал” напечатал по заявке своего товарища сто тысяч талонов на водку. Но развернуться им не дали — обоих “коммерсантов” повязала милиция.

12 марта

На республиканском совещании глав обладминистраций нашу область в числе прочих критиковали за низкие темпы приватизации в торговле.

Говорилось и о том, что либерализация цен не привела к наполнению магазинов товарами, а торговля продовольствием лимитируется всё больше — в этом списке в разных городах от 7 до 16 основных видов продуктов. Всех переплюнули в Атырау, где по талонам продают даже спички и соль.

У нашего главы администрации — семь замов: два первых, четыре “простых” и приравненный к последним руководитель аппарата главы.

Степанакерт (центр Нагорного Карабаха) обстрелян из установок “Град”. Есть разрушения, пожары, подсчитываются убитые и раненые.

Вновь заявил о себе супермарафонец Марат Жыланбаев, пробежавший зимой по маршруту Экибастуз — Алма-Ата 1400 километров за 16 дней. То есть, он пробегал в день в среднем 85-90 километров. В пути бегуна сопровождал специализированный автомобиль “ГАЗ-66” с продуктами питания.

Главной целью Марата по-прежнему остаётся пробег вокруг земного шара. Он уже подсчитал, что для этого ему потребуется примерно 70 тысяч долларов, а, кроме того, заграничный паспорт, помощь в получении виз тех стран, которые он будет пересекать. Марат уже начал изучать английский язык.

14 марта

Критическая ситуация на Павлодарском тракторном заводе. В первом квартале он должен выпустить по государственному заказу 8990 тракторов, или примерно по три тысячи в месяц. Но в январе с конвейера сошла лишь 1341 машина, а в феврале — чуть более двух тысяч. Квартальный план будет провален, но это лишь полбеды. Дело в том, что большая часть уже собранных тракторов, которыми заставлена огромная территория, некомплектна. На них нет гидронавески, которую предоставляет павлодарцам Рубцовский тракторный завод, страдающий из-за отсутствия металла. Часть павлодарских тракторов недоукомплектована из-за остановки Алтайского моторного завода, поставляющего нашим тракторостроителям двигатели. И никто не может сказать, когда будет налажено снабжение.

В то же время есть 560 готовых к отправке полнокомплектных тракторов. Но на них не находится покупателя из-за высокой — 350 тысяч рублей за каждый — цены. Та же ситуация с калкаманскими бульдозерами — по 420 тысяч рублей, которых скопилось 1300 штук.

Непроданные машины — это мёртвые деньги, и новоиспечённый концерн (так теперь именуют бывший завод со всеми его подразделениями) вот-вот столкнётся с финансовыми проблемами.

В Калкамане это уже произошло: 430 работников завода “Дорсельмаш” подписали письмо, в котором выражают недоверие своему директору, ставя ему в вину тяжёлое финансовое положение предприятия и злоупотребление служебным положением.

Публикуем материал побывавшей на предприятии Людмилы Ермолиной и впечатляющий снимок Валеры Бугаева: огромная территория, сплошь заставленная тракторами в снегу.

С сегодняшнего дня продаем “ЗП” в розницу по цене один рубль 60 копеек — с учётом 28-процентного налога на добавленную стоимость и 20-процентной торговой надбавки. А давно ли ещё газета в киоске стоила три копейки.

В связи с “ермаковскими событиями” (снос памятника Ермаку, дебаты о переименовании города) публикуем заметку о том, как Павлодар в своё время мог стать Ворошиловском.

Предшественница “ЗП” газета “Колхозный путь” 12 января 1931 года под рубрикой “Выносим на обсуждение избирателей” опубликовала выписку из протокола № 1 собрания коллектива рабочих и служащих акционерного общества “Шерсть” от 4 января 1931 года: “Параграф 4. Слушали: наказ новому горсовету. Постановили: переименовать г. Павлодар в город Ворошиловск.

Судя по всему, новый горсовет к пожеланиям трудящихся не прислушался, иначе мы бы уже давно жили в городе с другим (каким интересно?) названием.

В Экибастузском районе провели семинар-совещание с руководителями и специалистами пяти совхозов, которые в соответствии с решением главы областной администрации подлежат приватизации уже в этом году.

Методы, похоже, используются едва ли не те же, какими когда-то проводили коллективизацию. Только раньше обобществляли, а теперь будут, наоборот, расгосударствлять. Раньше ликвидировали кулачество как класс, а теперь, вероятно, будут взращивать.

Всего по Казахстану число приватизированных предприятий всех видов перевалило уже за тысячу. Есть ли эффект от этого и какой — никто не знает. Н. А. Назарбаев на встрече с главами областных администраций говорил, что такие предприятия должны, прежде всего, производить ту продукцию, в которой нуждается республика.

Ю. А. Ковхаев размышляет в сегодняшнем номере “ЗП” над читательскими письмами, пришедшими после статьи Р. И. Штарка “Не стареют душой ветераны?”. Они, эти письма, помимо прочего, ещё раз свидетельствуют о том, что спорить мы не умеем... Вот что пишет, например, А. Овчинникова о материале Штарка: “Это откровенные нападки в адрес коммунистов-ветеранов. Это рассчитанный удар, грубый плевок в душу тех, кто осмеливался критиковать работников редакции...”. Но ничего подобного не было в той нашей публикации.

Впрочем, есть в письмах-откликах и мысли, о которых стоит задуматься. “Мы жили скромно, небогато. Однако всё нужное для жизни имели...”.

“Не тоска по прошлому заставляет многих и коммунистов, и не коммунистов, и не только ветеранов протестовать, причём пока робко, против того, что сейчас происходит в стране... У большинства людей труда сегодня нет уверенности в завтрашнем дне, и многие горько разочаровались в перестроечных реформах последних лет, ведущих к реставрации капитализма. Но вытравить идею социализма едва ли удастся реформаторам, ведь её суть — это братство, социальная справедливость, солидарность...”.

Разумеется, у Ю. А. Ковхаева нашлось что ответить авторам писем (среди них, кстати, есть и критикующие социализм и КПСС). Один только факт, что по уровню личного потребления на душу населения СССР в конце восьмидесятых годов занимал 74 место в мире, чего стоит... Да, советский социализм явно проиграл экономическое состязание с капитализмом. Но как же тяжело это признавать людям, которые всю жизнь этот самый социализм строили. Это всё равно, что признать: да, мы жили напрасно... Но много ли найдётся таких, кто готов сказать это себе? Сказать: всё, во что мы верили, ради чего терпели лишения (а многие — гибли), в итоге оказалось тупиковой ветвью развития общества? Наверное, только история, причём не завтра и не послезавтра, а в достаточно отдалённом будущем даст на эти вопросы более-менее ясные ответы. Мы же хотим всего и сразу, раздавая оценки с обеих сторон здесь и сейчас.

17 марта

Павлодар живёт бурной политической жизнью. Коммунисты города провели очередное собрание, на которое не допустили нашу Ольгу Фролову в связи с тем, что им “непонятна та позиция, которую занимает газета их организации”. И тем не менее Ольга подсустилась и затем получила информацию у одного из членов бюро организации. На собрании шёл разговор о прошедшем в Москве совещании представителей региональных организаций, стоящих на платформе марксизма-ленинизма и обсуждавших

положение коммунистического движения в России. В итоге коммунисты поддержали инициативу ряда бывших народных депутатов СССР провести в Москве шестой съезд народных депутатов.

Приглашение на этот съезд получил и С. Н. Ткаченко, бывший народный депутат СССР — заместитель главврача облбольницы. Он на съезд не поедет, так как считает его неправомочным: Советского Союза больше нет, как нет у бывших народных депутатов СССР их бывших полномочий — в соответствии с постановлением Верховного Совета республики.

Пока президенты России и Украины пикируются по поводу того, кто из них предоставит советским немцам лучшие условия для проживания (разумеется, ничего не делая при этом конкретно), президент Кыргызстана А. Акаев издал указ о создании в этой республике национально-культурного округа. Хотя вряд ли это остановит немцев, желающих покинуть Киргизию.

Приостановлен выпуск “Правды”. Причина банальна — нет средств, как и помощи, обещанной Б. Н. Ельциным российским газетам.

В Нагорном Карабахе идёт полномасштабная война, ведётся массированный обстрел Степанакерта из ракетных установок. Опять убитые и раненые... Командование объединённых вооружённых сил СНГ в ответ распорядилось убрать все оставшиеся армейские заставы на границе между Арменией и Азербайджаном. Этот шаг означает, что СНГ более никак не может повлиять на ситуацию в этом регионе и, образно говоря, умывает руки.

Перестрелки в Приднестровье, сообщения о раненых... Кто с кем воюет тут, не очень ясно.

Ко всем прочим дефицитам добавился дефицит разменной монеты. Медяки исчезли из оборота — как будто их вовсе не было. Российский монетный двор перестал присылать мелочь, ссылаясь на нехватку неких дефицитных металлов, необходимых для изготовления разменной монеты. В магазинах в качестве её заменителя используются купоны на проезд в автобусе.

Нарастает скандал вокруг Эриха Хонеккера, по-прежнему укрывающегося от германского правосудия в чилийском посольстве в Москве. Немцы грозят чилийцам заморозить обещанную им экономическую помощь, если Хонеккер не будет выдан. Россия тут уже как бы ни при чём.

Большим составом — Ольга, Пашка и я — летали в Усть-Каменогорск, на новоселье к брату Петьке и Лене. Теперь они вчетвером (у них дочери Аля и Настя) живут в четырёхкомнатной квартире. Думаю, им очень повезло с ней: попали в “последний трамвай”. При сегодняшнем беспределе вряд ли можно рассчитывать на получение квартиры.

Заметил интересную вещь: находясь рядом с братом, всё время пытаюсь влезть в его дела — даже если он об этом и не просит.. В то же время очень часто не могу разобраться в своих собственных.

Петька в этот наш приезд сказал, что есть в моём облике нечто от волка, подтверждающее мою человеческую остойчивость в жизни — как у корабля в дальнем плавании. Сказал, что есть во мне надёжный внутренний стержень. Если бы это было так! Оставаясь один на один со своими многочисленными проблемами, я, наоборот, часто ощущаю собственную беспомощность, разочарование в жизни и потерю очень важных ориентиров, нежелание бороться (ну сколько можно бороться вместо того, чтобы просто жить!)... Иногда мне кажется: я до того “разобран”, что уже распадаюсь на кусочки, и нужны усилия воли, чтобы собрать себя воедино. Я просто не успеваю преодолевать невзгоды, которыми так полна моя сегодняшняя жизнь; они накапливаются во мне, отчего я живу с ощущением “усталости металла...”.

Пока мы были в Усть-Каменогорске, в Ермаке в пожарном порядке ликвидировали памятник Ермаку. К этому дело давно шло... А тут приехали эмиссары национал-патриотического движения “Аттан” из столицы и других регионов Казахстана, призвали к “мирному походу на Ермак” своих сторонников. И вот, “чтобы не обострять межнациональных противоречий”, а также “учитывая то-то, то-то и то-то...” городские власти приняли решение срочно демонтировать памятник.

Затем в Ермаке состоялся массовый митинг, санкционированный властями. На нём звучали благонамеренные речи, призывающие к дружбе народов и национальному согласию. В некоторых выступлениях звучало имя казахского батыра Садбека, якобы в свое время бившегося с Ермаком и от его руки погибшего. Было ли это на самом деле, или всего лишь легенда, народное предание, похоже, никто не знает.

Я не большой поклонник Ермака и не противник возрождения казахстанского национального самосознания, но разве можно решать судьбу памятников таким образом? Ведь это очень опасный путь. По сути — не сами горожане, а некие радикально настроенные эмиссары “решили вопрос” силовым методом.

Почему нельзя было перенести памятник в другое место? Говорят, некоторые сибирские города готовы были забрать его... Хотя в обласполкоме мне сказали, что отказались — Тюмень, Екатеринбург..

Добавление из 2007 года. Прошло пятнадцать лет.. И теперь на бывшем постсоветском пространстве с памятниками воюют уже “цивилизованными” способами. Парламентом Эстонии принят закон, позволяющий снести памятник советскому воину-освободителю, установленный в Таллине. Таким образом, маленькая и кичливая Эстония решила “поквитаться” с Россией (или канувшим в небытие Советским Союзом?) — за “оккупацию” в годы Второй мировой войны и полувековое нахождение её в составе СССР. В считающей себя цивилизованной Эстонии политически и идеологически реабилитированы даже те её граждане, которые служили в годы войны в элитных гитлеровских войсках. Здесь как-то очень быстро забыли, что планы Гитлера отнюдь не предусматривали в будущем существование самостоятельного эстонского государства.

Многим эстонцам есть за что не любить Советскую власть. Но разве только эстонцам? И в чём “провинился” памятник воину-освободителю? Ведь не ставят же вопрос о сносе или даже переносе подобных памятников в ФРГ (бывшей поверженной Германии!), в Болгарии, Венгрии...

В боях за освобождение Эстонии погибло более 280 тысяч советских солдат. Они-то в чём провинились перед этой страной?

Несколько лет назад группа казахстанских журналистов побывала в Эстонии. Это была замечательная, очень интересная поездка, о которой я опубликовал цикл путевых очерков “Тэрэ, Эстония! Здравствуй, Эстония!”. И так вышло, что 9 мая мы оказались в Таллине у того самого памятника воину-освободителю. День Победы к тому времени тут уже отменили, но памятник утопал в цветах, и люди к нему шли, шли, шли...

Так с кем же на самом деле воюют сегодня эстонские парламентарии?

Говорил с Б. В. Исаевым о необходимости “доподписки”. Он менжует-ся, не говорит ни да, ни нет. Кажется, его главный метод сегодня — вообще ничего не решать, если есть хоть какая-то возможность для этого. Б.В. можно понять: обсовет и раньше-то не обладал реальной властью, а теперь, при администрации, и вовсе — как пятое колесо в телеге. Похоже, Б.В. не прочь сделать соучредителем “ЗП” главу обладминистрации, и таким образом свалить с себя заботу о финансировании газеты. Мне же эта идея не по душе — зачем нам новый обком?

Из-за нехватки средств приостановлены выпуск “Правды”, “Рабочей трибуны”. Выходят пока “Известия”, “Труд”, “Комсомолка”, но, наверное, их ждёт то же самое. Владимирская областная газета, оказавшись на грани банкротства, объявила подписку пока на один квартал — по 120 рублей. Надо и нам решаться.

Сегодня годовщина референдума о сохранении Союза. В кошмарном сне не могло присниться, что Союза, за который проголосовало три четверти взрослого населения, меньше, чем через год, уже не будет...

В Москве собралась часть бывших народных депутатов СССР. Они намереваются провести съезд, протестовать, требовать. Съезд, если он будет, то опереточный; раньше надо было думать, когда у вас были все полномочия...

Планируют ещё и митинг провести...

18 марта

Даём в номер обращение “Славии” по следам ермаковских событий: “Мы против войны с памятниками”.

Сегодня же Сергей Горбунов принёс новость: активисты “Азата” (национал-патриотическое движение) направили “телегу” президенту и генеральному прокурору, в которой меня, правда, в числе прочих, обвиняют в пропаганде казачества (?) и прочих смертных грехах... Я даже не расстроился: не впервой уже.

Заходил Мишка Чирков — красивый, эlegantный и, похоже, вполне довольный жизнью. Он по-прежнему работает в пресс-службе президента. Рассказал ему о нашем житье-бытье, о последних событиях, атмосфере, в которой сносили памятник Ермаку. Говорит, что Назарбаев понимает опасность нарастания воинствующего национализма, но ему самому сейчас нелегко.

Настроение у меня не просто плохое, а отвратительное — ощущение полной безысходности...

19 марта

Вечером позвонила домой А. М. Ажибаева. Только что вернулась из Монголии — совсем. Представительство общества советско-монгольской дружбы в Улан-Баторе закрыто из-за отсутствия средств. Оказывается, ей посылали вырезки с моими материалами обо всех наших “заварушках”. Теперь она будет искать работу (до пенсии ещё несколько лет).

Зря грешил на Б. В. Исаева... Шёл сегодня к нему по всё тем же редакционным делам с предубеждением — разговора не получится. Но в считанные минуты договорились и о “доподписке”, и о повышении окладов сотрудникам, и даже о том, что он не станет “педалировать вопрос” о введении главы обладминистрации в состав учредителей газеты.

Перед тем как уходить, я намекнул, что хочу знать, как освобождают с должности первых секретарей обкомов партии?

Он сразу оживился:

— Тут надо начинать с того, как становятся первыми секретарями. Хотите — расскажу?

Вот его рассказ, который я постарался записать по горячим следам.

В Караганду Б. В. приехал с Дальнего Востока, где работал после окончания мореходного училища. Дела у него там шли хорошо, но жене было не по климату. В Караганде устроился в совнархоз — были в хрущёвские времена такие крупные управленческие подразделения, руководившие развитием приоритетных отраслей промышленности сразу нескольких регионов. Работал старательно и активно, проявлял характер... Заметили — стали продвигать по службе, по общественной и партийной линии. Поехал учиться в Москву — в Высшую партийную школу.

Закончил её с отличием, вернулся в Караганду, отказался от нескольких должностей и в итоге оказался на посту директора местного завода отопительного оборудования, имевшего славу худшего предприятия в отрасли. Он и туда идти не хотел, тем более что знающие люди предупреждали: дело дохлое, сломаешь себе на нём шею и карьере загубишь. А тогдашний первый секретарь обкома сказал ему так: “Другая тебе будет цена, если ты этот завод поднимешь”. Соглашаясь на директорскую должность, Исаев решил для себя: “Если я хоть что-нибудь стою, то вытяну завод, ну а нет — значит, не стою...”.

Завод он вытянул, хоть и не сразу... Бывало — руки опускались; было дело — приходил в обком со словами: вы же видите, что не справляюсь. И тем не менее какое-то время спустя завод впервые выполнил план, а потом из разряда вечно отстающих стал вполне благополучным.

Однажды в Караганду приехал Д. А. Кунаев и захотел побывать на этом, некогда вечно отстающем, предприятии. Конечно же, обратил внимание на молодого энергичного директора (такой горы свернёт!), запомнил его. Тем более что между ними состоялся примечательный разговор. Кунаев спросил: а почему бы вам не заняться ещё и производством товаров народного потребления (в ту пору все предприятия обязывали производить эти самые товары). Исаев мотивированно объяснил: отопительное оборудование, выпускаемое заводом, и есть такая продукция. И спрос на неё очень большой. Кунаеву, наверно, понравилось и то, что молодой, толковый директор не тушует перед начальством, не лезет за словом в карман. И ещё, говорил мне Исаев, у Кунаева была вообще прекрасная память, а на кадры — особенно.

Вскоре встал вопрос о новом первом секретаре Карагандинского горкома партии. Кунаеву представили на согласование три кандидатуры. Но он, вероятно, уже сам всё решил и спросил: почему среди кандидатов нет ни одного инженера? Да вроде нет ни одного подходящего, отвечают ему. Как нет, а тот, что завод отопительного оборудования вытянул?

Так совершенно неожиданно для себя Исаев стал первым секретарём горкома. Проявил себя и здесь — инициировал почин “Работать без отставших”, чем заслужил ещё большее расположение Кунаева.

Тем временем ожидалась смена первого секретаря Павлодарского обкома партии... Исаева вызвали на собеседование сперва ко второму секретарю ЦК Компартии Казахстана В. К. Месяцу, затем — к Д. А. Кунаеву. Он, кстати, был не единственным кандидатом: если при избрании первым секретарём горкома полагался кадровый резерв из трёх человек, то на пост первого секретаря обкома — из семи. Вообще же, говорил мне Исаев, Кунаев кадровые решения обставлял так: заходил в кабинет, где его ожидала верхушка ЦК, бросал на стол папку с бумагами, добавляя: “С Генеральным согласовано!”. Все и без того знали об их прекрасных личных отношениях с Л. И. Брежневым.

Так Б. В. Исаев стал первым секретарём Павлодарского обкома партии. За дела взялся круто и сегодня убеждён: в Павлодаре он опередил горбачёвскую перестройку лет на десять, только тогда она никому не нужна была. Предполагает, что “свалил” его тогдашний второй секретарь республиканского ЦК Мирошхин, опасавшийся дальнейшего взлёта товарища по партии и видевший в нём соперника. И Мирошхин, и другие высокие чины в Алма-Ате сначала санкционировали строительство того злополучного дома в центре города на берегу Иртыша, куда перебрались семьи первого секретаря обкома и председателя облисполкома, а потом Исаеву это строительство в вину же и поставили. (Это версия самого Б.В., потому что у горожан отношение к этому “дворянскому гнезду” всегда было однозначно отрицательным).

Был, по мнению Б.В., и второй случай, ставший решающим в сломе его партийной карьеры... На XXVI съезде КПСС его должны были избрать членом ЦК КПСС, или, в крайнем случае, кандидатом в члены ЦК, то есть ввести в круг высшей партийной элиты Союза. Предварительно вопрос был уже согласован... Но случилось нечто непредвиденное.

Первым секретарём обкомов партии (а все они, разумеется, были делегатами съезда) впервые разрешили взять с собой в Москву жён. И один из съездовских дней выпал на день рождения жены Кунаева. Она решила

его отметить в кругу жён первых секретарей казахстанских обкомов партии. Стали собирать деньги на подарок — по сто рублей. Исаевская жена, воспитанная в жёстких партийных традициях (мать — старая ленинградка, большевичка до мозга костей, отец — чекист) идти к первой партийной леди Казахстана отказалась: с какой стати, мы с ней не знакомы, ни разу не встречались! Не изменила своей позиции, когда за ней послали вторично.

Именно этот случай, считает Б. В., фатально повлиял на его дальнейшую партийную судьбу. Сначала на него ни за что ни про что “нашумел” Кунаев на общем сборе республиканской партийной делегации, а затем его фамилии не оказалось среди тех, кто должен войти в состав ЦК КПСС. Были у Исаева и другие, косвенные свидетельства того, что его кандидатура была исключена из заветного списка в самый последний момент.

Вскоре после съезда Б.В. стал замечать, как меняется к нему отношение “наверху”. Покритиковали в докладе на пленуме ЦК Компартии Казахстана, приняли закрытое решение, указав на проявленную им личную нескромность. Хотя в своё время, когда история с “домом на берегу” стала получать нежелательную огласку, Кунаев в телефонном разговоре сказал Исаеву: не вздумай выселяться — живи.

Переселяться тем не менее пришлось. Теперь Б.В. считает: может быть, его специально подставили, сперва спровоцировали его на это строительство, а затем поставили в вину.

Как-то его пригласил всё тот же Мирошхин и, не поднимая головы, сказал, что есть мнение укрепить руководство Павлодарской области. В причинах фигурировал всё тот же дом, неважные дела на ЭТЭКе. За ЭТЭК меня не наказывать, а награждать надо, отвечал Исаев, строительство же дома было всеми санкционировано... Ответа не последовало, Исаев ещё спросил — кто придёт вместо него?

— Ерпилов...

— А меня куда?

— Можно министром, зампредом Госплана или зампредом Комитета народного контроля.

Не заходя к Кунаеву, Исаев уехал в Павлодар и позвонил ему уже оттуда. Больше всего его интересовал вопрос: за что?

Кунаев успокаивал: не расстраивайся, никто из нас не вечен, ты же не родился первым секретарём...

Так до сих пор и не получил Б. В. ответа на тот вопрос. Сам Кунаев как-то позже сказал ему, что он кое-кого не устраивал не только в Алма-Ате, но и в Москве... Говорили, что Исаев без особого почтения принимал многочисленных начальников, частенько наезжавших в область из обеих столиц... Б. В. подозревает: “капали” на него в Алма-Ату и некоторые из ближайших соратников.

Он и сегодня считает: сняли его ни за что. И приводит в доказательство аргумент: если бы что-то серьёзное было, разве направили бы в Комитет народного контроля?

Проработав год заместителем председателя в Комитете народного контроля, Исаев пришёл на приём к Кунаеву. Сказал, что обиды не таит, но хотел бы вернуться на работу в область — всё равно какую: готов быть и вторым секретарём, если нельзя первым, и председателем облисполкома. Кунаев ответил: “Хорошо”. Но никаких предложений после этого не последовало. А затем Б. В. был назначен председателем КНК республики.

Ещё деталь. По неписаному закону и табели о рангах первому секретарю обкома к 50-летию полагался орден Ленина. А Исаева, лишившегося этого поста всего за несколько месяцев до юбилея, наградили Почётной грамотой Верховного Совета республики. Как ему потом рассказали, долго ломали голову над формулировкой, наконец, придумали: “За продолжительную работу в хозяйственных и партийных органах”. Б. В. подчёркивает: ни у кого больше такой нет!

Вероятно, всё же и Кунаев чувствовал, что с Исаевым обошлись не очень хорошо, отсюда и назначение председателем республиканского КНК — пост на уровне министерского, а в чём-то и повыше, ведь по должности Б.В. входил и в состав союзного КНК. В дальнейшем одна из проверок, инициированных КНК СССР, едва не рассорила его с Кунаевым. Проверяли работу одного из институтов Академии наук Казахской ССР, которой в ту пору руководил родной брат Кунаева. Вскрылись приписки, и немалые. Исаев подготовил две докладные записки — одну, как и требовали правила, в Москву, а вторую — Д. А. Кунаеву. Того в этот момент на месте не оказалось, и в итоге московская бумага опередила алма-атинскую. Кунаеву это очень не понравилось: что ещё за проверка, почему вовремя не доложили, зачем сигнализировали в Москву?

Следом была ещё одна проверка — “Главриссовхозстрой” — с таким же результатом. А за ней — “разбор полётов” на заседаниях бюро ЦК Компартии Казахстана, когда Кунаев раздражённо выговаривал Исаеву за его “сигналы”, и высказался в том смысле, что “не наш он человек”. Попытка Б. В. объяснить успеха не имела: никогда, мол, не зайдёшь, не посоветуешься... И только позднее, на личном приёме, он в чём-то смог убедить первого секретаря ЦК: уклониться от проверок было нельзя — это прямое поручение Москвы; в то время он всё делал для того, чтобы итоги их рассматривались в Алма-Ате, а не в Москве. Кунаев как будто понял его, но холодок во взаимоотношениях всё же остался.

Назарбаев же, наоборот, всё время поддерживал Исаева на его посту в КНК, в том числе и перед депутатами Верховного Совета при переназначении; нашёл для него тёплые, дружеские слова в своей первой книге “Без правых и левых”.

Во время нашего разговора (хотя, вернее, это был монолог) Б. В., снова и снова перебирая этапы своей судьбы (вышел из семьи беднее бедного, рос без погибшего на фронте отца, а их у матери осталось четверо, никогда не имел никаких “мохнатых лап”, всегда и всего добивался сам, своим горбом), задавался вопросом: где и когда он оступился, совершил свою главную ошибку? И не находя ответа, говорил мне, а может быть, самому себе: просто он опередил своё время.

Что ж, наверное, не так уж он в этом и неправ. Да, он и не вписывался в типичную партийную массу, выделялся из неё; нарушал писаные (а чаще — неписаные) правила, был менее почтителен, чем требовалось, к начальству и более независим, чем другие... За то и поплатился. А в свой нынешний приход к нам в область он уже мало что мог изменить.

Почему он был со мной столь откровенен? Наверное, до того просто не с кем было поделиться этими своими переживаниями...

Объясняюсь в сегодняшнем номере с читателями, почему нам не удастся обойтись без переподписки...

Самочинный шестой съезд народных депутатов СССР всё же состоялся. На нём, по словам организаторов, было зарегистрировано 217 делегатов и ещё около 150 прибыло “самотёком” (то есть этих вовсе никто не приглашал).

Местом проведения съезда стал однако не Кремлёвский Дворец съездов, как того требовали организаторы, а Дворец культуры одного из совхозов Подмоскovie.

Съезд продолжался полтора часа и проходил при свечах, так как администрация ДК отключила электричество.

В Москве прошёл митинг “защитников СССР”, приуроченный к годовщине референдума о сохранении Советского Союза. В митинге, санкционированном правительством Москвы, участвовало около 50 тысяч человек. Высказав негативное отношение к СНГ, участники митинга разошлись.

Николай Марчевский пишет о незавидной судьбе совхозов и колхозов области в преддверии скорой приватизации.

В совхозе “Спартак” за последние несколько лет сменилось пять директоров, а дела идут всё хуже.

— Может, вам малое предприятие создать, — спросил Николай управляющего первым отделением, — например, по животноводству?

Оказалось, двухтысячное стадо обслуживают в общей сложности 120 человек — специалисты высшего и среднего звена, доярки, скотники, механизаторы и т. д. Итого нагрузка — по пять животных на человека. Какая тут может быть рентабельность?

Но многих в этом совхозе его бедственное положение нисколько не пугает. Наоборот, с разором хозяйства они связывают своё лучшее будущее. Говорят так: уж скорее бы мы обанкротились, кто-нибудь богатый нас купит, а работать мы умеем.

Да уж: вот придет барин — барин нас рассудит...

В совхозе “Пресновский” пригласили для консультации учёных аж из Москвы, но их рекомендации пока не очень помогли.

В нескольких совхозах Иртышского района занялись созданием ассоциации.

Но большинство выжидают, и их можно понять: не название надо менять, а всю свою жизнь.

20 марта

Володя Бугаев рассказывал на утренней планёрке о том, как проходила вчерашняя сессия Ермаковского горсовета. Депутаты заседали семь (!) часов. Город решили переименовать, но как он теперь будет называться, не решили. Договорились посоветоваться на этот счёт со своими избирателями в округах. С этого по-хорошему надо было и начинать.

Бугаев говорит, что ситуация в городе складывалась взрывоопасная: сторонники “Азата” и “Атгана” готовы были самостоятельно пойти на снос памятника Ермаку, могли возникнуть беспорядки, поэтому глава городской администрации В. И. Шокарев взял на себя решение — убрать памятник.

Один из выступавших на сессии сказал: в казахскоязычной прессе два года шла разъяснительная работа насчёт того, что собой представляет Ермак — злобная фигура, “Гитлер для казахского народа”. А вот русскоязычные газеты не перепечатывали эти статьи, не объясняли своим читателям — какой на самом деле “бандит и убийца” Ермак. Словом, нас за это критиковали, это мы отчасти повинны в том, что русскоязычное население противилось сносу памятника.

Да, мы не перепечатывали таких статей, но не печатали и материалов в защиту Ермака. Мне казалось (да я и теперь так думаю), что полемика между людьми, стоящими на диаметрально противоположных позициях, не только непродуктивна, но и в ситуациях, подобных этой, чревата непредсказуемыми последствиями.

Кажется, я уже писал в своей “Хронике”, что Ермак для казахов — фигура не просто малопривлекательная, но и злобная. А для русских — он первопроходец, герой, открывавший новые земли для государства российского. И разве можно вытравить эту историческую память?

Для русских Чингисхан — жестокий, кровавый завоеватель, принёсший бесчисленные беды Руси; это чёрное имя в русской истории. А для монголов — он выдающаяся личность, национальный герой, и они собираются отмечать его 830-летие.

Ковхаев предложил: Еролина собрала вырезки из высказываний российских историков о Ермаке — вот их давайте и дадим...

Речь, понятно, шла о заслугах Ермака перед государством российском.

Вы считаете Ленина преступником номер один, отвечал я Ковхаеву, а для миллионов людей он по-прежнему свет в окошке, вечное знамя, и напечатайте вы хоть сто статей — они всё равно никогда не убедят сторонников Ленина в обратном.

Это философский спор, парировал Ковхаев, тем более, что прежнего величия Ленина уже нет; а тут пробный камень, и мы должны занять позицию, если надо встать грудью, потому что после Ермака ярые националисты начнут поход на Павлодар.

“Встать” грудью уже предлагал в Ермаке предводитель местного казачества, и на конференции трудового коллектива одного из крупных предприятий приняли петицию, призывающую не переименовывать город. Кстати, и на сессии Ермаковского горсовета кто-то из депутатов предлагал отправить в отставку главу городской администрации за решение о сносе памятника. Тот отвечал: никакой памятник не стоит даже одной загубленной жизни, а я предотвратил опасность такого развития событий, когда люди разных национальностей могли пойти друг на друга.

Об этом эпизоде сессии напомнил Володя Бугаев после наших долгих дискуссий, дав понять: тот же глава Ермака Шокарев куда острее нашего почувствовал ситуацию в городе...

Всё ясно, заключил Ковхаев: позиции по этому вопросу у нас нет и впредь не будет. Я в ответ взорвался: позиция — это не только прокукаркать, но и отвечать за последствия; отвечать же — не ему, а другим...

Так мы с ним в очередной раз разругались, и день, казалось, испорчен начисто. Но пока я сидел в кабинете в “разобранном” состоянии, раз за разом прокручивая состоявшийся разговор, позвонил А. М. Мухамеджанов, пригласив в “Сарыарка Самалы” на празднование Наурыза. Отвечал бешбармак, выпил чаю с коллегами и вроде отмяк. Вот так жизнь иногда всё уравнивает.

24 марта

В Павлодаре открыт литературный музей имени Бухар-жирау. В нём уже есть стенды, посвящённые Павлу Васильеву, Всеволоду Иванову, Нелли Ваккер.

Как сообщает в нашей газете областная прокуратура, по итогам прошлого года в суды было передано 19 дел по такому новому виду преступления как рэкет. Совсем недавно трое в масках (их личности установлены), взломав входную дверь, вломались в квартиру председателя одного из кооперативов и увезли его за город. Требуя денег, садистски пытали... К счастью, он остался жив, а преступников ищут.

Чем не “дикий Запад”?

26 марта

В Экибастузе создан первый в республике коммерческий банк. Это инициатива объединения “Экибастузуголь” и его партнёров. Учредители банка надеются, что смогут ускорить платежи и отчасти решить проблему с наличными деньгами.

В знаменитый детский лагерь “Артек” отныне будут ездить не самые лучшие (отличники учёбы, активисты и т. д.), а дети тех родителей, кто способен выложить 7920 рублей. Столько стоит сама путёвка, плюс дорога в оба конца... Итого — около десяти тысяч.

Немногие родители могут запросто найти такую сумму. И в бюджетах городов и районов нет денег на оплату путёвок.

Помню, как я мечтал когда-то поехать в Артек, когда на нашу школу впервые за всю её историю была выделена путёвка. Я был одним из лучших учеников школы, участвовал в общественных делах, занимался спортом. Но путёвка досталась сыну замдиректора совхоза, ничем особым себя не проявившему... Теперь и моим детям, скорее всего, не видать Артека как своих ушей.

Объявили новую подписку на оставшиеся восемь месяцев. Её стоимость — 96 рублей.

Боюсь, читатели нас не поймут, но иного выхода нет.

А. М. Мухамеджанову присвоено звание “Заслуженный работник культуры Республики Казахстан”. Это тот случай, когда честь по заслугам.

29 марта

Вся неделя прошла и заканчивается под знаком “постермаковских” событий.

Председатель Ермаковского горсовета А. Мендыбеков запросил встречи с редакторами двух областных газет (то бишь с А. М. Мухамеджановым и мной), чтобы “подготовить общественное мнение” к переименованию Ермака. Встречались у заместителя председателя облсовета К. Д. Даржуманова,

Я прихватил с собой с десяток пришедших в редакцию писем, протестующих против сноса памятника и переименования города.

Шёл на встречу и выстраивал линию поведения, думал — что буду говорить? Скажу, что переименовывать или не переименовывать город — дело самих горожан. И этот вопрос надо решать с учётом всех существенных реальностей. Есть общепринятая норма — референдум. Да, у нас пока нет закона о референдуме, но в таком случае можно провести опрос населения. Пусть он не будет иметь законодательной силы, но станет хотя бы ясно, что думает по этому поводу народ, на мнение которого мы так любим ссылаться. Но, оказалось, и меня опередили: кто-то из авторитетных казахских учёных уже публично заявил: референдум такого рода в условиях, когда коренное население составляет меньшинство на данной территории, некорректен по отношению к этому самому населению. Но если это так, тогда о чём вообще толковать.

Шёл на встречу с тяжёлым сердцем и ушел с тяжёлым... Надо отдать должное К.Б. Даржуманову, он вёл разговор здраво и взвешенно, чего не скажешь о некоторых выступлениях других участников. Предлагалось пригласить видных учёных, которые бы на встречах разъясняли горожанам, кем на самом деле был Ермак... Я, показав кипу писем в защиту Ермака, пытался говорить о том, что согласия по “ермаковскому вопросу” нам всё равно не достичь, и надо думать не только о том, как побыстрее покончить с ним, но и о последствиях, о том, как будем жить дальше. Не уверен, что меня услышали. Но хорошо уже то, что никто не пытался “рулить” газетами, давать нам указания. Понял ещё и то, как плохо, что мы, русские, не знаем казахского языка, а потому не имеем представления о том, что пишут по горячим темам наши братья-казахи в своих газетах.

31 марта

Вал откликов на небольшое письмо А. Паньковой “Обмануты дважды”, опубликованное месяц назад. Она писала, что пенсионеры были обмануты при начислении пенсий и при обесценивании их вкладов в Сбербанке — тех денег, которые они копили по крохам, подчас отказывая себе во всём. Читатели жалуются на тяготы жизни, приводят свои расчёты, доказывая, что нельзя жить при нынешних ценах на те крохи, которые платит им государство за многие годы безотказной работы. И ругают на все лады реформаторов.

Даём обзор этих писем, понимая, что он вряд ли что изменит.

2 апреля

Театр абсурда на просторах СНГ ставит всё новые спектакли. Москва на днях салютовала в честь подписания федеративного договора. В торжественной церемонии участвовали президент и председатель Верховного Совета России, а также руководители республик, краёв, областей.

Тем временем в Молдавии объявлено чрезвычайное положение на всей территории — из-за вооружённого конфликта в Приднестровье.

А в Латвии больше не гарантируется право получать среднее образование на русском языке. Такая гарантия, как и само упоминание о языке, на котором говорит половина населения, изъяты из соответствующей статьи закона о языках.

Постановлением Верховного Совета республики в соответствии с запросом местных властей и заключением республиканской ономастической комиссии село Белогорье переименовано в село Коктобе.

Была “белая гора”, стала “зелёная гора”.

Наш Иртышский собкор Г. Жаманбалинов предрекает революцию в комбайностроении. На здешней опытной станции испытывается изобретение иртышских инженеров и агрономов — модуль очёсывающий навесной (МОН-4). Его создатели уверяют, что в скором времени он заменит не только привычные жатки, но, может быть, даже и комбайны. В отличие от обычной жатки “МОН” не скашивает, а вычёсывает колосья, оставляя на поле стебли, которые зимой будут задерживать снег лучше всякого искусственного снегозадержания. Кроме того, модуль способен убирать полёглые хлеба и работать в непогоду; он не боится ни утренней росы, ни морозящего дождя. Зерно при уборке “МОНОм” не травмируется и не дробится, а горючего агрегат потребляет гораздо меньше, чем комбайн.

Новинкой заинтересовались в России и на Украине. В партнёрах у Иртышской опытной станции — Мелитопольский институт механизации сельского хозяйства, ассоциация “Казагроссервис”, Иртышский ремзавод, Красноярский комбайновый завод.

Цена одного “МОНа” — 268 тысяч рублей, пока выпущено двадцать опытных образцов.

Приезжал брат Петька. Поговорили “за жизнь”, сходили в баню, съездили к сестре в Железинку и даже в кои-то веки послушали пластинки — оказывается, у нас дома немало пластинок с хорошими записями, просто некогда их слушать.

А в воскресенье отправились с ним на дачу — первый раз в этом сезоне. Мать с Ольгой наказали принести оставленные в домике на зиму “про запас” две трёхлитровые банки — одну с подсолнечным маслом, другую с жиром.

День выдался замечательный, тёплый. В городе было ветрено, а на даче, в затишье, совсем тепло... Пожалели с братаном, что не прихватили с собой выпивки...

Зашли на наш участок — сразу обратил внимание, что на крыше дома нет флюгера — петуха — утащили незваные гости. Они же пытались ломать дверь, оставив на ней следы лома. Но прежний хозяин дачи был мужик по части устройства запоров основательный и дверь для дома изготовил едва ли не бронированную. Открыли её, зашли в настывшую за зиму и ещё не успевшую нагреться комнату — всё вроде в порядке. Стал я искать банки. Первую — в столе — не обнаружил и, ругнувшись, полез за второй в погреб, но и там ничего не нашёл.

— Вылазь, брат, я тебе кое-что покажу, — зовёт Петька.

В доме на окне была мощная решётка, оказавшаяся распиленной и отогнутой так, что в ней оказался небольшой лаз. Но ведь ставни на окнах были целы — вместе с мощной “клямкой” из листового железа... Её-то “гости” снаружи отогнули, вытащили ставень, затем залезли внутрь, отыскивали наши

банки и, не тронув больше ничего, всё поставили на место — даже стекло и ставень. То есть сработали не только в высшей степени профессионально, но и интеллигентно: вот, мол, мы взяли только то, что нам было нужно; а вы впредь будьте благоразумны и ничего не прячьте — мы справимся с любыми запорами.

Мы с братаном даже не расстроились — умеют работать!

Летали с А. М. Мухамеджановым в Алма-Ату, на пленум Союза журналистов. Едва наш самолёт вырулил на стоянку, как к нему прямо по лётному полю понеслась чёрная “Волга”. Подумал: Мишка Чирков, что ли, свою жену встречает (я помогал ей в Павлодаре сумки тащить), а Мишка работает в пресс-службе президента. Оказалось — встречают Альходжу Мухамеджановича, по поручению его друга, который теперь — начальник столичного аэропорта. Нас быстро домчали до гостиницы, и мы поселились в номере на двоих, заплатив по 71 рублю за сутки (в прошлый раз это удовольствие стоило 4 рубля 60 копеек).

Затем поехал в университет — Ольге за справкой. Случайно встретил Сагымбая Козыбаева — преподавателя нашей студенческой поры, отличавшегося небывалым либерализмом в отношениях со студентами. Теперь он декан журфака, меня встретил очень дружелюбно, можно сказать — ласково. Сообщил новость: на факультет вернулся Т. К. Кожакеев, заведует кафедрой, пользуется большим влиянием.

Мы поступали на журфак, когда деканом был М. И. Дмитрировский — фронтовик, интеллигентный человек, которого мы сразу полюбили. На смену ему пришёл Кожакеев, установивший на факультете чуть ли не полицейский режим, в каждом студенте он априори видел разгильдяя, прогульщика занятий — и соответственно этому применял меры наказания.

Как-то он вызвал Пашку Бабенко, никогда не отличавшегося дисциплинированностью.

— Бабенко, вы пропускаете занятия, мы лишим вас стипендии...

— У меня нет стипендии, — ответил Пашка.

— Мы лишим вас места в общежитии...

— У меня нет общежития...

Кожакеев призадумался, но лишь на мгновение:

— Тогда мы дадим вам общежитие, но лишим его, если вы будете пропускать занятия...

Так Пашка совершенно неожиданно получил место в студенческой общаге. Правда, ненадолго...

Меня Кожакеев назначал старостой группы и освобождал с этого поста, которым я тяготился. В деканате был вывешен приказ со следующей формулировкой:

“За формальное отношение к учёту посещаемости, за необеспечение руководства группой, за отсутствие личного примера освободить от обязанностей старосты”.

Я скорее с облегчением, чем с обидой, пошёл сдавать ему журнал учёта посещаемости, который и вправду вёл без усердия, покрывая прогулы сокурсников. И тем не менее чисто из вредности решил покачать права:

— Темирбек Кожакеевич, что значит “отсутствие личного примера?”. Учусь я на отлично, вы даже представляли меня на именную стипендию.

Занимаюсь в студенческом научном обществе, ездил в стройотряд, работаю в университетской многотиражке...

Кожакеев посмотрел на меня поверх очков — как будто даже с интересом. — Что значит “за необеспечение руководства группой?” — продолжал я. — Наша группа — одна из лучших на факультете — и по успеваемости, и по участию в общественной работе...

А что касается учёта посещаемости... Тут я сам не знал, что буду говорить, но этого и не понадобилось.

— Поминып (так Кожакеев произносил мою фамилию), ты мне тут не “пилосопствуй”, — и протянул за журналом свою пухлую руку.

Горевать из-за потери поста старосты я не стал, хотя с изумлением заметил, как изменилось (и далеко не в лучшую сторону) ко мне отношение некоторых однокурсников.

А Кожакеев мордовал ещё не одно поколение журфаковцев-“казгушников”, пока в колбинские времена его с треском не сняли с должности и, кажется, даже исключили из партии за многочисленные злоупотребления.

И вот, оказывается, жив курилка и даже процветает!

Заезжал к Наташе Баталовой. Живётся ей по-прежнему нелегко, и вся её жизнь по сути подчинена больному сыну. Но именно у неё можно поучиться жизнелюбию... Вот они, эти нехитрые, но разумные принципы: радуйся тому, что имеешь, дорожи сегодняшним днём, умей находить хорошее в обыденном. Говорит, что это Дэйл Карнеги придумал... А вообще, она большой молодец и поразительно стойкий человек.

Вдруг захотел зайти в Алма-Ате в “нархозовскую” общагу в десятом микрорайоне, в которой жили на первом и втором курсе с Пашкой Бабенко, Толиком Уколовым, Гришей Девятовым. Удивился тому, что общага всего-навсего трёхэтажная, она мне в студенческие времена казалась почему-то выше.

Навестил наших друзей — Устиненок. С Толяном “приняли на грудь”, повспоминали наши походы в горы, павлодарское житьё. Его жена Нина говорит, что в “Советах Казахстана”, где она теперь работает, хвалят за активность и усердие нашего Николая Попова.

Перед отлётом домой было несколько свободных часов. Поболтался по Алма-Ате. Температура + 24, благодать. Зашёл в несколько магазинов и был приятно удивлён тем, что товаров тут прибавилось. Хотя цены просто космические.

Опять повздорили на планёрке. Ковхаев сказал: у Бусыгиной в “Тракторостроителе” оклад теперь — шесть тысяч рублей в месяц, вот и мы должны поднять зарплату в разы, невзирая ни на что.

Я взбеленился: да что вы все с ума посходили — говорят, у президента республики зарплата меньше... Да и где брать деньги на такое повышение?

Начали переругиваться... А Бусыгина, оказывается, просто разыграла наших — разговор происходил первого апреля.

4 апреля

К нам в редакцию обратился П. В. Зуев — технолог чугунно-литейного цеха алюминиевого завода. Он и ещё десять заводчан купили в 1990 году государственные облигации целевого назначения. Их выпустил тогдашний Минфин Союза — под дефицитные товары. Суть акции: деньги за облигации платишь сразу, а товар получаешь через три года. П. В. Зуев заплатил десять тысяч, надеясь получить “Москвич”. Его товарищи по несчастью отдали кто больше, кто меньше — “под “Волгу”, “под “Жигули”, “под мотоцикл”...

“Москвич” сегодня стоит уже 240 тысяч, “Волга” — и поболее того. Советский Союз остался в прошлом, к кому должны апеллировать заводчане?

Даём в газете заметку, но, скорее всего, плакали денежки наших земляков.

У кого что болит... Публикуем сегодня жалостливое письмо коллектива Ильичёвского райотдела милиции Павлодара. Нагрузка на нас, пишут милиционеры, резко возросла в связи с ростом преступности, а материально-техническая база никудышняя. Не хватает автотранспорта (а тот, что есть, изношен), раций, обмундирования. Зарплата — одна из самых низких в стране.

Коллектив отделения обращается через нашу газету “ко всем гражданам, руководителям предприятий, организаций, кооперативов и других форм частного предпринимательства с просьбой оказать посильную финансовую помощь...”.

Приплыли — дальше уже некуда...

Роберт Штарк побывал на внеочередном съезде немцев бывшего СССР. У него сложилось впечатление, что в нынешнем хаосе до советских немцев никому нет дела. Правительство Германии, оставляя двери для потенциальных переселенцев открытыми, приоритетом считает содействие обустройству “наших” немцев в местах их традиционного проживания. Только за последние три года Германия приняла свыше миллиона переселенцев, и её возможности в этом плане не беспредельны.

Теперь советские немцы хотят провести общенациональный референдум о судьбе своего народа и о возможных выборах в “народный парламент”.

Но давно ли у нас был референдум о сохранении СССР? А чем всё закончилось?

Квартирные кражи стали в Павлодаре настоящим бедствием. В качестве способа борьбы с ними жильцы одного из подъездов дома номер 6 по улице Кутузова установили в нём обязательное дневное дежурство. Жильцы по очереди следят за тем, кто в подъезд входит и выходит из него.

7 апреля

Министерство юстиции отказалось регистрировать новый устав Компартии Казахстана. Из туманных разъяснений замминистра мало что можно понять.

Указом президента продлён срок действия регулируемых цен на хлеб и молочные продукты (кроме мяса и твёрдых сыров). Срок действия — “впредь до его отмены”.

Интересный материал Б. Хазырова “Павлодар купеческий”. Пишет, что ежегодно, с начала октября до конца декабря, на территории Павлодарского уезда проходило семь торговых ярмарок. А знаменитая Куяндинская на почтовом тракте Павлодар — Каркаралинск, проводившаяся ежегодно летом с 15 июня по 15 июля, по совершаемому денежному обороту не уступала знаменитой Нижегородской.

На Куяндинскую ярмарку приезжали не только местные купцы, но и торговцы из всей Средней Азии, России, Афганистана, Китая. Успех её объяснялся ещё и тем, что были отменены таможенные пошлины.

Марафонец Марат Жыланбаев намерен стартовать в кругосветный забег 9 мая. Маршрут пробега он составлял вместе со знаменитым ведущим телевизионного “Клуба кинопутешествий” Юрием Сенкевичем. Путь марафонца пройдёт по 68 странам, в день он будет преодолевать в среднем 75 километров. А в качестве тренировки к предстоящему супермарафону Марат решил совершить 700-километровый забег через пустыню.

Лидеры национал-патриотического движения “Азат” принесли статью заявления по поводу “ермаковских событий”. В тексте — всё тот же набор аргументов. Сказал им, что если и дадим, то лишь с собственным комментарием. Ушли они недовольными...

А пока публикуем заметки Людмилы Гришиной, написанные на основе поступивших в редакцию писем на эту тему. Материал отличный, обращённый не столько к разуму, сколько к сердцу. Именно так надо писать на горячие темы, когда люди разных национальностей не могут (или не хотят?) понимать друг друга. Как раз таких публикаций недостаёт в сегодняшней газете.

Глава обладминистрации А. А. Жабагин провёл первую пресс-конференцию для журналистов области. Он произнёс краткую вступительную речь и предложил задавать вопросы. Мы с А. М. Мухамеджановым одновременно подняли руки, Я уступил ему, как старшему.

А. М. говорил о трудной финансовой ситуации в редакции и о том, что журналисты газеты решили обратиться к главе с предложением стать соучредителем газеты. Мне показалось, Жабагин слушал моего старшего собрата не без удовольствия и тут же ответил, что согласен; и хотя денег сейчас нет, в будущем он поддержит коллег финансами — как и другие областные СМИ, которые просят его о соучредительстве.

Тут встал я: у нас другой взгляд на эту проблему; газета должна стоять то, что она стоит, и потому мы объявляем “переподписку”, то есть подписку заново, рассчитывая на поддержку читателей. Наверное, сказанное мной прозвучало вызывающе, и, чтобы сгладить это впечатление, я попутно задал вопрос.

А. А. Жабагин отреагировал мгновенно:

— Я так понял — не хотите меня брать в соучредители...

И добавил что-то вроде, мол, дело ваше — навязываться не буду.

На безденежье и другие беды жаловались и другие редакторы, сетуя при этом, что, если им на местах и дают какие-то деньги, то потом “прижимают” по части критики.

— А вы как думаете? — жёстко комментировал глава обл администрации. — Кто платит — тот и музыку заказывает. Я тоже буду требовать, чтобы газеты, в которых я буду соучредителем, проводили разъяснительную работу, пропагандировали деятельность администрации. И критики, — тут он запнулся и сразу поправился: — критиканства не потерплю...

Вот так: коротко и ясно.

Кое-кто мне потом сказал: не надо было мне вылезать — в противовес А. М. Мухамеджанову — это напоминало вызов. Но, наверное, по сути, я всё же был прав, в противном случае вышло бы, что без меня меня сосватали, что мы тоже хотим видеть главу в соучредителях.

А вообще А. А. Жабагии держался на пресс-конференции хорошо, на вопросы отвечал здраво. Может быть, только отчасти излишне демонстрировал свою решительность...

Некоторое время назад дали заметку о погорельцах, лишившихся крова и вещей из-за пожара. И вот читаю их полное благодарности письмо: сразу после публикации на них обрушился настоящий вал помощи. Облсельхозуправление подыскивало жильё и работу взрослым членам семьи, церковь собрала пожертвования от прихожан, люди сами приносили вещи, деньги, продукты... Ради таких писем и стоит работать, и пропади она пропадом эта политика, отравляющая всю мою сегодняшнюю жизнь.

Идёт российский съезд народных депутатов. Пока без скандалов и сенсаций. Обсуждается судьба Черноморского флота, который маршал Шапошников предложил взять под юрисдикцию России (Украина, разумеется, ни в какую, поскольку это нарушает её суверенитет). Ельцин защищает реформы — отпуск цен, решительный переход к рынку и т. д. Пока что на съезде сохраняется хрупкое, неустойчивое равновесие между радикалами и консерваторами.

На газету, если верить связистам, после объявленной “переподписки” в Павлодаре подписалось аж 500 человек. Прогорим?

9 апреля

Сказал Ю. А. Ковхаеву, чтобы он готовился к пенсии. Он ответил, что готов, но надеется ещё поработать корреспондентом. На том и договорились.

Газета “Экспресс К” (бывшая “Ленинская смена”) целый разворот посвятила “делу В. Скляра”, его подоплёке и т. д. По сути, ничего нового, но заказной характер материала налицо. Цель очевидна: дело заволочить, а потом похоронить. Скорее всего, так оно и произойдёт.

Мне позвонил В. М. Воронов и предложил попросить прощения у А. А. Жабагина за мою “выходку” на пресс-конференции. А сказать я ему

должен вот что: я согласен, чтобы вы стали нашим соучредителем, мы всё сделали — как вы хотите,

И смех, и грех, хотя Воронов также действует из лучших побуждений.

Было время — эти записи приносили мне, если не облегчение, то хоть какое-то успокоение, помогая разобраться в самом себе. Теперь и этого нет, иногда вообще впадаю в некую прострацию, ощущая полную безысходность, невозможность хоть как-то повлиять на ситуацию. Такое впечатление, будто всё общество приходит в состояние некоторого помешательства и мало-помалу движется к пропасти, следуя за теми, чей принцип “чем хуже, тем лучше”.

11 апреля

На республиканском совещании с участием всех глав администраций — от районных и выше — выступил с программной речью Н. А. Назарбаев. Я всю её прослушал по телевидению. В словах президента звучало неприкрытое недовольство как положением дел на местах, так действиями глав администраций всех уровней. Иногда это недовольство выливалось в раздражение: какие, мол, вам нужны ещё указания, когда всё уже сто раз объяснено и разжёвано.

Н. А. требовал прекращения выпивок на работе, подношений и презентов за государственный счёт.

Иногда президент походил на главу большого семейства, отчитывающего своих неразумных детей.

Хорошо, что президент вступился за редакторов, заметив, что некоторые ретивые администраторы с первых дней стали прибирать к рукам газеты, менять неугодных редакторов.

Вице-президент России А. В. Руцкой сказал на съезде российских народных депутатов, что Россия должна научиться защищать своих соотечественников, оказавшихся за её пределами, и в полной мере успешных на себе ощутить все прелести “парада суверенитетов”.

Любопытное интервью с писателем Эдуардом Лимоновым во вчерашнем “Взгляде”. Отвечая на вопрос, как он относится к Солженицыну, Лимонов сказал: Солженицын (независимо от того, хотел он этого или нет) был одним из катализаторов всего, что мы сегодня пожинаем.

Лимонов — автор скандального романа о собственной жизни в Америке, яркий, самобытный человек, сильная личность. Считает развал Союза трагедией.

Я вообще заметил удивительную вещь: многие умные люди, уехавшие из страны не по своей воле, обиженные и униженные ею, зачастую куда больше нас, здесь живущих, обеспокоены её разложением. Может быть, потому, что им есть что с чем сравнивать?

Сегодня утром (суббота) позвонил домой директор винно-водочного завода А. Н. Островой. Благодарил за статью в поддержку нового проекта, который тормозят его “друзья” из облминистрации. А. Н. — крепкий

мужик, отличный хозяйственник. Он рассказывал мне как — где хитростью, где обманом — сберёг новое оборудование, когда прежние власти города, ставшие впоследствии завзятыми демократами, требовали в пылу борьбы за трезвость уничтожить это оборудование.

Некоторые журналисты, в том числе и бывшие “звездюки”, ударились в коммерцию. У кого-то это получается, у кого-то нет. Недавно один мне жаловался на другого: они выпускают свою газету, делают её (как журналисты) практически вдвоём, и вот тот, что был редактором, настолько увлёкся куплей-продажей дефицитов, что на их общее детище махнул рукой. И его можно понять: недавно всего лишь на одной сделке тот заработал около 200 тысяч рублей, тогда как в газете имеет в лучшем случае три-четыре тысячи...

Иногда журналистские темы сами идут в руки... К Николаю Марчевскому заявился мужчина, представился: “Николай Прокопьев, печник, представитель вымирающей профессии”.

Свою первую печь он сложил в 14 лет и остался печником на всю жизнь, хотя в своё время окончил политехнический институт. О печах и каминах он знает, кажется, всё. Меня удивили некоторые детали его работы. Такие, например: настоящий печник, начиная новую печь, обязательно закладывает монетку между первым и вторым кирпичом в восточной её части — это примета на удачу. А ещё ни один уважающий себя мастер не начнёт работать при убывающей луне, а самая лучшая пора — полнолуние, когда в природе ощущается прилив энергии.

У Николая Прокопьева есть правило: сложив русскую печь, он сам заводит квашню и сам выпекает в этой печи первый хлеб.

Читая материал Николая Марчевского, вдруг вспомнил, что и у нас в “Михайловском” была русская печка: большая, с высоким сводом и просторной лежанкой наверху, она занимала чуть ли не треть нашей кухни... Топили её только дровами, мать пекла в ней хлеб. Куда она потом подевалась? Мать говорит: мода прошла, а сама она долго горевала, оставшись без русской печи — такой нужной и удобной в хозяйстве.

Теперь же настоящей русской печи вовсе не встретишь.

Учителя готовятся к общереспубликанской предупредительной забастовке, намеченной на 18 мая. Одно из главных требований педагогов — увеличить их зарплату в восемь раз.

Отличный материал Ольги Григорьевой со снимком Володи Бугаева о главном анестезиологе области Павле Плинере. Он — один из организаторов службы реанимации области, широко образованный человек, спасший не один десяток жизней. Я по собственному опыту знаю, что, пообщавшись с такими людьми, и самому хочется стать лучше.

12 апреля

Кому на Руси жить хорошо?

Об этом можно судить по письму тётки Кати (сестра моей матери), живущей в небольшой сибирской деревушке Чубаровке, где я провёл в детстве у деда с бабушкой не одно лето.

Тётка работает дояркой. Пишет: хороших коров из-за бруцеллёза по-выбраковывали, а первотёлки молока дают мало; зарплата — нищенская, но и ту не получают уже четвёртый месяц — нет денег; сахара в деревне не видят с осени; и вообще в магазинах пусто, фуфайка (вещь первой необходимости в деревне) стоит 1200 рублей.

Зато вице-премьер российского правительства Е. Т. Гайдар уверял на съезде народных депутатов, что всё идет как надо, по плану. Хотелось бы только знать — кому надо и по какому плану, ведь Россия тянет за собой и остальные республики, а ныне суверенные государства.

В своё время Б. Н. Ельцин назвал антинародным правительство союзного премьера В. С. Павлова, когда тот только заикнулся о возможном повышении цен на продовольствие... Кто-то из российских депутатов на съезде процитировал это его изречение и спросил: а как может быть названо нынешнее правительство России, возглавляемое самим Борисом Николаевичем, после того, что оно делает со своим народом?

Почему-то никто не вспомнил ещё одно более раннее и более громкое заявление российского президента, обещавшего лечь на рельсы, если реформы ухудшат жизнь россиян...

По-прежнему читаю много газет и, наверное, напрасно: только настроение портится. В бывших центральных газетах всё чаще проводят параллели с 1917 годом: те же разброд и шатания, смута, обнищание народа, нежелание слышать друг друга, всевозрастающие амбиции политиков и полная беспомощность правителей, обязанных хоть как-то улучшить жизнь людей.

Навещали с С. П. Шевченко П. А. Побережникова — в больнице. Ему сделали сложную операцию, удалили две трети желудка. У П. А. была застарелая язва, заработанная ещё на редакционной службе. Он бледен, худ, потерял почти десять килограммов, на запёкшихся губах следы крови... Но держится бодро: теперь, мол, всё худшее позади, осталось только ещё грыжу удалить.

Как моя мать говорит в таких случаях: не горюха родила.

П. А. рассказывал нам, как настраивал себя перед операцией, опасаясь рака: я умереть не могу — не имею права — ведь у меня на руках Кирилловна (жена-инвалид, передвигается на костылях и то с трудом), как она будет?

С. П. Шевченко заметил, когда мы шли домой: ты имей в виду, что жизнь — это не то, что когда-то будет, а то, что сейчас; завтра может быть только хуже (в том смысле, что уходят годы, притупляются чувства, проходит жизнь).

14 апреля

Публикуем программную речь Н. А. Назарбаева на совещании с главами областных и районных администраций.

Я выписал несколько высказываний.

“Перед нами стоит беспрецедентная в историческом ракурсе задача — строительство первого на казахстанской земле независимого государства.

... Мы пережили кадровую революцию. Ещё предстоит много сделать, поскольку среди аппаратчиков есть и бывшие партocrats, продолжающие открыто злобствовать по поводу трудностей на пути радикальных преобразований. Некоторые из них противодействуют реформам скрыто, саботируя ход перемен “аппаратными ходами”. Другие, кому собственный карман всегда был дороже убеждений, снова ищут “доходное место” в различных коммерческих структурах.

В своё время мы всем дали шанс пересмотреть свои убеждения и терпеливо ждали психологической перестройки кадров. Нынче отпущенное время истекло, и лично для меня не составляет секрета “кто есть кто” в высшем эшелоне власти областей и республики...

... Буквально на днях, когда Минюст республики отказал в регистрации коммунистической партии, я получил десятки гневных писем так называемых “правопреемников” и защитников погибшего коммунистического режима, сторонников пресловутого “социализма с человеческим лицом”.

Наивность последнего определения прямо-таки поражает. Я ещё готов с некоторой натяжкой признать существование капитализма с человеческим лицом... А вот благообразный облик социализма до сих пор не видел никто...

... Каждый из вас должен отчётливо представлять себе пути подъёма экономики своего региона, иметь программу ближайших и перспективных действий по основным направлениям”.

Ещё президент говорил о том, что приватизация — не разовая кампания, а наш стратегический курс, следуя которому мы можем вывести экономику из нынешнего тупикового состояния. Он также критиковал руководителей крупных предприятий, вообразивших себя их собственниками и присвоивших себе право распоряжаться всем производимым по собственному усмотрению.

Что правда — то правда: у нас этим грешат экибастузские “угольные генералы”, и не только они.

Примерно в эти же дни я встречался с главой Железинской районной администрации Геннадием Гавриловичем Сокурено. Нынешнее состояние села он оценивает как прединфарктное: крестьянство, по его мнению, вновь становится самым незащищённым классом; у людей здесь самая низкая зарплата (и её зачастую они не могут получить по несколько месяцев); село обирается самым бессовестным образом и при этом ещё умудряется кормить страну. Г. Г. считает, что, если не переломить ситуацию на селе, то не удастся ничего сделать и в других сферах экономики.

Что же предпринимают сегодня в моём родном районе? Уже определили размер средней земельной доли на каждого взрослого жителя — это 43 гектара, в том числе 11 гектаров пашни. Сейчас определяется полагающийся каждому работнику совхоза его имущественный пай — доля основных и оборотных средств с учётом его трудового вклада. Хочешь хозяйствовать сам — выходи из совхоза, забирай свою имущественную долю и обихаживай свою землю, к которой можешь “прирезать” ещё и арендованной земли. Но пока что, говорил мне Г. Г. Сокурено, желающих работать в одиночку не находится. Не только потому что люди к этому не приучены, но и потому, что вся инфраструктура рассчитана на совхозно-колхозное производство.

Симпатии самого Сокуренько — на стороне акционирования, которое позволяет сохранить производственно-технический потенциал хозяйств, а людей сделать собственниками. Но пока село не станет равноправным участником рыночных отношений (то есть, пока не сможет продавать свою продукцию по договорным ценам), никакое реформирование ему не поможет.

Традиционный большой сельскохозяйственный “хурал” — областное собрание земледельцев. Как пахать, как сеять... Как будто хороший агроном не знает, что ему весной делать. Я высидел до первого перерыва, послушав с интересом одно-единственное выступление — главного агронома колхоза “Победа” Н. Г. Стрельбы. Какой он всё-таки умница!

Глава одного из районов требовал вернуть на страницы “ЗП” “Доску почёта”, где публиковать фамилии лучших животноводов и земледельцев. А то на выдержки из книги рекордов Гиннеса место находим, а на чествование передовиков — нет...

Вышел я на улицу, увидел огромное стадо “легковушек” (из каждого хозяйства приехали делегации!) и подумал: бензина потрачено всеми на эту поездку столько, что, наверное, хватило бы на посевную небольшому району. Польза же от подобных сборов — минимальная: хорошим агрономам они не нужны, а плохим — не помогут.

Новость из числа ожидаемых: Е. Т. Гайдар объявил об отставке своего правительства. Повод: съезд народных депутатов блокирует проводимые реформы. Как-то всё это театрально (“невсамделишно”, как мы говорили в детстве) выглядело: нечто среднее между театром и цирком. Какой здравомыслящий человек может одобрить или поддержать то, что делают правители России?

Председатель Верховного Совета России Р. И. Хасбулатов заявил, что было бы хорошо “Известия” снова сделать газетой Советов. “Известия”, чьим учредителем стал журналистский коллектив, намереваются подать на него за это в суд. Редактор газеты И. Голембиовский назвал хасбулатовские намерения необольшевизмом.

Съезд же народных депутатов России намерен обсудить вопрос о прессе, манипулирующей, по его мнению, сегодня общественным мнением. Председатель Конфедерации журналистских Союзов Э. Сагалаев заявил в ответ: нигде в мире быть не может подобного обсуждения.

Нескучно живут братья-россияне, что и говорить...

Опубликована в “Юности” повесть Эльдара Рязанова “Предостережение”. Вот ведь многостаночник! По сути, это не литература, но занимательно... Как сюжет закручен и чего он только туда ни напихал... Будут читать, а это главное. Ещё и кино снимет — это ведь готовый сценарий.

Вчера купил мешок сахара — за 3800 рублей (почти по 80 рублей килограмм). Потратил все заначки... Интересно — на сколько хватит?

Продолжение следует.

Куаныш АЛПЫСБЕКОВ

Семь писем внуку Елнуру

Постучалось слово в моё сердце

(Вместо предисловия)

На милой земле Куаныша Махмутовича я живу с периода военного лихолетья, то есть с сороковых годов прошлого века. Нашу еврейскую семью приютили казахи на границе Павлодарщины и Алтая. Местность чем-то напоминала запожские просторы, где мы раньше жили. Но здешние степные дали выглядели более величественно. Именно это поистине космическое раздолье, эта щедрая земная ширь стали осью казахского характера. Нас, эвакуированных, согрели, накормили, научили не просто глазами, а душой измерять степную жизнь, со всеми её перипетиями, радостями и тревогами. Так благословенная земля Куаныша Алпысбекова стала второй родиной для многих евреев и местом спасения от гитлеровского геноцида.

В кралицу-степь нельзя было бесконечно не влюбляться. Она нежна, ласкова, чиста как утренние рассветы. Перечитывая в рукописи моего большого друга всё пережитое им, я как бы вновь и вновь растворялся в рассветах и закатах великой степи, осмысливал вопрос, рождённый пушкинским гением: “Что наша жизнь?”.

С печатных конвейеров многих типографий большими и малыми тиражами сходят мемуары самых различных авторов. В наши дни мемуары стали достаточно расхожим жанром. Выражаясь по-теперешнему, своего рода “попсой”. К сожалению, многие воспоминания оставляют желать лучшего, грешат однобокостью, а порой и своеобразной близорукостью. В некоторых книгах напрочь осуждается прошлое. При этом авторы пытаются возвеличить свою роль в тех или иных событиях, хотя в жизни довольно часто исполняли роль простых статистов. И не более того. Однако ныне, оказавшись за бортом своих “плавательных средств”, они дают волю шокирующим оценкам и “жареным” фактам.

Написанное Куанышем Махмутовичем далеко от всего этого как по форме, так и по содержанию. В качестве жанра изложения жизнеописания избраны письма самому маленькому внуку, а, стало быть, и любимцу — Елнурчику. В рамках семи писем счастливый дедушка поставил своей целью вложить в сердце малыша самое святое и вечное — любовь к родным местам, передать красоту и величие человеческой души, отображая посредством поступков конкретных людей такие нравственные понятия, как доброта, уважительность, сила дружбы, чистота помыслов. Сам автор книги — известный государственный и политический деятель, занимавший весьма высокие посты, а также уважаемый человек в обществе. Совместная работа и человеческие взаимоотношения связывали его с крупными политиками мира, корифеями науки и культуры, словом, со всеми теми, которых мы называем классиками жизни. Став кремлёвским политическим куратором многих знаковых российских регионов, он получил возможность ещё раз убедиться в том, что жизнь должна быть выстроена на основе честности, совестливости и необходимости людям. Он показывает в письмах, что человек — ось жизни. Поэтому с особыми переживаниями автор говорит о величайшей трагедии эпохи — святотатстве разрушения великой державы. Дыхание захватывает, когда перечитываешь строки, где идёт речь о тех событиях. Ощущаешь горечь,

боль, пустынность, которые принёс народу известный кремлёвский авантюрист. Читай, малыш, эти письма и пусть тебя бережёт судьба от многих бед, которые легли на поколение твоего дедушки. В словах писем, обращённых к Елнурчику, — радость и грусть автора. Они стучатся в сердце каждого из нас, всех тех, кто с оптимизмом смотрит в будущее и верит в великое завтра нашей страны.

Комсомольская гвардия бывшего СССР недавно отмечала своё 90-летие. Не где-нибудь, а в самом Кремлёвском дворце съездов собрались те, кто шёл в своё время в первых эшелонах эпохи. Аналогичные мероприятия рангом поменьше прошли почти во всех республиках Содружества. В Астане мне посчастливилось стать участником праздника молодости, также посвящённого этой дате. В одном из просторных ресторанов собрался весь цвет казахстанской комсомолии. Было много улыбок, объятий, весёлого шума. Прямо в зале состоялся символический пленум обкома. Докладчиком был Куаныш Алпысбеков. Сколько азарта, энергии, человеческого оптимизма прозвучало в этом коротком, но ёмком докладе бывшего первого секретаря Целиноградского обкома комсомола. Комсомольский опыт — это мудрость многих поколений. И правильно говорят люди, что новое — это хорошо понятое и усвоенное старое. Романтизм твоего дедушки, Елнурчик, — жизнь для других. По выражению Александра Блока: “Романтизм — это жадное стремление жить с удесyтерённой силой”.

Вот так и живёт мой дорогой Куаныш Махматович, не зная тишины и покоя.

Милый Елнурчик, ты счастлив, что у тебя такой прекрасный дедушка, любящий тебя и всех нас, степняков. Твой ата и моя гордость. Более честного и справедливого человека я не встречал.

Поэтому эта книга может и должна стать духовным заветом чистоты и величия. Спасибо автору за этот жизнеутверждающий оптимизм.

Моисей ГОЛЬДБЕРГ,
*заслуженный работник культуры Казахской ССР,
ветеран журналистики Республики Казахстан.*

Письмо первое

Дорогой мой Елнур!

Я обращаюсь в своих воспоминаниях именно к тебе, потому что ты являешься самым долгожданным и самым младшим моим немере (внуком), потому твоё место в нашей семье особое. Когда ты родился, то перед нами резонно встал вопрос, чтобы дать тебе достойное имя. При этом оно должно было соответствовать нашей всеобщей радости и в то же время не было бы тебе помехой, когда станешь взрослым. Поскольку Маржан, Ажар и Гаухар получили имена от твоей апашки (бабушки) — Тыныштык, а Фатима — от её бабушки Венеры, мамы коке (дяди) Рашида, то почётное право дать тебе имя предоставили мне. Тем более что у меня до этого был удачный опыт: я назвал твоего брата Магжаном, тогда всем без исключения это имя понравилось. Когда же я предложил назвать тебя Елнуром, все: твои родители — Талгат и Баян, твоя апашка — Тыныштык, тётя Жанар и дядя Рашид, и все другие — дружно поддержали моё предложение. Почему я так тебя назвал? Потому, что это не только красиво, но и многое означает. Первая часть имени **“ел”** имеет глубокий смысл. Она может относиться к твоему роду, аулу, в целом к нашей Родине — Казахстану. Если ты находишься за границей, то “ел” — это Казахстан, а если в своей стране, то “ел” — это родной аул Кажимуқан, откуда вышли твои предки, а также Акмолинская область и город Астана (Акмола) — нынешняя столица Казахстана. А **“нур”** — это свет, твоя нежная забота о своих сёстрах и брате Магжане, о родителях и других родственниках, обо всех нас. Эти две части

имени, соединённые в одно целое, обязывают тебя ко многому. Я не только надеюсь, но и твёрдо уверен, что ты оправдаешь наши высокие ожидания. Когда тебе только исполнилось пять лет, ты заявил: “Меня любят все, и я люблю всех”. В этот момент я ещё раз понял: Аллах наградил меня не только любимым внуком, но и продолжателем добрых традиций нашего рода, фамилии Алпысбековых и моих дел.

Но чтобы это было так, тебе придётся пройти сквозь множество испытаний, а главное — много работать над собой. В результате необходимо получить достойное образование, выбрать хорошую профессию и быть готовым преодолевать все трудности, которые возникнут на жизненном пути.

Люди живут на этом свете столько, сколько им отмерено судьбой. Поэтому, независимо от того, какой срок даст Всевышний быть рядом с тобой, я надеюсь, что это моё повествование будет тебе тоже неплохим спутником в жизни. И не только тебе. Хотя я и обращаюсь персонально к тебе, но свои письма посвящаю всем немере (внукам), т. е. Гаухар, Ажар, Магжану, Маржан и Фатиме. Поэтому, хотя в дальнейшем я буду обращаться к тебе, Елнур, но это будет иметь прямое отношение ко всем вам — мои любимые.

Вам придётся жить и творить в новом XXI веке, я же основную часть своей жизни прожил в прошлом столетии. Поэтому попытаюсь объективно и непредвзято рассказать о своей жизни, о наших родственниках, друзьях, с которыми делил радости и сложные испытания, о городах, в которых жил, передать атмосферу, присущую тому времени.

Вам тоже придётся испытать в своей жизни всё, что вам уготовила госпожа Судьба. Это только на первый взгляд кажется, что в век высоких технологий, всеобщей компьютеризации, автоматизации, других научных и технических достижений будет легче переносить все тяготы и испытания. На самом деле, каждая эпоха имеет свои трудности и коллизии. Всегда новым поколениям кажется, что они умнее своих предков. Но всё равно в центре всей истории был, есть и всегда будет находиться человек, со всеми своими достоинствами и недостатками. Хорошие и плохие люди соседствовали во все времена, однако добро должно всегда побеждать зло. Если в твоих руках есть возможность помочь кому-то, обязательно сделай это, не ожидая от него благодарности. Правильно говорят: “От добра добра не ищут”. Добро обязательно вернётся, если не к тебе, то к твоим близким. Этот принцип всегда был и остаётся моим жизненным кредо.

Наверное, поэтому в жизни мне встречались, в большинстве своём, добрые и хорошие люди. Хотелось бы, мои любимые внуки, в этом своеобразном послании из прошлого тысячелетия поведать, как можно максимально, о многих из них. Их было настолько много, что невозможно обо всех рассказать, но я назову тех, с кем мы наиболее тесно общались, кто был рядом, с кем я делил радости и трудности, кто оставил след в моей жизни.

Я думаю, что это будет вам интересно и полезно. Здесь будут изложены не только факты из моей жизни, но и отражены размышления человека, пережившего сложнейшие исторические события.

В непростые времена жило моё поколение. Ему пришлось испытать и перенести на себе тяготы послевоенной разрухи и суровые времена освоения Целины. Это же поколение прочувствовало оттепель шестидесятых, так называемые застойные семидесятые, перестроечные восьмидесятые —

канун развала Советского Союза. Кроме того, мы принимали непосредственное участие в строительстве нового суверенного Казахстана. Всего этого с лихвой хватило бы на жизнь нескольких поколений, а выпало — на нашу долю. Как говорят: “Жизнь прожить — не поле перейти”. И действительно, в ней всё уместается — как радости побед и свершений, так и горечь бед и лишений.

Родился я в конце 1944 года, когда наступил коренной перелом во второй мировой войне в пользу Советского Союза и его союзников (США, Англия, Франция и др.), поэтому мне дали имя Куаныш (радость). Многим детям, родившимся в том и следующем году (1945), давали такие имена: Куаныш, Женис (Победа), Тыныштык (Тишина), Бейбит (Мир). Так уж устроены мы, казахи: именами своих детей отмечать вехи истории. К примеру, до войны были в ходу имена — Депутат, Социал, Октябрь, Стахан и т. д. Конечно, сейчас они звучат немного забавно, может быть и наивно, но таковы традиции народа.

Детство моё, можно сказать, было короткое, оно длилось до 10 лет, пока не окончил четыре класса начальной школы маленького аула, расположенного недалеко от областного центра.

Это аул Будённое — родина твоей прабабушки и моей матери — Хафизы, туда переехали родители через несколько месяцев после моего рождения из села Новоишимка Акмолинской области. Туда назначили председателем колхоза твоего прадеда Махмута Алпысбекова. Чем прославился этот аул? Здесь родился легендарный батыр казахского народа Кажимукан, который в начале двадцатого века был многократным чемпионом мира по греко-римской борьбе. Поэтому благодарные ему потомки переименовали родное село в аул Кажимукан. Ради исторической справедливости необходимо отметить, что Семён Михайлович Будённый — герой гражданской войны, один из основателей Красной Армии, действительно заслуженный человек, однако он ни разу не бывал в этом ауле, даже и не подозревал о его существовании. Ещё наш аул известен тем, что председатель колхоза Абсамет Казакбаев впоследствии стал председателем Президиума Верховного Совета Казахстана.

После получения начального образования (четыре класса) начались “мои университеты”, по образному выражению Максима Горького, великого пролетарского писателя России. Проживал я у родственников мамы в г. Акмолинске (он же Астана — столица Казахстана), окончил среднюю школу в 1962 году и поступил на учёбу в Новосибирский институт инженеров железнодорожного транспорта.

Здесь мне хотелось бы более подробно остановиться на рассказе о своей альма-матер. Итак, мы с моим одноклассником Тлектесом Ахметовым — в Новосибирске и вместе “грызём гранит науки”. Как раз в это время численность горожан здесь перевалила за миллион жителей, и он по праву считался не только одним из пяти самых крупных городов, но также

Махмут и Хафиза Алпысбековы.

и известным научным центром Советского Союза. Сибирское отделение Академии наук с его уникальными научными институтами, возглавляемыми академиками Капицей, Соболевым, Лаврентьевым, размещалось в Академгородке на берегах Обского водохранилища (местные жители называли его Обским морем).

Новосибирск был одним из крупных промышленных и культурных центров Советского Союза. Не зря его называют столицей Сибири. В этом городе расположились ведущие высшие учебные заведения страны. Это государственный университет, консерватория, институты водного транспорта, электротехнический, связи, сельскохозяйственный, медицинский, кооперативный, педагогический и другие.

Наш институт занимал особое место в городе и имел высокий имидж. В год моего поступления он отмечал своё тридцатилетие. НИИЖТ — так сокращённо назывался институт, занимал целый квартал на улице Дуси Ковальчук, недалеко от Красного проспекта — центральной магистрали города.

Многоколонное здание главного учебного корпуса является одним из значимых архитектурных достопримечательностей этого города, наравне со знаменитым театром оперы и балета, а также комплексом железнодорожного вокзала. Особую красоту Новосибирску придаёт величественная сибирская река Обь, протекающая посередине города.

Учебное заведение до 1956 года являлось военным институтом. Ко времени нашей учёбы многие атрибуты военного института в нём сохранились. Это и отношение к учёбе, высокая дисциплина, идеальный порядок в общежитии, военная кафедра. В особом почёте здесь был спорт. Спортсменов института хорошо знали не только в городе, но и во всей стране. Именно в это время его студентами и аспирантами были многократные чемпионы Советского Союза, мира и Олимпийских игр: по биатлону Виктор Маматов, Виктор Тихонов, конькобежец Виктор Лепёшкин, хоккейный арбитр международного класса Юрий Карандин и многие другие.

В институте преподавали видные учёные, специалисты мирового уровня — лауреат Ленинской премии профессор Бешкетов, профессора Лютц, Савёлов, Курындин, Карпов и другие.

Студентам давались глубокие и устойчивые знания, железнодорожная отрасль получала грамотных и подготовленных специалистов.

Но, как говорится, «не хлебом единым жив человек». Так как город был культурным центром Сибири, в то время среди студентов распространялись абонементы в театр оперы и балета, драматический театр «Красный факел», театр оперетты и другие. Также в институте был широко развит туризм. Туристические походы, песни у костра, экскурсии в живописнейшие места сибирской тайги сопровождали всю нашу студенческую молодость.

Многие выпускники нашего института впоследствии стали руководителями железных дорог, видными государственными и общественными деятелями.

Приведу примеры только по Казахстану по своим однокашникам. Так, Амангельды Омаров стал начальником Алматинской железной дороги. Амангельды Касымов, с которым я пять лет делил хлеб и соль в одной комнате, являлся начальником Целинной железной дороги. На разных высоких должностях до сих пор трудятся Адилгазы Нарымбетов,

Олжабай Асылбаев. Достойными руководителями своих подразделений были рано ушедшие из жизни выпускники НИИЖТа — Амангельды Алимжанов и Калихан Олжабаев.

Новосибирск и институт инженеров железнодорожного транспорта заложили крепкую профессиональную основу, дали хороший старт для всей моей последующей жизни. Я горд тем, что после окончания казахской школы связал свою судьбу с одним из самых ведущих вузов страны, выпускниками которого являются многие лауреаты Ленинской и Государственной премий, академики, а также руководители стальных магистралей от Калининграда до Дальнего Востока.

После окончания института я получил назначение на станцию Есиль, которая, образно говоря, считалась воротами в Целиноградскую (Акмолинскую) область. Здесь за короткое время я проработал в разных должностях и в возрасте 24 лет был направлен начальником станции Ерейментау. Работа была ответственной, трудной, но и высокое доверие, оказанное мне, молодому человеку, стимулировало, чтобы я работал без устали, без выходных, можно сказать —

**Начало трудовой биографии.
С железнодорожниками ст. Есиль (1968 г.)**

круглосуточно. Представь себе, Елнур, двухтысячный коллектив железнодорожного узла — с одной стороны, и твой дедушка — руководитель такого крупного предприятия. И сегодня, оглядываясь назад, можно утверждать, что многое в моей судьбе не было бы возможным, если бы я не связал её с профессией железнодорожника. Горжусь, что окончил один из ведущих транспортных институтов Советского Союза, на заре своей трудовой биографии работал в дружных железнодорожных коллективах Есиля и Ерейментау. Здесь я научился по-настоящему ценить труд, заложил основу своего характера — быть собранным и дисциплинированным. Эти качества всегда были и останутся спутниками моей жизни, помогая преодолевать трудности и достигать намеченных целей.

Считаю своим долгом в этой связи по-доброму вспомнить о начальнике Целиноградского отделения Казахской железной дороги Рипхатулле Мухамадиеве. Строгий, немногословный, требовательный руководитель — он дал путёвку в большую жизнь многим молодым выпускникам железнодорожных институтов. Чтобы дать ему должную оценку, достаточно перечислить его учеников: Нигматжан Исингарин — выпускник Свердловского (Екатеринбургского) института, выросший до заместителя министра путей сообщения СССР, а затем до первого заместителя премьер-министра Казахстана, Амангельды Касымов — о котором я выше уже говорил, Жамантай Тайгашинов — являлся крупным партийным работником республики, а затем заместителем министра транспорта. А также многих-многих

других, даже перечисление которых займёт очень много места. Под статью были и его ближайшие помощники — Темиргали Жакишев, Газиз Гайнутдинов, Василий Сапожников.

Дорогой мой внук!

Как ты мог заметить, на старте трудовой деятельности я набрал высокую карьерную скорость. Работал всегда с огромной радостью, а будучи максималистом, полагал, что жизнь по-настоящему бурлит только на железной дороге, и вне её себя не представлял...

Однако судьба внесла в мою жизнь серьёзный корректив. Неожиданно меня пригласил к себе первый секретарь Ерейментауского райкома партии Зикен Рамазанов и предложил возглавить районную комсомольскую организацию. Я не мог категорически отказаться от этого предложения, хотя пытался приводить какие-то доводы, что, мол, я нашёл себя в выборе профессии и на железной дороге могу принести больше пользы для общества и т. д.

Тогда было так. Когда решение принимается партийным органом, то для коммуниста оставалось только выполнять его. К тому же наш “первый” был очень авторитетным и уважаемым человеком, поэтому его доводы, что именно я должен стать вожаком районной комсомольской организации — были достаточно убедительными.

Таким образом, судьба мне подарила ещё одного наставника — Зикена Рамазановича. Он являлся великолепным оратором: одинаково хорошо говорил как на казахском, так и на русском языках. Кавалер многих высших орденов СССР. До Ерейментау работал председателем Есильского райисполкома, в крупнейшем зерносеющем районе. Здесь был такой случай. В 1964 году созрел хороший урожай зерновых, по этой причине Н. С. Хрущёв высадил в районе целый десант из иностранных журналистов. Требовалось показать им в действительности, что такое казахстанская Целина. Иван Афанасьевич Шендрик — первый секретарь райкома партии, участник Великой Отечественной войны и Зикен Рамазанович достойно приняли иностранных гостей. Никита Сергеевич, довольный результатами встречи, пообещал им обоим после завершения уборки урожая присвоить звание Героя Социалистического Труда. Но, к сожалению, в октябре того же года Никиту Сергеевича освободили от всех должностей, поэтому он не смог выполнить своё обещание.

Так что моя жизнь круто изменилась. Вскоре меня пригласили возглавить уже Целиноградскую областную комсомольскую организацию. А получилось это так. В сентябре 1972 года меня пригласил к себе Зикен Рамазанович и сказал:

— Езжай в Целиноград, тебя приглашает первый секретарь обкома Компартии Казахстана Николай Ефимович Кручина.

Это было неожиданно. Видя, что я растерялся, Зикен-ага добавил:

— Забирают тебя от меня. Если предложат рядовым секретарём обкома комсомола, не соглашайся, я тебе подготовил место заведующего отделом райкома партии.

Так завершился ерейментауский этап моей жизни. Кстати, здесь родился твой папа — Талгат. Так что когда ты вырастешь, мы обязательно поедем вместе на родину твоего отца. И ты убедишься, что это великолепный край. Природа щедро одарила эту землю. Чистейшая вода родников, прекрасные ерейментауские горы, пьянящий здоровый воздух. Здесь живут

замечательные люди — потомки сподвижника Аблай-хана, одного из видных героев, отстаивавших свободу и независимость казахов от джунгарских захватчиков, батыра Канжыгалы Богенбая, сохранившие лучшие традиции нашего народа: щедрость души, широту мышления и знаменитое степное гостеприимство.

Здесь оставались наши друзья, соседи, сослуживцы...

Николай Ефимович вышел из-за стола, сделал шаг навстречу и повёл разговор без какой-либо официальности. Поинтересовался моим настроением, расспросил о семье, о моём ауле и говорит:

— Куаныш, мы думаем тебя рекомендовать для избрания первым секретарём обкома комсомола. Именно такой, как ты, человек нужен нашей молодёжи.

Подобного поворота судьбы я не ожидал.

Почему я? Справлюсь ли? Я был ошарашен.

Видя это, Николай Ефимович успокоил:

— Не переживай, берись за работу смелее. Считай это началом твоего большого пути. Обязательно поможем.

Уже потом я узнал, что давно был в его поле зрения, и он уверенно рекомендовал мою кандидатуру, хотя Москва выразила свои сомнения. А как же, Целина — это особый приоритет комсомола. Только теперь я понял причину приезда в наш район, незадолго до этого, секретаря ЦК ВЛКСМ Василия Ярошовца. Когда мы объезжали район, сопровождавший его Закаш Камалиденов — первый секретарь ЦК комсомола Казахстана, мне на ухо шепнул:

— На смотрины приехал гость из Москвы.

Тогда я особого значения этому не придавал. До целины Кручина работал первым секретарём Каменского обкома комсомола, заведующим отделом ЦК ВЛКСМ, инструктором ЦК КПСС. По личной просьбе был направлен в Казахстан, здесь его избрали первым секретарём Целиноградского обкома партии.

За многие годы общения и совместной работы (я был в то время в составе бюро обкома партии) довелось почувствовать его неиссякаемую энергию, убедиться в его способности неординарно подходить к решению проблем, в чутком и отзывчивом отношении к людям. Позиции Кручины в области и в республике были достаточно прочными. Умный и искушённый политик действовал грамотно, последовательно. В те годы наблюдался рост показателей экономики области, которая, становясь известной, уверенно выдвигалась на видное в стране место.

Он как губка впитывал весь прежний опыт казахстанских хлеборобов и в то же время всей душой поддерживал новаторские идеи учёных Всесоюзного научно-исследовательского института зернового хозяйства во главе с академиком Александром Ивановичем Бараевым. При его активной поддержке в практику земледелия была внедрена почвозащитная система, разрабатывались новейшие почвообрабатывающие орудия. Для реализации этих планов в Целинограде был построен крупнейший завод «Казахсельмаш».

По инициативе руководителя области были построены канал Нура — Ишим, Вячеславское и Селетинское водохранилища. Настойчиво, через Госплан страны, Николай Ефимович добился строительства второй ТЭЦ (теплоэнергоцентральной) в Целинограде.

Строительство таких объектов, как Дом Советов — до недавнего времени здесь располагалось правительство Республики Казахстан, сейчас городской акимат, Дворца целинников — ныне Конгресс-холл, Дворца молодёжи, школ, больниц, детских садов, Кручина держал под неустанным контролем. Все эти объекты сейчас служат столице Казахстана.

Энергия этого человека казалось неиссякаемой. Хорошо помнят наши земляки, как он настойчиво и принципиально отстаивал интересы области в партийных и государственных органах, как в хлебную страду день и ночь был на полях и нередко ночевал на полевых станах. Целина и люди, земля и хлеб — эти понятия были главным смыслом его жизни.

Для меня и многих моих сверстников Николай Ефимович был подлинным авторитетом и наставником, который воспитывал нас личным примером. Он многое сделал, чтобы люди на целине жили в дружбе и взаимопонимании. Ведь сюда приехали осваивать целину люди со всех республик большого Союза, разных национальностей, культур и мировоззрений.

Одновременно он чтит вековые традиции казахов, у него было немало личных друзей в самых далёких аулах, помнил по имени-отчеству многих аксакалов, людей, знающих степь вдоль и поперёк, любил за пиялой кумыса послушать домбру, трогающие душу песни акынов. Не могу не вспомнить один эпизод из нашей жизни. Как-то в Целинограде отмечали завершение хлебоуборки. Большой урожай был в том году. Собрались руководители области, всех городов и районов, директора совхозов.

Николай Ефимович, обращаясь к собравшимся, сказал:

— В этом зале собрались первые секретари райкомов, председатели райисполкомов, но ведь первых секретарей обкомов — только двое. Я и Куаныш. Достоинство на хлебной ниве проявил себя наш комсомол, вот ему и следующее слово!

Кручина умел ценить и поднимать людей. В его бытность стали известными на всю большую страну, Героями Социалистического Труда Михаил Довжик, Нургабыл Малгаждаров, Амангельды Кусаинов, Каиржан Ескендиров, Леонид Картаузов, Сагиля Есенжолова, Владимир Дитюк, Даулен Толеубаев, Василий Акуленко, Станислав Гаврилюк и многие другие.

Особой заботой его была подготовка и выдвижение кадров. Кстати, необходимо отметить, что в то время не только в областях, но и в целом по стране действовала чётко отлаженная система по работе с кадрами, оправдавшая себя и имеющая много положительных моментов. На мой взгляд, многое из этой практики можно было бы применять и сегодня на государственной службе.

В бытность Кручины в целинном Приишимье была подготовлена целая плеяда кадров, многие из которых возглавили не только районы и города, но и области Казахстана, а также центральные республиканские органы.

Наши земляки старшего поколения прекрасно знают их имена, и я с удовольствием перечислю их. Это Оразбек Куанышев, Адилхан Шабатов, Кайрбен Карбаев, Борис Бономанко, Пётр Ерпилов, Зикен Рамазанов, Рысбек Мырзашев, Кимаш Сыздыков, Касым Таукенов, Фарид Валиев, Султан Сейтеметов, Станислав Хабибуллин, Фаина Шкурко, Валентина Бородина, Зейнолла Шайдаров, Владимир Жижин, Николай Князев,

Евгений Золотарёв, Пётр Головач, Амангельды Уразалин, Василий Потепенко, Дмитрий Бибилов, Вилнис Рамут, Зейнеп Керемкулова, Зауре Кадырова, Андрей Браун, Геннадий Коротенко, Тулеген Ошаганов, Раиса Коваль, Ольга Милешихина и многие-многие другие.

Вспоминая, как говорят, поимённо, нельзя не назвать соратников Кручины. Это Рахымжан Омарович Шаяхметов, Аманжол Каликович Каликов, Фарида Садыковна Халитова, Иван Афанасьевич Шендрик, Аблайхан Касымович Джолмухамедов, Иван Иванович Тимошенко, Магавья Сеиловна Исмагамбетова, Георгий Павлович Калачёв, Григорий Васильевич Назаров и ряд других.

Неоднократно Кручина отказывался от высоких кремлёвских кабинетов. Но Генеральный секретарь ЦК КПСС (Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза) Леонид Ильич Брежнев давно присматривался к нему:

— Покажите мне этого чудака, который не нуждается в столичном комфорте и так сильно прирос к провинции!

Предложение было крайне категоричным, и Николай Ефимович с тяжёлым сердцем уехал из ставшей ему родной республики. Несомненно, он горячо приветствовал бы рождение независимого Казахстана, государства, в котором душа в душу продолжают жить люди различных национальностей, страны, развитию экономики и культуры которой он отдал так много сил.

Трудно свыкнуться, что он ушёл из жизни так рано, в самом расцвете сил. На последней с ним встрече, а это было 12 мая 1991 года в его кабинете — управляющего делами ЦК партии на Старой площади (я уезжал из Москвы, получив назначение на новую должность в Казахстан), мы долго говорили об обстановке в стране и партии. До сих пор в памяти остаётся его усталое и озабоченное лицо. При прощании мы обнялись и, грустно улыбнувшись, он сказал:

— Несмотря ни на что, Куаныш, оставайся таким, каким я тебя знаю. Низкий поклон Казахстану и передай привет нашим землякам.

Теперь я понимаю: это было его напутствием мне и одновременно прощанием.

В 1978 году меня направили на учёбу в Академию общественных наук при ЦК КПСС, в январе 1980 года — за полгода до окончания учёбы — меня порекомендовали первым секретарём Советского райкома партии г. Целинограда. Тем не менее я успешно защитился и получил диплом с отличием. В январе со всем семейством мы переехали, хотя супруга и дети не прочь были бы пожить в Москве до окончания учебного года.

В сопровождении Николая Ефимовича Морозова — первого секретаря обкома партии, Василия Петровича Осипенко — первого секретаря Целиноградского горкома партии и заворготделом обкома Владимира Ильича Жижина меня представили активу района. Попробуй, как говорится, пикнуть. Под дружное “одобрямс” меня избрали...

Хотя никто и не думал задавать вопросы, позднее выяснилось, что сомнения были у многих — как же так, привезли совсем молодого человека, пусть и с двумя высшими образованиями, без опыта партийной и советской работы. Советский район — половина города, здесь были сосредоточены крупные промышленные предприятия, железнодорожный узел, аэропорт, высшие учебные заведения и другие учреждения. Но мне повезло:

во-первых, до меня здесь работали опытные, знающие дело люди — Наушан Тулекович Касенгалиев, Бутинбай Кенжебекович Кожакметов, они заложили хорошие традиции в районе и оставили хорошее наследие. Вторых, что очень важно, в руководстве района были честные, компетентные, прошедшие необходимую жизненную школу люди: Николай Карпович Пуха — председатель райисполкома, Георгий Павлович Мицута — второй секретарь райкома, Зоя Семёновна Филимонова — секретарь райкома по идеологии, Юрий Семькин, Роза Асылбекова, Геннадий Мурысёв, Николай Ламонов, Куаныш Сыздыков и многие другие. С ними я быстро нашёл общий язык, они ввели меня в курс дела, поэтому без особой раскачки приступил к работе. Действовали дружно, душа в душу, вне работы общались семьями, все праздники отмечали вместе. Затем в район пришли Зейнолла Аймишев, Николай Ивашевский, Раймунд Лайкам — они тоже быстро адаптировались и влились в наши ряды. Работали на подъёме. Район был на слуху. Опыт работы Советского райкома партии был тогда одобрен ЦК Компартии Казахстана, а главная республиканская газета “Казахстанская правда” посвятила нашему району целый разворот.

Здесь произошло неожиданное событие: Касенгалиева — председателя горисполкома, перевели начальником областного лесоправления, и Морозов предложил мне занять освободившуюся должность. Это отнюдь меня не обрадовало, и я стал уговаривать его, чтобы меня оставили на прежнем месте. Но когда я уже стал более настойчиво отказываться, Морозов — обычно уравновешенный человек, вдруг вспылал и сказал:

— Что мы с тобой в детские игры играем, я с Димаш Ахмедовичем согласовал твою кандидатуру, нечего тут “ваньку” валять, иди работать, пока доверяют!

Так я оказался в новой должности. Первым секретарём горкома партии был, как я уже говорил, Василий Осипенко. Мы друг друга знали ещё по комсомольской работе. Город ежегодно выходил победителем Всесоюзного социалистического соревнования и удостоивался переходящего Красного знамени.

В этих успехах сказывались непосредственная роль и большие усилия горисполкома, возглавляемого мной.

И ещё. По итогам 1984 года город Целиноград удостоился переходящего Красного знамени Совета Министров Казахстана за первое место среди городов республики за чистоту и санитарный порядок. Короче, никаких признаков того, что я должен уходить с этой должности. Но всё в нашей жизни происходит внезапно и не всё поддаётся простой человеческой логике.

Итак, внешне всё вроде было благополучно, но меня несколько настораживало, что Осипенко иногда похваливал:

— Вы же блестящий идеолог.

Здесь немного надо расшифровать. Работа в горисполкоме была трудна и очень ответственна. Трудна потому, что всего не хватало: финансов, лимитов на стройматериалы, самих стройматериалов. Однако самой большой трудностью были дефицит жилья и существовавший в то время порядок его распределения. Дело в том, что в очередь горисполкома на получение квартир были включены многие тысячи горожан, большинство из которых являлись льготниками. Хотя жилищное строительство велось хорошими темпами, очередь продвигалась медленно. В этой связи люди

для получения квартиры шли на любые ухищрения, вплоть до дачи взяток чиновникам. Чтобы обезопасить себя от каких-то “сюрпризов” в этом деле за предыдущие недостатки в работе, пришлось обновить состав жилищного отдела. Кураторство и контроль за этим участком деятельности я возложил на своего первого заместителя Георгия Мицута, в честности которого был уверен, и поэтому пригласил со своего Советского района.

И мы с ним договорились: по распределению квартир будем работать, максимально следуя жилищному законодательству. В ту пору по стране и республике было много случаев, когда из-за нарушений в этой сфере освобождали от должностей председателей горисполкомов, исключали из партии и даже сажали в тюрьму.

Но в то же время жизнь не стоит на месте, человеческие отношения никто не отменял, каждый день приходилось решать квартирный вопрос: кого-то пригласили на работу в областной центр, у кого-то родственники, за которых просят из Москвы или из Алма-Аты. Мы всё это прекрасно понимали, но как решать по закону, если там сплошные запреты?

Тем не менее всегда старался помочь людям, если это было в моих силах. Занимая эту непростую должность, где от моих действий зависела судьба многих людей, я всегда мысленно старался ставить себя на их место. Когда так поступаешь, то как бы сопереживаешь вместе с ними, кроме того, совершаешь меньше ошибок, хорошо зная, что ты не в силах решить их проблемы. При этом, когда честно им это говоришь, люди тебя понимают. Поэтому они не озлобляются и даже выражают благодарность за то, что их выслушали, поняли их боль. А когда положительно решаешь их проблемы, то они никогда этого не забывают. Вспоминается, что когда после десятилетнего перерыва я приехал в родной город в 1995 году, ко мне в кабинет зашёл незнакомый молодой человек и представился: “Бауыржан Смаилов”. Я сразу же вспомнил его родителей — Амангельды и Салиму Смаиловых, замечательных во всех отношениях людей.

Амангельды Смаилов работал в своё время директором совхоза “Талдысайский”. Как-то он приехал на совещание в Целиноград, и его ночью с диагнозом “острый аппендицит” увезли из гостиницы в машине “скорой помощи”. К сожалению, его не сумели спасти, он скончался в возрасте чуть больше сорока лет. И вот молодая женщина осталась с тремя малолетними детьми в этом, богом забытом отдалённом ауле.

Тогда при встрече Бауыржан сказал:

— Моя мама перед смертью благодарила вас, поведав нам о том, что вы выделили нашей семье квартиру в областном центре. Во многом из-за этого мы с братьями смогли получить хорошее образование и стать востребованными людьми.

Сейчас все они — Бауыржан, Жанболат, Талгат — видные, авторитетные люди в нашем городе. Один — депутат Мажилиса Парламента, другой был акимом Шортандинского района и города Степногорска, теперь является государственным инспектором Администрации Президента. Самый младший, Талгат — контролирует семейный бизнес.

Или другой пример. Когда я баллотировался в депутаты Мажилиса — после встречи с избирателями в селе Воздвиженское Целиноградского района братья Саят и Марат Камзебаевы пригласили меня на обед в дом своей матери. И каково же было моё удивление, когда старая женщина, их мама — начала меня благодарить и дала “бата” — благословение за то, что

когда скончался её супруг — заслуженный и известный в области человек — Есенжол Камзебаев, я, оказывается, выделил в Целинограде им благоустроенную квартиру. Откровенно говоря, об этом я и не помнил. Но когда об этом услышал, было приятно, что сумел помочь им, когда было трудно.

Ещё один эпизод. Как-то мы отдыхали с супругой в санатории “Окжетпес” в Боровом. Ко мне подходит мужчина примерно моего возраста и представляется:

— Я отец гроссмейстера, чемпиона мира среди молодёжи по шахматам Дармена Садвакасова. Помните, мы обращались, когда вы работали председателем горисполкома, с просьбой поменять нам квартиру, которая была на первом этаже. Там была постоянная сырость, и маленький Дармен часто болел. Если бы вы не помогли поменять её, может быть, наш сын не был бы чемпионом мира.

Об этом случае я тоже не помнил. Что хочу сказать, вспоминая об этих эпизодах, дорогой Елнуржан: если сделал кому-то добро — оно обязательно возвращается. Если не к тебе самому, то к твоим детям или внукам. Но если кому-то причинил зло, оно тоже вернётся.

В описанных выше случаях, да и во многих других аналогичных, я, конечно, рисковал. Не всегда законы того времени предусматривали разрешение таких вот критических ситуаций и учитывали людское горе. Поэтому часто приходилось решать вопросы на свой страх и риск, прекрасно понимая, что за это тебя могут серьёзно наказать. Тем более, что всё это происходило в те сложные времена, когда одна за другой приезжали с проверками анонимных, подмётных писем многочисленные комиссии из Алма-Аты и Москвы.

Из этого вывод: в жизни никогда не скупитесь на добро. В народе говорят: “Не скудеет рука дающего”. Сколько раз я слышал:

— А, ты сын Махмута? — хороший был человек.

Как приятно это слышать.

Мой сын Талгат часто мне говорит:

— Папа, я познакомился с таким-то человеком, он так хорошо о тебе отзывался.

Так будет и с ним, с твоим папой Талгатом, постарайся продолжить эту традицию и ты, Елнур.

Думаю, что моему отцу при жизни тоже было приятно слышать обо мне и других детях, что они хорошие, воспитанные люди. И мне порой бывает приятно на душе, когда разные, иногда малознакомые люди, мне говорят очень лестные слова о твоём отце Талгате. В такие минуты удовлетворённо думаешь: продолжают семейные традиции — делать людям добро. Видимо, настоящее человеческое счастье заключается именно в этом. Не в материальном богатстве, не в высоких должностях, а в полезности людям.

Николай Ефимович Морозов — широкой души человек, всегда старался подходить с пониманием к просьбам вышестоящих руководителей по решению жилищных проблем их знакомых и родственников. Но просьбы эти он передавал через Осипенко. Естественно, не все они могли быть решены законным путём. По всей вероятности, Василий Петрович, когда что-то не решалось, перед руководством области продолжал вести эту свою линию о моей приверженности к идеологической работе. Хотя, скажу честно, внешне всё было спокойно. По крайней мере, все хозяйственные вопросы:

благоустройство, строительство, работа транспорта и коммунальных служб не вызывали нареканий. Отношение ко мне Николая Ефимовича было уважительным, чем я искренне дорожил.

В начале октября 1985 года мне позвонил заведующий организационным отделом ЦК Куаныш Султанов и предложил должность инспектора в аппарате ЦК Компартии Казахстана. Я у него спросил:

— Есть ли время подумать?

Он говорит:

— Пожалуйста, нет проблем.

Я позвонил Морозову, и он тут же меня принял. В ходе беседы доложил ему о звонке из Алма-Аты. Судя по его реакции, я понял, что ничего неожиданного для него нет, похоже, что он в курсе дела. Выслушав меня, он сказал, что это большое доверие и надо бы дать согласие. Когда я собирался к нему, думал, что Николай Ефимович возмутится: “Человек на своём месте, дела идут неплохо, до окончания пятилетки остаётся меньше трёх месяцев, а там и награждение орденами за её итоги — зачем его дёргать, ничего же не горит”. Почему я так думал? Во-первых, он сам настойчиво приглашал на эту работу и время от времени публично высказывал своё удовлетворение тем, что делается в городе под моим руководством. Во-вторых, в нём всегда чувствовалась основательность и уравновешенность. Не раз я был свидетелем, как он с пониманием относился к житейским делам и спокойно, мудро решал их.

Здесь же, сидя в его кабинете, я понял, что вопрос этот решён задолго до звонка Султанова.

Я его поблагодарил за годы совместной работы и оказанное доверие. Прощаясь со мной, он сказал:

— Второго секретаря обкома партии должны перевести на другую работу, у меня на эту должность другой кандидатуры нет, скоро вернётся в область.

Заканчивая рассказ о Морозове, хочу подтвердить своё высокое уважение к этому человеку. Герой Социалистического Труда, член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР и просто добродушный и доверчивый человек, с хорошими личностными качествами. С ним действительно приятно было работать.

В конце концов эти замечательные качества, которые я назвал, и подвели его. Ими в своих корыстных целях воспользовались люди, которым он очень доверял и приблизил к себе.

Показательно, что у наших чиновников существовала и раньше в советские времена, да и сейчас не перевелась — одна очень скверная привычка. Когда происходит смена крупного руководителя, определённого типа люди, чтобы выслужиться перед новым руководством, начинают всячески охаивать ушедшего и до небес превозносить нынешнего. Хотя первоначально новые руководители стараются приструнить этих людей, в конечном итоге этим лысцам и подхалимам удаётся всё-таки найти путь к сердцу.

Я думаю, Николай Ефимович знает, кто его подводил, и мы знаем их. Мне по-человечески жаль, что он ушёл из нашей области таким образом, как это было. Поэтому, может быть, у него остался какой-то осадок о целиноградцах, но я знаю — в этом виноваты лишь те люди, которым он излишне доверился и приблизил к себе.

Дорогой Елнур! Общеизвестно, что становлению любого человека способствует общество, в котором он живёт, люди, с кем сталкивает судьба. Если это люди с правильным, ответственным подходом к жизни, к окружающим, то человек получит хорошее воспитание, что в свою очередь явится залогом дальнейших успехов в карьере, семейной жизни. Мне в этом смысле, можно сказать, очень повезло. Все годы осмысленной жизни я сталкивался с людьми, которые служили мне жизненным ориентиром, оказывали моральную поддержку, способствовали моему духовному развитию и профессиональному росту.

Хочу подробнее рассказать в этой связи о двух старших моих товарищах, которые повстречались мне на жизненном пути. Это Оразбек Султанович Куанышев и Умурзак Гайсинович Гайсин.

Весной 2001 года одну из центральных улиц города Кокшетау переименовали в улицу имени Оразбека Куанышева, который длительное время был первым руководителем Кокчетавской области. Здесь он неоднократно избирался депутатом Верховного Совета СССР (Союз Советских Социалистических Республик), избирался делегатом партийных съездов. Именно за работу в Кокчетаве ему было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда. Чуть ранее ещё одна улица была переименована в честь Еркина Ауельбекова, который был первым секретарём Кокчетавского обкома партии до Оразбека Куанышева. Оба они были неординарными личностями, шли по жизни параллельным курсом и оба очень рано ушли из жизни. И вот теперь две улицы города Кокшетау, расположенные параллельно, названы благодарными потомками их именами.

По приглашению руководства области и родственников Оразбека Султановича еду из Астаны на торжественное открытие улицы. Дорога всегда навеивает воспоминания и разные мысли. Перед глазами одна за другой мелькают, как километровые столбики, картины прошлого...

Декабрь 1970 года. В Целинограде, в большом зале Дома Советов, идёт областная партийная конференция. Я впервые оказался на таком большом форуме. Один за другим сменяются ораторы. И вот на трибуне первый секретарь Атбасарского райкома партии Куанышев. Его выступление выгодно отличалось от других своим конструктивизмом и смелой критикой недостатков. Когда он закончил выступать, известный конетабунщик из Улентинского совхоза, Герой Социалистического Труда Каппас Жаниев воскликнул:

— Этот молодой человек будет большим руководителем. Помяните моё слово!

И вот проходит ещё два года. В октябре 1972 года меня избирают первым секретарём Целиноградского обкома комсомола. Хотя до этого мы не были знакомы, Оразбек Султанович (он уже работал вторым секретарём Целиноградского обкома партии) очень искренне меня поздравил с этим событием, как будто его близкого родственника избрали на эту должность.

Вспоминается ещё один эпизод тех лет. В апреле 1974 года мы должны были ехать на 17-й съезд комсомола в Москву. Первый секретарь обкома партии Кручина в области отсутствовал. Делегатов съезда пригласил к себе Оразбек Султанович и сделал тёплое напутствие. В память об этом все мы сфотографировались.

В 1978 году Куанышев избирается первым секретарём Кокчетавского обкома партии.

После этого мы встретились с ним в декабре 1980 года. Я с супругой, будучи первым секретарём Советского райкома партии города Целинограда, отдыхал в Сочи в партийном санатории. В соседнем санатории отдыхал Оразбек Султанович с супругой Бану Шахметовной. На правах младшего по возрасту я пригласил их в ресторан “Кавказский аул”. Обычно все отдыхающие считали своим долгом приглашать своих друзей, гостей в это экзотическое для того времени заведение. Было довольно прохладно, несмотря на то мы долго сидели на улице, столики там располагались в так называемых саклях. Вспоминали о жизни в Целинограде, общих знакомых, соседей, а жили мы в соседних домах.

Рассказывая о Куанышеве, вспоминаю ещё одну встречу с ним.

Весной 1988 года расформировали Тургайскую область, где он работал первым секретарём обкома партии. Часть области отошла в Целиноградскую область, другая — в Кустанайскую. Первый секретарь обкома партии Демиденко направил меня для приёма города Аркалыка, а также пяти районов, отошедших в состав Кустанайской области. Это был тяжёлый психологический момент для Оразбека Султановича. И он как-то душевно обрадовался, что с этой тяжёлой миссией приехал именно я, а не кто-нибудь другой. Курировал я в те годы вопросы промышленности. Мы с Ореке договорились, как будем использовать освобождающиеся здания, где до этого располагались областные организации. Затем мы в зале обкома партии собрали работников областных организаций. Люди были расстроены и растеряны. Каждый думал о своей судьбе. Среди них я видел многих своих друзей, знакомых и понял: какая эта трагедия, когда тысячи людей вмиг остаются без привычных дел и работы в расформированной области, куда в своё время они приехали с большим энтузиазмом трудиться. В конце концов, у каждого из них семья, карьера и тревога за будущее. Мы с Оразбеком Султановичем как могли, успокаивали людей, как водится в таких случаях, говорили, что все будут трудоустроены, забота проявится о каждом человеке.

Потом, когда закрывались Кокшетауская, Талдыкорганская, Семипалатинская области, у меня каждый раз перед глазами вставала эта печальная картина Аркалыка.

В памяти остались и последние встречи с Оразбеком Султановичем.

В апреле 1991 года из Москвы я переехал в Алма-Ату в качестве заместителя министра транспорта. Первым, кто пригласил к себе в гости нашу семью, был Ореке. Он тогда уже серьёзно болел. Тяжёлый недуг быстро вершил своё тлетворное воздействие, медицина оказалась бессильной.

Я видел этого человека в разных ситуациях: и в момент подъёма и становления как личности, и в зените славы, и в минуты душевных переживаний, и когда он тяжело заболел. Но всегда он сохранял спокойствие, не впадал в эйфорию по поводу успехов и в депрессию в минуты серьёзных испытаний. Безусловно, как талантливый и целеустремлённый человек, он мог бы достичь гораздо больших высот в своей карьере.

... А вот и Кокшетау. Прямая, широкая и одна из самых протяжённых улиц города получила имя Оразбека Куанышева. Собралось, несмотря на ненастную погоду, много народа.

Было много речей, воспоминаний. С одной стороны, было грустно, что нет с нами больше Оразбека Султановича. С другой стороны, сердце переполняли гордость и радость за добрую память о нём, за благородство

и благодарность руководства области и города, что они так высоко оценили деятельность этого, безусловно, талантливого и прекрасного человека.

Также одним из уважаемых мною людей был Умурзак Гайсинович Гайсин. Кристально честный, доброжелательный к людям, знающий своё дело, он был одним из авторитетных людей Целиноградской области, известным в Казахстане человеком. Долгие годы возглавлял отдел науки и учебных заведений обкома партии. Особенно велика его заслуга в создании вышших и средних специальных учебных заведений в Целинограде и области. Именно он в шестидесятые годы прошлого столетия вместе с Кручиной, Халитовой, Исмагамбетовой стоял у истоков открытия в Целинограде сельскохозяйственного, медицинского, педагогического и инженерно-строительного институтов, а также десятков техникумов и профтехучилищ.

Это они пригласили для работы в этих учебных заведениях видных организаторов высшего образования, учёных, известных не только в Казахстане, но и в масштабах всего Советского Союза — профессоров М. Гендельмана, К. Жаманбаева, В. Корпачёва, К. Сагадиева и многих-многих других.

И вскоре Целиноград, наряду с Алма-Атой и Карагандой, стал признанным вузовским центром Казахстана. Теперь эти учебные заведения преобразовались в университеты и академии, стали ведущими высшими школами суверенного Казахстана.

Руководители области с особым уважением относились к Умурзаку Гайсиновичу. Это я заметил с первых дней своей работы в должности первого секретаря обкома комсомола. Он заметно выделялся среди заведующих отделами обкома своей скромностью, объективной оценкой складывающейся обстановки, а главное — давал правильную и справедливую оценку кадрам. А кадры у него были особые: академики, профессора, ректора институтов, директора техникумов... Люди титулованные, маститые, знающие себе цену, одним словом — интеллектуальная элита области. Недаром, когда председатель парткомиссии Сергей Абрамович Иванов ушёл на заслуженный отдых, у Морозова — первого секретаря обкома партии, никаких сомнений не было, кого рекомендовать на эту непростую и очень ответственную должность. Так Умурзак Гайсинович возглавил парткомиссию и на этом посту, можно сказать, спас многих честных, достойных людей от незаслуженной расправы и несправедливости. Зато люди, запачкавшие себя, нечистые на руку, злоупотреблявшие служебным положением, получали наказание по всей строгости того времени. По долгу службы Умурзак Гайсинович был ближе к комсомолу, чем другие его коллеги. Поэтому Умеке часто участвовал в пленумах обкома комсомола, во всевозможных студенческих слётах, смотрах художественной самодеятельности и спортивных соревнованиях. Так у нас завязывались личные взаимоотношения. Несмотря на разницу в возрасте, мы начали общаться семьями. Постепенно я стал втягиваться в круг людей, составляющих когорту самых уважаемых в области. И здесь я попал в доброжелательную среду. Это были люди, прошедшие суровые испытания Великой Отечественной войны, послевоенного восстановления народного хозяйства, участники целинной эпопеи. Они своим жизненным примером, добрым советом и заботливым отношением вселяли в меня и моих сверстников уверенность, помогали найти себя в новой обстановке. С удовольствием вспоминаю их:

Молдахмет Досаев, Хаким Ташмагамбетов, Ибрагим Капаров, Энвер Ипмагамбетов, Сагындык Темирбулатов, Иван Козьмин, Михаил Алдошин, Владимир Гуляев и многие другие. Их сегодня нет с нами, но каждому из них принадлежит своё особое место в истории области. Это были люди без апломба и высокомерия, честные, благородные, бережно относившиеся как к своему доброму имени, так и ко всему, что их окружало. Через несколько лет я с семьёй получил новую квартиру в престижном в то время доме и оказался соседом по подъезду с Умурзаком Гайсиновичем. Здесь мы уже тесно общались семьями. В то время в Целиноград часто приезжало много известных людей республики. Тогда редко бывало, чтобы знатных людей не приглашали домой. Традиционный “ас” со всей атрибутикой казахского гостеприимства всегда был наготове дома у Умеке, который прекрасно готовила Кадаш-апа. Об этой удивительно красивой внешне и внутренне женщине хочется сказать особо. Все домашние заботы и хлопоты были её делом. В доме всегда был порядок, Умурзак Гайсинович и дети ухожены. А как она шила! Одежда, которую она шила по тем временам, может быть, и сегодня не уступает зарубежным модельным фирмам. За дастарханом Умурзака Гайсиновича я познакомился со многими учёными, писателями и другими известными людьми. Особенно дружны они были с министром образования республики, кстати, долго и плодотворно работавшим на этом посту, Кожакметом Балахметовым. Из местных людей он крепко дружил с Молдахметом Досаевым, долгое время работавшим председателем областного комитета народного контроля. Было очень интересно наблюдать за их дружеским подтруниванием друг над другом. Семьями они часто вместе выезжали в санатории на отдых. И во время зимнего гостевания — это особая традиция северных казахов “омыртка”, а их с Молдеке всегда старались приглашать вместе — они рассказывали о смешных, забавных историях, приключившихся с ними на отдыхе. Часто на таких мероприятиях бывали участниками и свидетелями этих шуток Зауре Кадырова, вначале работавшая секретарём Целиноградского горкома партии, а затем зампреда областного исполкома, и Балташ Сункарбеков — ректор педагогического института. Собственно говоря, в таком составе мы чаще всего и общались. Несмотря на то что это были люди разных возрастов, они были вполне совместимыми, а позже в этот коллектив плавно вошла семья обаятельного человека, начальника управления госбезопасности области генерала Жакии Сейтказиева. Так продолжалось до осени 1985 года, пока мы по долгу службы не переехали в Алматы. Умурзак Гайсинович часто приезжал в тогдашнюю столицу, так как там жили его старшая дочь Сауле с зятем, а самое главное, его любимый внук Аргын. Не раз собирались мы у дочери Умеке, когда он приезжал туда. Частенько это бывало в составе Аманжолы Каликова, Сатыбалды Тотанова, Оразбека Куанышева и других земляков-акмолинцев. Естественно, затем следовали ответные визиты в гости к нам. Это были очень хорошие вечера, где собирались люди, питавшие друг к другу чувство высокого уважения. Им было о чём вспомнить и поговорить. Тематами их бесед были различные эпизоды как войны с фашистскими захватчиками, так и поднятия целины. Нередко разгоралась полемика о положительных и негативных факторах целинной эпопеи. Также обсуждались проблемы динамично растущего любимого города Акмолы, тогда Целинограда. В центре внимания были и вопросы по открытию учебных заведений на целине.

Вспоминая об Умурзаке Гайсиновиче и его соратниках, нельзя не отметить и их значительный вклад в становление нашего города, области и Республики Казахстан в целом.

Таким остался в моей памяти этот широкой души человек, преданный делу, отец большой и дружной семьи. Умурзак Гайсинович дал старт множеству людей, которые благодарны ему за уроки жизни, которые он преподавал им своим примером.

Мой дорогой Елнуржан!

Описывая своё время, невозможно обойти тему отношения к человеку, который в то время возглавлял нашу республику. Это Динмухамед Ахмедович Кунаев. Известный политический и государственный деятель советской эпохи. О нём можно прочесть во многих энциклопедических изданиях того времени, он не нуждается в особых представлениях. Достаточно перечислить коротко его биографию. С 1942 года он являлся заместителем председателя Совета Министров республики, президентом Академии наук, председателем Совета Министров. Наконец, был первым секретарём ЦК Компартии Казахстана с 1960 года до конца 1986 года. В советские времена первыми руководителями союзных республик, областей, районов и городов являлись лидеры соответствующих организаций Коммунистической партии.

Так вот, Кунаев заметно выделялся среди руководителей всех союзных республик. Выделялся он, прежде всего, своим высоким интеллектом. Завершив учёбу в Московском институте цветных металлов и золота, он защитил докторскую диссертацию по технической тематике, был действительным членом Академии наук Советского Союза. Именно во время его руководства Казахстан стал одной из самых передовых, экономически развитых республик бывшего СССР. Его авторитет в Советском государстве был настолько высок, что мы, земляки, этим по праву гордились, а уважение к нему в силу этого было неподдельным и естественным проявлением чувства.

Димаш Ахмедович любил свою республику, свой народ, казахстанцы отвечали ему тем же. Ежегодно он объезжал республику и старался побывать во всех её регионах. Встречи с ним проходили в совхозах и колхозах, на предприятиях и в организациях. И везде он живо интересовался не только выполнением планов и производственными показателями, но и делами и проблемами простых людей. Рядом с ним, как правило, был его верный соратник, также любимый и чтимый народом — Байкен Ашимович Ашимов, председатель Совета Министров Казахской ССР, который на протяжении 14 лет плодотворно работал в этой очень непростой во всех отношениях должности.

Объезд областей Кунаев завершал, как правило, в Целинограде обычно в конце сентября. Здесь он подводил итог хлебного баланса республики и отсюда докладывал Москве о собранных в закромах казахстанских миллиардах пудов хлеба. Я был свидетелем и участником подобных встреч, начиная с 1972 и до 1985 года. Особо запечатлелись в моей памяти его приезды в Целиноград в период моей работы руководителем района и города. Как правило, в те годы средств на развитие и содержание инфраструктуры города не хватало. Мы же были полны решимости и желания как можно больше построить необходимых для горожан объектов. Тогда объекты культуры и отдыха людей, памятники и престижные объекты

благоустройства можно было строить только с разрешения Москвы. Но повсеместно, на свой страх и риск, эти объекты возводились. И вся надежда была на нашего руководителя республики, члена Политбюро ЦК КПСС, что он прикроет от наказания своим весом и авторитетом.

Каждый год мы ему показывали новые объекты: Дворец торжественных обрядов, кинотеатры, рестораны, Дворец молодёжи, Дом быта, каскады фонтанов и другие. Осмотрев все эти сооружения, он одобрительно говорил:

— Вы же для людей всё это делаете.

Мы, уже осмелев, просили денежные средства для оплаты этих объектов. И тогда он обращался:

— Байкен Ашимович, как у нас с деньгами, дадим ребятам на окончание объекта?

И каждый раз нам выделяли недостающие финансовые средства. Этим он оказывал поддержку и поощрял руководителей регионов за творческий подход в работе по развитию городов.

Особо хотел бы подчеркнуть такую черту его характера. Ни от кого не слышал, что Димаш Ахмедович устраивал кому-то публичный разнос или грубо отругал за какие-то провинности. Являясь по своей натуре настоящим интеллигентом, он всегда обращался с людьми тактично. Очень многих руководителей районов и городов знал поимённо. Не раз я был свидетелем его обращения к руководителям районов на областных активах:

— Не так ли, Андрей Иванович (Погребной)?

— А как вы думаете, Оразбек Султанович (Куанышев)?

— А как у вас идут дела, Евгений Михайлович (Золотарёв)?

— А как думает Адеке (Шабатов)?

Такое отношение окрыляло всех и усиливало уважение к нему, подчёркивало признаки высокой внутренней культуры, интеллекта и личного обаяния Димаша Ахмедовича.

Выражая своё восторженное отношение к этому неординарному человеку, в то же время я не обожествляю его. Были у него и недостатки, в том числе и серьёзные, об этом пишут и говорят.

Последний раз я с Д. А. Кунаевым встретился в сентябре 1986 года. Работал тогда инспектором ЦК Компартии Казахстана. Собираясь уходить домой после работы, я собрал служебные бумаги и положил в сейф, тогда не принято было оставлять документы на столе. Открыл дверь, как вдруг раздался звонок прямого телефона заведующего организационным отделом ЦК Куаныша Султанова. Подняв трубку, слышу:

— Быстро-быстро к Димашу Ахмедовичу в кабинет.

Не успев понять, что произошло, помчался на шестой этаж в приёмную Кунаева. Султанов был уже там, Дуйсетай Бекежанов — помощник первого секретаря, открыл дверь в кабинет и меня буквально запихнул туда. Захожу, Димаш Ахмедович сидит за длинным столом, затем медленно встаёт. Я успеваю заметить, что перед ним на столе лежат мои объективные данные. Поздоровался со мной за руку. Жестом указал, чтобы я сел. Затем говорит на казахском языке:

— Братишка, посылаю тебя на перспективное место. Доброго пути.

Потом на русском языке:

— Сейчас полетишь в Москву, в ЦК КПСС на собеседование. Там обо мне будут говорить разные оскорбительные слова. Как отвечать — сам знаешь.

Пожал мне руку на прощание. Думаю, что я оказался одним из последних кадров, кого он благословил. Дальше — были декабрьский пленум ЦК Компартии и связанные с ним события.

Это был разгар разнузданной травли и гонений Кунаева. С приходом к власти М. С. Горбачёва со страниц газет “Правда”, “Известия” и других средств массовой информации то и дело сыпались ярлыки “кунаевщина”, “рашидовщина” (Ш. Р. Рашидов — в то время первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана). Этот период нашей жизни, дорогой Елнур, требует особого осмысления и специального описания, это я и постараюсь сделать.

При таких вот обстоятельствах я получил напутствие Динмухамеда Ахмедовича перед заступлением на работу секретарём Кустанайского обкома партии. Таким образом, благодаря полученным знаниям и приобретённому опыту, а также последовательной кадровой политике, существовавшей в те времена, из простого аульного мальчишки я поднялся до уровня одного из руководителей крупного региона Казахстана. Хочу подчеркнуть, что каждый, имея способности и работая честно, в Советском Союзе мог достичь намеченных целей и добиться успешного карьерного роста. Поэтому большинство советских людей с оптимизмом смотрели в будущее. Это было одним из самых ценных и великих достижений социализма и Коммунистической партии.

Мой милый мальчик, ты должен знать, во времена Советского Союза Казахстан из отсталой колонии царской России превратился в процветающую республику с высокообразованным населением и развитой экономикой.

Особенно хочу подчеркнуть — это ты тоже запомни: до Октябрьской революции (1917 год) Казахстан был раздроблен и его регионы входили в состав губерний России с центрами в Оренбурге, Омске, Семипалатинске, Верном (Алматы), Ташкенте, но и до этого (т. е. до революции 1917 г.) эти регионы, населённые казахами, входили в различные ханства. Я надеюсь, ты это узнаешь или из учебников, или из книги Ильяс Есенберлина “Кочевники”. Я тебя очень прошу внимательно прочитать эту трилогию в оригинале. Она имеется в нашей семейной библиотеке.

И теперь самое главное в этой связи: Казахстан, как государство, в современных границах обозначился благодаря декрету Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР (Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика) о создании Киргизской (Казахской) Советской Социалистической автономной республики, подписанного 26 августа 1920 года Владимиром Ильичём Лениным.

И когда в 1991 году распался Советский Союз, Казахстан, благодаря вышеуказанному акту, являясь одной из 15 союзных республик, стал наравне со всеми ими суверенным государством — Республикой Казахстан.

Это историческая правда! Конечно, Елнур, были многовековое стремление и мечта казахов о создании своего государства, многочисленные войны за свою территорию и национальную независимость.

Всё это и счастливое стечение исторических обстоятельств для нашей нации дали возможность тебе жить в свободном, независимом государстве, также как и твоим сверстникам в России, Украине, Узбекистане, Грузии и всех других республиках бывшего СССР.

Сейчас стало очень модно охаивать Советский Союз, замалчивать его достижения, акцентировать внимание только на негативных моментах, которых тоже, конечно, хватало.

Сам я обязан тому обществу многим: образованием, большим доверием к себе, карьерой. Ведь в какие времена такое было: мне — казаху, представителю одной из окраинных союзных республик, страна поручает осуществлять контроль общественно-экономического развития огромного региона России, в т. ч. города Ленинграда — колыбели Октябрьской революции.

Мы гордились, что представляли великую державу. Во всех уголках бывшей громадной страны (одна шестая часть суши, 300 миллионов населения) остались многочисленные друзья, близкие люди.

Светлая мечта лучших умов человечества — построить Коммунизм, самое справедливое и лучшее общество в истории — так и осталась неосуществлённой. Она не стала возможной даже в очень большой, одной отдельно взятой державе, имеющей несметные богатства и талантливый народ. Эта идея осталась такой же благородной и красивой по своей сути фантазией, как у утопистов-социалистов построить остров “Кампанелла” — солнечный город, где все люди равны, все имеют большой достаток и все трудятся как один — самоотверженно, с высоким сознанием.

Чем дальше мы удаляемся от 1991 года, тем больше возникает вопросов, на которые трудно найти однозначные ответы.

Позиции КПСС казались настолько прочными и незыблемыми, а учения Маркса-Ленина вечно живыми. Партия, насчитывавшая в своих рядах 18 миллионов советских граждан, имела свои ячейки в каждом населённом пункте, в каждом трудовом коллективе. Она держала порядок и дисциплину через мощные обкомы, горкомы, райкомы. В свои ряды отбирала, да, отбирала самые лучшие силы страны. Законность, мораль и нравственность, так же как экономика, социальная жизнь людей — всё было под неусыпным оком партии. Её роль, направляющая и руководящая, была закреплена 6-й статьёй Конституции.

В то время когда мы, опустив “железный занавес”, варились в собственном соку, другие страны — только уже капиталистическими методами, успешно развивали свою экономику, создавали действенную социальную защиту своего населения. В итоге построили, можно сказать — социализм. К примеру, в той же Австрии, Швеции или Норвегии, где медицина и образование бесплатные, а пенсии и пособия позволяют иметь доступ ко всем благам общества. Парадоксально, что, скажем, в Англии, Франции, Италии и Германии время от времени к власти, через всеобщие выборы, приходят социалисты. При этом они проводят в жизнь те же лозунги, которые мы провозглашали во времена существования Советского Союза. Наши же лозунги того периода, к сожалению, во многом так и остались лишь призывами.

Как это ни прискорбно констатировать, но хотя мы и одержали убедительную победу в Великой Отечественной войне, однако мирное соревнование с капитализмом проиграли.

И как результат — ГКЧП (Государственный комитет по чрезвычайному положению), августовский путч 1991 года, а затем Беловежское соглашение трёх лидеров: России, Украины, Белоруссии. На этом великая держава прекратила своё существование. Рассыпалась как карточный домик.

А Коммунистическая партия Советского Союза, возглавляемая Горбачёвым, не сделала даже вялой попытки воспротивиться этому, организовать сопротивление, обратиться к народу. Партия была объявлена вне закона, а Центральный Комитет был захвачен.

Таков был финал существования советского государства. Пока люди приходили в себя после таких невероятных событий, бывшие союзные республики стали объявлять свои суверенитеты. Первыми это сделали прибалтийские республики, становясь независимыми государствами.

Один умный человек сказал: “Кто не жалеет о развале Советского Союза, у того нет сердца, а кто требует его восстановления — у того нет разума”. Вообще-то очень правильные, точные слова.

Поэтому, выражая сожаление о том, что произошло в начале 90-х годов, надо признать — образование новых суверенных государств на территории Советского Союза отвечало многовековым чаяниям их коренных жителей. Вхождение полноправным членом в Организацию Объединённых Наций, как самостоятельного субъекта международного права, наличие своей Конституции, флага, гимна, герба, национальной валюты — всё это компенсирует те материальные трудности, которые испытывали жители новых государств, особенно в первые годы своего образования. Хорошо это прочувствовал и я сам, когда, будучи депутатом парламента Казахстана, участвовал в заседаниях парламентской Ассамблеи ОБСЕ в Берлине и Вене.

С коллегами-депутатами парламента в зале заседаний Генеральной Ассамблеи ООН. г. Нью-Йорк.

Мне также посчастливилось осенью 2005 года в составе парламентской делегации стать участником торжественного заседания в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке, посвящённого 50-летию Организации Объединённых Наций. Когда видишь развевающийся флаг твоей Родины у здания ООН, а также в вестибюле зала Генеральной Ассамблеи, сидишь в зале заседаний со своими коллегами под вывес-

кой “KAZAKHSTAN”, — сердце наполняется особой гордостью за свою страну и народ. А председателю Мажилиса Парламента Уралу Мухамеджанову, как представителю нашей страны, предоставили право выступить с высокой трибуны ООН. В перерыве мы, члены казахстанской делегации — Серик Абдрахманов, Ерлан Нигматуллин, Нурбах Рустемов, Елена Тарасенко и я, воспользовались возможностью постоять на ней и сфотографироваться. То же самое, помимо нас, делали представители делегаций всех континентов земного шара. Возникло непередаваемое чувство единения людей всех рас. Поверь, мой мальчик, все мы в эти незабываемые минуты были очень счастливы ...

Дорогой Елнур, я немного отвлёкся, но, как и обещал тебе, продолжу своё повествование, отталкиваясь от собственных впечатлений жизни.

Я соприкоснулся с большой политикой в конце 1972 года, когда меня избрали первым секретарём обкома комсомола, затем принимал участие в работе пленумов и съездов ВЛКСМ (Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи), на которых выступали руководители партии и государства. Мы на своих мероприятиях обсуждали решения ЦК, партийных съездов. Естественно, как тогда было принято, горячо поддерживали и обещали быть верными этим идеалам и идти непременно путями, предначертанными нашими старшими товарищами. И я, как и миллионы моих сверстников, свято верил в это. Затем была учёба в Академии общественных наук. И здесь уже профессора, правда, некоторые из них, говорили о сомнениях в правильности экономической политики, что социалистическое плановое ведение экономики даёт сбои. Особенно старались не пропускать лекции академика Леонида Абалкина, где он высказывал идеи реформирования экономики, освоения рыночных подходов.

Тогда впервые я услышал от профессора о состоявшемся в Японии симпозиуме, на котором победили идеи социалистической экономики. Но потом победителя из Москвы повели в магазин, где отовариваются малоимущие граждане Токио.

После академии я работал на высоких должностях районного, городского, областного масштабов. Но всегда меня удивляло — страна богатейшая, первыми в мире в 1957 году запустила искусственный спутник Земли, в 1961 году советский человек — Юрий Гагарин впервые в истории человечества полетел в космос, имела самую совершенную военную технику, передовую науку, технологию. Страна доминировала в спорте, искусстве. Короче, было чем гордиться, и эти факторы усиливали наши патристические чувства за принадлежность к великой державе.

Но в то же время мы не могли обеспечить население элементарными товарами и услугами. Особенно остро я это чувствовал на себе, когда был руководителем города Целинограда в восьмидесятые годы. Буквально всё было в дефиците. Автомшины, мебель, ковры, сложная бытовая техника населению распределялись по талонам.

Когда за любым пустяком приходится отстаивать дикие очереди, постепенно понимаешь, что красивые лозунги — всего лишь декларация добрых намерений. На практике же, когда при Горбачёве вновь открылся “железный занавес” и советские люди увидели, что у этих “загнивающих” капиталистов сытая и обеспеченная жизнь, то уже любая агитация о преимуществах социалистического строя была бессильной.

Такой вот печальный получился финал великой космической державы.

Письмо второе

Дорогой Елнур!

Я приступаю к повествованию о городах, которые сыграли в моей судьбе и в моём становлении, как человека, общественного и политического руководителя, большую роль. В этом ряду особое, можно сказать, главенствующее место, занимает город Акмола.

Это главный город моей жизни. Где бы я ни жил — в Москве, Алматы, Новосибирске или Кустанае, но этот город всегда притягивал меня как магнит к себе, было постоянное стремление вернуться сюда. Хотя

имелась возможность остаться жить в наших столицах, как в Москве, так и в Алматы. Возможно, причиной этому является то, что я очень рано начал взрослую жизнь в этом городе. Ведь уже в десятилетнем возрасте приехал в Акмолинск продолжить учёбу. Даже в то время, по сравнению с моим аулом, он казался мне огромным. Особо впечатляла проходившая здесь железнодорожная ветка с пятью остановками: от железнодорожного вокзала до управления железной дороги — в то время центра города. Как сейчас перед глазами: паровоз тащит состав из 5-6 пассажирских вагонов, гудя и выпуская клубы дыма на каждой остановке. Дети-школьники, примерно моего возраста и старше, а также более взрослые пассажиры, висят на подножках вагонов, поскольку у многих из них не было денег на билеты. Но даже если бы они и были, маленьким искателям приключений так было интереснее. Тем не менее, бывали и трагические случаи, когда люди, не удержавшись, срывались с этих подножек прямо под колёса вагонов. Это чуть не случилось и со мной. До сих пор с дрожью в теле вспоминаю, как я почувствовал, что моя рука не выдерживает вес тела, и я начинаю проваливаться вниз. И тут сильная рука старшего товарища вытаскивает меня на подножку, буквально из-под колёс.

Я жил у родственников, вначале у сестры мамы — Кулизы, а потом у сестры моей бабушки Сапар — тёти Кымбат и её мужа Жакыма. Дом их находился недалеко от железнодорожного вокзала и от моей школы.

Это был начальный период освоения целинных и залежных земель на севере Казахстана и в Сибири. Поскольку Акмолинск расположен в центре республики и являлся крупным железнодорожным узлом, здесь было удобно собирать руководителей различного ранга на совещания из всех близлежащих областей. Другие виды транспорта в стране в ту пору были слабо развиты, в том числе и авиация. Таким образом, город постепенно становился центром Целины.

Не помню, то ли зимой 1956 или 1957 года, прошёл слух, что в город приезжает сам Никита Сергеевич Хрущёв — в то время руководитель партии и правительства. Мы, детвора, все повалили на вокзал. Лежал снег, было очень холодно. Вездесущие мальчишки, в том числе и я, забрались на деревья и заборы, чтобы хорошо видеть происходящее. Людей собралось очень много. И действительно, вскоре железнодорожный состав медленно проехал мимо вокзала, в тамбуре одного из вагонов стоял Никита Сергеевич. Моя детская память запечатлела всё до мельчайших подробностей, вплоть до бородавки на его лице. Хрущёв был в коротком, модном в то время, пальто и в серой папахе. На ногах были обуты белые бурки (сейчас их не производят, но тогда эта была обувь для самых-самых...). Он махал всем рукой, сердечно приветствуя встречавших его акмолинцев. Люди радостно кричали «Ура!» и бросали вверх шапки.

Вскоре (в конце 1960 года) наш город стал центром Целинного края, куда вошли Акмолинская, Кокчетавская, Павлодарская, Кустанайская и Северо-Казахстанская области.

В тот период город очень бурно развивался. Были построены улица Мира, Дворец целинников, новый железнодорожный вокзал, ТЭЦ-1 и много жилых домов. Жильё строилось из привозных строительных материалов и конструкций, так как местной строительной индустрии практически ещё не было.

В то время в Советском Союзе, по инициативе Хрущёва, началось освоение крупнопанельного домостроения. Тогда в Москве построили целый микрорайон “Черёмушки”, о котором слагали песни, снимались кинофильмы. Отсюда позднее пошло негативное понятие “хрущёба”. Однако тогда это было революционным шагом в решении жилищных проблем в стране. Из Москвы, Ленинграда и Алма-Аты эшелонами привозили детали домов и здесь, в Целинограде, собирали и строили стандартные пятиэтажные жилые дома и школы. До сих пор в них живут люди и учатся школьники, старожилы их по привычке называют “московскими”, “ленинградскими” и “алма-атинскими”.

Для объективного понимания этапов развития города следует вернуться в далёкий XIX век, к истокам его рождения. 28 мая 1830 года комендант Петропавловской крепости полковник Ф. К.Шубин, выполняя распоряжение генерал-губернатора Западной Сибири И. А.Вельяминова, выступил с небольшим сторожевым отрядом из Петропавловска и отправился в степи Сары-Арки. 18 июля 1830 года, достигнув побережья Ишима, он по советам представителей казахских аулов сделал выбор для стоянки сторожевого отряда у древнего караванного брода Караоткель. Здесь в том же году и возникло Акмолинское укрепление, хотя первоначально его намеревались строить на Нуре, в урочище Акмола, в 30 верстах от современного города. Однако место оказалось неудобным: в весеннее половодье Нура и Ишим, выходя из берегов, затопляли большую территорию. Поэтому и выбрали местом для строительства урочище Караоткель, а название — Акмолинское укрепление — так и осталось за новым поселением. Так была основана Акмола (Акмолинск). Маленькое поселение, благодаря своему стратегическому местоположению, становилось форпостом России в процессе колониального освоения казахской Степи, постепенно обростало служивыми людьми, купцами, чиновниками, ремесленниками. Однако первое серьёзное развитие город получил накануне Великой Отечественной войны, в конце 30-х годов прошлого столетия, в период строительства железной дороги Акмолинск — Карталы. Вся большая страна строила в то время на Урале Магнитогорский металлургический комбинат. Туда крайне необходимо было организовать поставки высокоэнергетического (коксуемого) карагандинского угля. Поэтому ударными темпами, за рекордно короткий срок, очень важная для страны железная дорога была введена в эксплуатацию.

Позже, став взрослым, я понял, почему была такая спешка. Набравшая силу гитлеровская Германия вовсю играла мускулами. За пределами Советского Союза уже шла вторая мировая война. Состоялся аншлюс — присоединение Германией Австрии, а в 1939 году произошло завоевание Польши, короче говоря, война неумолимо приближалась к границам нашего государства. До июня 1941 года, т.е. до начала Великой Отечественной войны СССР с фашистской Германией, оставалось совсем мало времени. Советское руководство, хорошо понимая, что вся тяжёлая промышленность, в том числе и чёрная металлургия, в основном располагается в западных регионах страны, решило быстро ввести в строй новые предприятия индустрии, в первую очередь военной направленности, на востоке СССР. Весь ход этой огромной работы был на контроле у самых высших руководителей державы. Поэтому недаром за короткое время строительства этой важнейшей железнодорожной магистрали её дважды посетил и

проинспектировал народный комиссар путей сообщений (министр), член Политбюро Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) Лазарь Моисеевич Каганович. В результате слаженной работы строительство, начатое в апреле 1939 года, завершилось в начале следующего года. Таким образом, 9 февраля 1940 года первый железнодорожный состав, гружённый карагандинским углём, прибыл на станцию Магнитогорск.

В этой связи хочу рассказать об одном случае, вспоминаемом ветеранами. Во время забивки “золотого костыля” при стыковке рельсов железной дороги казах-путеец обратился к Кагановичу с просьбой:

— У меня сегодня родился сын, разрешите его назвать Вашим именем.

Так появился на свет казахский Лазарь.

В 1939 году была образована Акмолинская область с центром в Акмолинске. Кроме того, областной центр стал ещё и столицей новой Карагандинской железной дороги. Здесь тогда, кроме жилья и объектов железной дороги, построили вышеупомянутую городскую железнодорожную ветку, первую детскую железную дорогу в Казахстане, железнодорожный техникум и училище, крупный больничный комплекс, парк культуры и клуб железнодорожников, а также другие объекты. Короче, в городе всё более или менее значимое носило железнодорожную марку, соответственно, иметь отношение к железной дороге было весьма престижно. В те времена железная дорога была, если так можно выразиться, государством в государстве.

Но вернёмся к целинным годам. Название города и тогда не нравилось Хрущёву, и по его рекомендации Акмолинск в марте 1961 года переименовали в Целиноград. Некоторые, особо ретивые чиновники, чтобы угодить Никите Сергеевичу, предлагали назвать город Хрущёвоградом, однако это название наверху не поддержали. В августе 1964 года я находился на каникулах в родном городе. В этот период сюда в очередной, как потом оказалось — в последний раз, приехал Хрущёв. Я, как случайный прохожий, очутился возле учебного корпуса сельскохозяйственного института по улице Мира. Людей по обеим сторонам улицы собралось много, все ждали встречи с Никитой Сергеевичем. Видимо, теперь я так думаю, руководители Целинного края хотели сделать приятное Хрущёву. Вот, дескать, вокзал, здесь институт, далее улица Мира, наконец, Дворец целинников — все они построены по вашему повелению. Около института, как сейчас помню, установили на газоне транспарант с надписью “Приезжайте ещё, Никита Сергеевич!”. Что удивляет до сих пор, как в первый раз, так и в этот, я, можно сказать, произвольно, случайно, стал участником встреч с руководителем Советского Союза. Поражает и то, что на этих мероприятиях никто никого не оттеснял, все как-то свободно ходили и вольно приветствовали Хрущёва. И всё это получалось очень естественно. Возможно, здесь и были специально приглашённые люди, но это никак не демонстрировалось. Всем, кто хотел поприветствовать и посмотреть на Никиту Сергеевича, не создавали никаких преград. В недавно построенном Дворце целинников он провёл совещание с партийным и хозяйственным активом целинных областей. А спустя два месяца Хрущёва освободили от всех должностей. Это было первым мирным смещением руководителя столь высокого ранга в истории Советского Союза.

Хочу поделиться своими мыслями об этой эпохе и человеке, который её олицетворял.

Как мне кажется, не так просто ему дался тот знаменитый закрытый доклад на XX съезде КПСС, в котором он развенчивал культ личности Сталина. На мой взгляд, не просто потому, что на это требовалась большая смелость и решительность. Ему нужно было перебороть прежде всего себя, так как за те злодеяния “отца народов”, которые были раскрыты, он тоже был в ответе. Ведь Хрущёв был далеко не последним человеком в команде тирана при его жизни, в то же время не только не противостоял, но и являлся одним из проводников этой страшной политики.

Критикуя культ личности, он сам не устоял перед соблазном диктовать свою волю огромной стране, проводя в жизнь, мягко говоря, не совсем подготовленные реформы. Если его в какой-то мере воспринимала и поддерживала часть творческой и научной интеллигенции, то простые люди, особенно партийные функционеры, в большинстве своём не воспринимали многие его нововведения. Появилось множество анекдотов о нём, люди их пересказывали друг другу открыто, не боясь за последствия, обзывали его “Никитой-кукурузником”. Но в то же время была Целина, “хрущёвская оттепель”, приоткрылся “железный занавес”. Нередко на улицах дефилировали “стиляги” — до недавнего времени осуждаемые советской идеологией.

В Политехническом музее в Москве читали свои стихи поэты, до этого незнакомые широкому кругу советских людей — Белла Ахмадулина, Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Роберт Рождественский. А у нас в Казахстане о себе заявили в полный голос Олжас Сулейменов, Ануар Алимжанов. Всё это было совсем не похоже на привычные проявления пролетарской культуры, насаждавшейся режимом до этого. Я думаю, история ещё даст должную оценку Хрущёву и его времени. Однако следом уже наступала эпоха Брежнева.

Окончив институт в 1967 году, я вернулся в Целиноград. Оттуда нас направили вначале в Есиль, а затем в Ерейментау. В том же году в Есиле родилась Жанар — твоя тётя, а в 1969 году в Ерейментау — Талгат, твой папа. В 1972 году меня избрали первым секретарём обкома комсомола, и мы снова переехали в Целиноград. За годы нашего отсутствия город стал более красивым и ухоженным. Открылось немало институтов, их филиалов и техникумов. Сельскохозяйственный, инженерно-строительный, медицинский и педагогический институты быстро набирали авторитет среди высших учебных заведений республики. Также в городе распахнуло свои двери большое количество вновь построенных профессионально-технических училищ и общеобразовательных школ. Востребованную во всём Союзе продукцию стали производить крупные заводы “Казахсельмаш” и “Целиноградсельмаш”, другие предприятия.

Вот в это бурное и стремительное время я пришёл на смену авторитетному комсомольскому вожаку Станиславу Баяновичу Хабибулину. Он, окончив высшую партийную школу в Москве, долгие годы успешно возглавлял Вишнёвский район Целиноградской области, в последующем был руководителем ряда областных организаций. При нём начиналось, а мне судьбой была уготована почётная миссия по завершению строительства Дворца молодёжи в Целинограде, теперь он называется Дворец “Жастар”. Этот объект был в центре внимания

всего комсомола Советского Союза. Он строился в основном на комсомольские средства. ЦК комсомола страны выделял деньги на строительство самого здания Дворца, а Целиноградская область — на наружные инженерные коммуникации и благоустройство. Проект был выполнен московским институтом по проектированию курортных и зрелищных зданий. Автор работы — профессор, доктор архитектуры Дмитрий Полянский, председатель Союза архитекторов СССР. Славно потрудились и работники треста “Целинтрансстрой”, возглавляемые Алексеем Савчуком и Иваном Торопеевым. Первый из них был руководителем этого треста, а другой — авторитетным секретарём партийного комитета. Дворец накануне показали Димашу Ахмедовичу Кунаеву, на которого объект произвёл сильное впечатление и он, по сути, дал “добро” на его торжественное открытие. Кунаев приехал сюда из курорта Боровое, где отдыхал с супругой Зухрой Шариповной. 20 марта 1975 года Николай Ефимович Кручина — первый секретарь обкома партии совместно с группой Героев Социалистического Труда, а также с представителями строителей и архитекторов перерезав под бурные аплодисменты собравшихся ленточку, вручил мне, как руководителю молодёжи области, символический ключ от Дворца. Уникальное здание включало в себя спортзал с трибунами на 500 мест, плавательный бассейн международного стандарта, киноконцертный зал на 1200 мест, ресторанный комплекс, многочисленные помещения для занятий спортом и художественной самодеятельностью. Исключительная особенность здания заключалась ещё в том, что при открытии двадцатитонного разделительного занавеса между зрительным и спортивным залами всё пространство превращалось в единый амфитеатр. Таким образом, этот замечательный Дворец поступил в распоряжение молодёжи города и области. Наш обком комсомола был единственным в стране, у кого на балансе находился такой замечательный Дворец. Здесь проводились многочисленные соревнования международного, всесоюзного и республиканского значения. А на сцене Дворца выступали лауреаты премии Ленинского комсомола Казахстана Ескендир Хасангалиев, Нургали Нусипжанов, Асет Бейсеуов, Роза Рымбаева. Часто можно было видеть и любимых певцов молодёжи — Лаки Кесоглу, Нагиму Ескалиеву и многих других звёзд того времени.

Здесь я хочу более подробно рассказать тебе о комсомоле. Это была массовая самодеятельная молодёжная организация Советского Союза. Миллионы людей получали своё воспитание в комсомоле. Он прививал юношам и девушкам чувство патриотизма, вовлекал их в спорт, культуру, давал трудовое и нравственное воспитание. Через институты наставников, комсомольско-молодёжные коллективы помогал овладевать трудовыми навыками. Одним словом, это была очень нужная и полезная организация для молодёжи. В своей повседневной работе комсомольские организации использовали широкий арсенал действий. К примеру, Бюро “Спутник” организовывало молодёжный туризм, студенческие строительные и механизированные отряды создавались в высших и средних специальных учебных заведениях. На охрану правопорядка повсеместно выходили члены комсомольских оперативных отрядов. Наиболее отличившихся молодых людей комсомол награждал своими почётными грамотами и другими знаками отличия. За выдающиеся творческие и трудовые

достижения присваивались звания лауреатов премии Ленинского комсомола. Также у комсомола были свои эффективные формы работы со школьниками. Повсеместно создавались ученические производственные бригады, проводились всесоюзные спортивные соревнования “Кожаный мяч”, “Золотая шайба”, военно-патриотическая игра “Зарница”. Отличников учёбы премировали путёвками во всесоюзные детские пионерские лагеря “Артек” и “Орлёнок”.

Вспоминая те годы, должен сказать, что это были удивительно светлые и забываемые времена. Сейчас с улыбкой вспоминаю, что когда я с железной дороги, т. е. с производства перешёл на работу в райком комсомола, то в первые дни мне было очень тоскливо и грустно. Представь себе: на “железке” руководил крупным коллективом, где работа кипела день и ночь, а попал неизвестно в какую контору, где всего-то 6 человек аппарата, вместе с секретарями райкома, водителем и техничкой. Однако вскоре понял — скучать не придётся. Ордена “Знак Почёта” районная комсомольская организация была на хорошем счету не только в Казахстане, но и в масштабе всей страны. Участие в работе пленумов ЦК ВЛКСМ и ЦК комсомола Казахстана, во всесоюзных и республиканских семинарах и совещаниях комсомольских работников настраивало на солидную и наступательную работу. Мои соратники и коллеги по райкому комсомола: Надежда Рыбалко, Людмила Сергиенко и Умирсерик Мусабаев оказались толковыми людьми. В течение небольшого времени райком комсомола превратился в образцово-показательный коллектив, с научной организацией труда, что заметили как в районе и области, так и в республике и стране. Видимо, по этой причине мне и было предложено возглавить областную комсомольскую организацию. Хотя, честно говоря, в области имелись и более колоритные фигуры, которые тоже были достойны стать лидером приишимской комсомолки. Так я думал тогда, но жизнь распорядилась по-своему. Уезжая в областную центр, я порекомендовал на своё место молодого выпускника Московского института инженеров сельского хозяйства Ильяса Канапьянова.

Новая работа была масштабной, областной уровень требовал не только значительных трудовых усилий, но и больших знаний. Но мне повезло в очередной раз на доброжелательных, опытных и работоспособных коллег. Секретари обкома комсомола — Валерий Баушев, Алла Клименко, Жанбырши Нуркенов — вчерашние мои руководители, с пониманием отнеслись к моему избранию. Через некоторое время, после того как в обкоме партии убедились, что я освоился в новой обстановке — все они были выдвинуты на очень солидные руководящие должности. А я набрал новую команду. Вторым секретарём был избран Валерий Мелешко — опытный комсомольский работник, прошедший все ступени организационной работы. Секретарём по пропаганде я пригласил молодого кандидата исторических наук из педагогического института Алима Сарсенова, а секретарём по работе с учащейся молодёжью — Тамару Трегубову, работавшую секретарём Атбасарского райкома комсомола.

В дальнейшем, когда Валерий Мелешко ушёл на работу в органы госбезопасности, на его место пришёл Сергей Дьяченко. Он — выпускник Куйбышевского планового института, за короткое время с рядовой должности инструктора Шортандинского райкома комсомола вырос до уровня первого секретаря райкома, обкома и второго секретаря ЦК комсомола

Казахстана. В этом составе мы работали вплоть до моего зачисления в ряды слушателей Академии общественных наук при ЦК КПСС. Работали дружно, все праздники и знаменательные события отмечали вместе. И всегда с нами были Владимир Редкокашин — директор Дворца молодёжи и Константин Рындак — командир областного штаба студенческих строительных отрядов.

В последующем, после недолгого перерыва, связанного с учёбой в Академии общественных наук при ЦК КПСС, я снова вернулся в Целиноград. Вначале был первым секретарём Советского райкома партии, а затем — председателем горисполкома. Город динамично рос, развивался. Я был рад, что в этом есть и мой скромный вклад. Но мне снова предстояла разлука с любимым городом, теперь уже на целых 10 лет. В октябре 1985 года меня пригласили в Алма-Ату, на должность инспектора ЦК Компартии Казахстана. Затем, по воле судьбы, мне пришлось поработать в Кустанае, Москве, Алматы, а затем снова состоялось возвращение в родной город — Акмолу.

В октябре 1995 года я, уже навсегда, вернулся в свой город.

Возвращался сложно. После досрочного роспуска Верховного Совета республики 13-го созыва я почти четыре месяца сидел без работы. Попросился заместителем акима Акмолинской области. Однако мне в этом было вежливо отказано, без объяснения причин, хотя это место долго было вакантным. Сложившаяся ситуация для меня была непривычной и тягостной. Человеку, который всю жизнь привык трудиться, очень нелегко бездельничать. Некуда себя деть, кажется, что всем своим домашним мешаешь. При этом в голову лезут разные невесёлые мысли, медленно тянется время. С нетерпением ждёшь, когда наступит конец рабочего дня — тогда друзья, спасибо им за это, увозят меня из дома, чтобы отвлечь от мрачных мыслей и поднять настроение. Причину своей невостребованности я знал и без каких-либо сложных вычислений. И об этом должен рассказать тебе, мой милый мальчик.

До избрания депутатом я работал заместителем министра транспорта, курировал морской и речной транспорт. Однажды меня пригласили на совещание к заместителю председателя Совета Министров Ёжикову-Бабаханову, к которому я испытывал уважение ещё с тех пор, когда он был лидером студенческих строительных отрядов республики. И там зашёл разговор о приобретении трёх океанических кораблей. Я категорически возразил, что если надо покупать, то в первую очередь необходимо приобрести танкеры типа “река — море” для недавно образованного Актауского морского пароходства. В качестве других резонных причин отказа от вышеуказанной идеи я подчеркнул то обстоятельство, что невозможно будет контролировать их работу, не исключено, что они будут перевозить вооружение, наркотики и всякое другое. Но несмотря на мои возражения, мне дали понять, что решение уже принято. Автор этого прожекта в своей записке обосновывал, что Казахстан будет ежемесячно получать по 400 тысяч долларов прибыли от эксплуатации этих судов и что затраты быстро окупятся. Будучи убеждённым в полной абсурдности этого мероприятия я в знак протеста подал заявление об отставке. Тем более что ранее моя позиция по реформированию гражданской авиации, которую я тоже курировал, также не понравилась руководству правительства. Министр Исингарин просил не горячиться:

— В конце концов, я не вечный и после меня кто-то должен быть министром.

Как я и ожидал, председатель Совета Министров г-н Терещенко в тот же день подписал моё заявление об отставке. После этого меня пригласили на работу в итальянскую фирму “Сожекред”. А спустя год я был избран депутатом Верховного Совета — первого профессионального парламента Казахстана.

Теперь, уже будучи депутатом, я стал задавать неудобные вопросы Терещенко, а также министру финансов Дербисову о судьбе приобретённых страной кораблей и поступивших в бюджет средств от их эксплуатации. К сожалению, ни тот, ни другой не могли мне членораздельно ответить на них. Более того, министр финансов даже не знал о их существовании. И когда я сидел без работы, некоторые смеялись мне в лицо, выговаривая:

— Зачем тебе всё это? Жил бы себе спокойно.

Конечно, я пострадал в какой-то степени, но не сожалею об этом. Теперь уже ясно, что я поступил правильно. Потом, после меня, один из депутатов мажилиса первого созыва снова интересовался судьбой этих кораблей.

Газеты, особенно “Караван”, неоднократно писали об этом скандале, как правило, добавляя свои версии, в соответствии с политической ситуацией того времени. Я же посчитал своим долгом поведать тебе об этом, поскольку был непосредственным участником этой напумевшей истории.

В дальнейшем, благодаря случайной встрече с Оралбаем Абдыкаримовым — он тогда заведовал кадровым отделом Администрации Президента, мне была предложена должность государственного инспектора Администрации. Я с благодарностью принял это предложение, а ещё через три месяца Андрей Георгиевич Браун — аким Акмолинской области, неожиданно сам предложил место своего заместителя. Радости моей не было границ. Знающие меня земляки горячо приветствовали это решение. Наконец-то, через десять лет разлуки, я снова оказался в своем любимом городе. Несмотря на время, которое тогда было весьма и весьма тяжёлым, работал с удовольствием. Я курировал международное сотрудничество, коммунальное хозяйство, транспорт и связь.

Это были годы становления государственности Казахстана. В республику и её регионы зачастили иностранные дипломаты, представители бизнес-кругов и транснациональных компаний. Особенно наблюдался повышенный интерес к Акмолу в связи с принятием исторического решения о переносе сюда столицы из Алматы. Кроме того, интерес вызывала и сама Акмолинская область в связи с действующим урановым производством, а также микробиологической промышленностью в Степногорске. Американцы опасались, что там были освоены технологии изготовления биологического оружия. И, конечно, их тревогу вызывала ракетная дивизия стратегического назначения с ядерными боеголовками, расположенная недалеко от города Державинска.

В связи с переносом столицы хочу напомнить тебе, мой мальчик, об этом судьбоносном моменте в жизни нашей страны, свидетелем и участником которого я стал. Шестого июля 1994 года к нам, депутатам Верховного Совета, с утра прибыл Президент республики Н. А. Назарбаев.

После открытия заседания он взял слово и внёс предложение о переносе столицы из Алматы в Акмолу. Это было настолько неожиданно, что в

реализацию этого проекта мало кто поверил. Завязалась жёсткая и нелицеприятная дискуссия. Подавляющая часть депутатов крайне отрицательно отнеслась к этому предложению. Но были и те, которые безоговорочно поддержали его, в том числе и я.

Как патриоту своего города мне, конечно, хотелось, чтобы именно на мою малую родину переместилась столица, но при этом и объективные причины указывали на то, что если столицу Казахстана передислоцировать из Алматы, то только Акмола может претендовать на роль главного города страны. Горячо поддержав в своём выступлении обоснования президента, помнится, я закончил свою речь словами:

— Коллеги, не бойтесь, там прекрасная природа и прекрасные люди.

Назавтра номер популярной в то время газеты “Караван” вышел с аншлагом, в котором цитировались именно эти мои слова.

Браун при собеседовании со мной сказал:

— Иностранцы усиленно интересуются нашим Степногорским урановым комбинатом, акционерным обществом “Казахалтын” и другими объектами. И в данный момент мне нужен заместитель, который имеет опыт работы с иностранцами. Такой наработанный опыт у тебя есть, я думаю, что ты тот человек, который нам сейчас необходим.

В этой связи нельзя не вспомнить один эпизод из нашей совместной работы. В декабре того же года из Алматы в Акмолу специальным рейсом прибыли все иностранные послы, аккредитованные в Казахстане. В этот день был сильный мороз в сочетании с ураганным ветром. Их мы с Брауном встретили в аэропорту и повезли в город. Помнится, посол Ирана был без головного убора и одет в плащ, а посол США Элизабет Джонс приехала в какой-то легкомысленной для этой погоды шляпке и лёгком пальто. Но зато посол Канады не забыл надеть волчью шубу, памятуя схожесть нашего с ними климата. Несмотря на погоду, предварительно подготовленную программу пребывания дипломатов мы выполнили полностью. Ошарашенным гостям в пустынной и занесённой снегом степи за городом показывали:

— Здесь будет дипломатический городок, здесь место нового центра столицы.

Послы одобрительно кивали и говорили:

— Да, это здорово, это грандиозно.

В то же время не только дипломатам, но и нам самим с трудом верилось, что всё это будет в действительности.

Вот так начинался мой новый этап жизни в родном городе.

Дел было непочатый край. Время выдалось сложное. Все жизненно важные объекты, особенно коммунальные, энергетические, просто не справлялись с нагрузкой, выходили из строя. Денег на проведение ремонта также не было. Положение усугублялось повсеместным отсутствием угля и газа. Электроэнергия подавалась в сутки всего несколько часов, согласно графика. В обиход людей вошло новое понятие, как “верное” отключение электроэнергии.

Необходимо отметить, что всё это время до официального переезда руководства республики в Акмолу наш областной акимат выполнял его распорядительные функции, с учётом будущего большого статуса этого города. Не было и дня, чтобы сюда не приезжали иностранные дипломаты, бизнесмены, журналисты. Руководство области, все его структурные

подразделения работали с большим напряжением. Мы ежедневно принимали и размещали в подготовленных зданиях тысячи передислоцированных чиновников. А эшелоны из Алматы, вместе с людьми и грузом, всё шли и шли. Те дни мне живо напомнили начало целинной эпопеи, когда сюда же в Акмолинск прибывали десятки поездов с молодыми первоцелинниками.

Одними из первых в наш город из южной столицы приехали депутаты парламента во главе со спикерами — Маратом Оспановым и Омирбеком Байгельды, работники республиканского Совета профсоюзов во главе с Сиязбеком Мукашевым, аппаратов министерств — транспорта во главе с Юрием Лавриненко и сельского хозяйства во главе с Сериком Ахымбековым. Подготовка обустроенных зданий, рабочих мест, быта и отдыха передислоцированных чиновников — всё это легло на плечи руководителей Акмолинской области во главе с Брауном, а затем Карибжановым.

На низовом уровне всё держалось на огромном энтузиазме людей. К счастью, на ответственных участках остались на местах прежние испытанные кадры, высокие профессионалы. Со многими из них мне приходилось вместе работать в должности председателя горисполкома. Таким только не мешай, остальное они сами сделают.

Но тут подошла пора уходить по состоянию здоровья на пенсию Брауну. Ради справедливости хочу заметить, что его здоровью и энергии можно было позавидовать многим, кто был гораздо моложе. Осенью 1997 года акимом области был назначен Ж. С. Карибжанов, через полгода — В. К. Гартман, а ещё через полгода — С. В. Кулагин. Слов нет, все они опытные руководители, но каждый из них, со своим опытом, со своим характером и темпераментом. За это короткое время, пока менялись акимы, местным кадрам пришлось испытать большой стресс и привыкать к разным стилям руководства, различному подходу к делу, а порой — капризам и амбициям. И мне, сначала как заместителю, а затем — первому заместителю акима, всё это тоже не прибавляло настроения. А тут подошла пора переезжать в Кокшетау, так как туда передислоцировался областной центр из Акмолы.

И я для себя решил — хватит! Тем более, я и моя семья, все наши близкие родственники наконец-то достигли своей мечты: мы — у себя на родине. Десять лет скитался, супруга, дети уже достаточно все эти прелести переездов испытали — пора остановиться. Представляешь, Елнур, каждый раз новые соседи, новые одноклассники, новые однокурсники у твоего папы. Дочь Жанар начала учиться в Целиноградском мединституте, затем перевелась в алма-атинский, а заканчивала учёбу снова в Целинограде. Сын Талгат поступил в Казахский госуниверситет, продолжил обучение после армии в Московском государственном университете, а закончил Казахстанско-Российский университет уже в Казахстане. Я уже и не помню, сколько школ они сменили.

Взвесив всё это, я принял решение баллотироваться в депутаты Мажилиса Парламента, при том, что как по заказу, на осень 1999 года были назначены парламентские выборы.

Продолжение в следующем номере.

“Нет, в этом мире я не гость...”

*Нет, в этом мире я не гость,
А житель честный и суровый,
И я ищу живое слово,
Как брызги солнца в брызгах рос...*

А. Алдан-Семёнов

В октябре 2008 года исполнилось 100 лет со дня рождения поэта, прозаика, журналиста Андрея Игнатьевича Алдан-Семёнова, жизнь и творчество которого тесно связаны и с Россией, и с Казахстаном.

Интерес к писателю и его творчеству возник у меня неслучайно. Он входит в литературное окружение Павла Васильева. Изучая материалы И. П. Шухова, Н. И. Титова, исследования С. Черныха, я постоянно встречала имя А. Алдан-Семёнова. Его рассказ о поэте был включён в книгу “Воспоминания о П. Васильеве”, вышедшую в издательстве “Жазушы” в 1989 году. С огромной любовью А. Алдан-Семёнов рассказывает о первой встрече с П. Васильевым. Познакомил их И. П. Шухов, и всю свою жизнь А. Алдан-Семёнов считал поэзию П. Васильева гениальной.

Он посвящает Павлу Васильеву свои стихотворения, а его строки: “Павел Васильев — поэт, никого не повторяющий и поэтому неповторимый. Он умел быть трагичным без позы, оптимистом без наигрыша. Он ворвался в русскую поэзию подобно степному ветру, и всё завертелось, зашумело вокруг него” — стали крылатыми.

Постепенно собирались документальные свидетельства о жизни и творчестве А. Алдан-Семёнова: его письма, статьи о нём в периодической печати разных лет, фотографии, а главное — его книги.

В Алматы мне удалось разыскать дочь Алдан-Семёнова Лилиану Андреевну, которая передала некоторые документы, фотографии, книги в архив отца в Доме-музее П. Васильева.

Благодаря её воспоминаниям мы узнали о друзьях-писателях, живших в Казахстане, и в первую очередь о тесной дружбе семей Н. Титова и Алдан-Семёнова. Лилиана Андреевна дала мне московский адрес второй семьи писателя.

Во время работы в Москве мне удалось отыскать его вдову Ольгу Антонову, которая также подарила Дому-музею книги, фотографии, аудиокассету с голосами А. Алдан-Семёнова и Ю. Домбровского, с которым они были дружны в Москве. Очень много добрых слов звучало в воспоминаниях вдовы, приёмного сына и внука. Человек трагической судьбы, прошедший лагеря, унижения, издевательства, которого ломали, из которого выбивали признания, необходимые следствию, перенеся всё это, не ожесточился, в нём сохранилась вера в справедливость, в лучшее будущее до конца своих дней. Он мужественно встретил свой последний час в 1985 году.

Позже мне были высланы воспоминания А.Алдан-Семёнова, которые послужили основой моей публикации.

... Пусть я исчезну,
 словно этот
Дождь, ускользающий во мрак,
Я был мужчиной,
 жил поэтом,
Любил работу, как рыбака...
Я знаю,
 страхам есть причина,
Я знаю,
 в жизни беды есть, —
На кой же чёрт такой мужчина,
Что бед не может перенести.

А. Алдан-Семёнов оставил богатое творческое наследие. Первый его стихотворный сборник “Метель и солнце” был издан в 1934 году в Казани.

Он был принят в члены Союза писателей. Членский билет был вручён А. Семёнову на I съезде писателей СССР самим А. М. Горьким.

А. И. много работал. В разные годы вышли в свет его книги: “Сага о Севере” о И. Д. Черском, “Для тебя, Россия” — о Семёнове-Тян-Шанском, “Север, север”, “Светлые ночи”, “Золотой круг”, повесть “После выстрела “Авроры”, “Азин”, “Слово о командарме”.

Он создал трилогию о революции и гражданской войне, куда входят романы “Красные и белые”, “Гроза над Россией”, “На краю океана”. Большой успех имела повесть “Барельеф на скале” — о культе Сталина и жизни заключённых на Колыме. Произведения издавались большими тиражами, и тем не менее “... Его книги не залеживались в магазинах, их тут же раскупали”, — пишет Т. Смолина, член Союза журналистов СССР. Увидели свет и сборники его стихов: “Бессонница странствий”, “Верность”, сборник поэм и стихов “Контрасты”, “Избранное”, которые и сейчас трогают душу читателей. Его творения переведены на 15 языков мира, в числе которых английский, японский, латышский, казахский, якутский.

Алдан-Семёнов прошёл дорогами П. П. С. Тянь-Шанского, путями исследования Сибири Ивана Дементьевича Черского, изучал архивные документы Колчака. “Его исторические романы — результат и глубокого поиска материалов, и неутомимой работы над образом, над словом”, — писал в своих воспоминаниях его современник Алексей Брагин.

Роман “Красные и белые” был опубликован в казахстанской газете “Ленинская смена” в 1973 году.

Андрей Игнатьевич всю жизнь поддерживал творческие связи с Казахстаном. В Алматы живёт его единственная дочь, покоится прах его первой жены. Здесь было много друзей.

“У Андрея Игнатьевича много переводов казахских поэтов, в том числе нашего земляка, уроженца древнего каркаралинского края Касыма Аманжолова, — пишет о нём исследователь из Караганды Ю. Попов, — это “Балхаш”, “Акын”, “Голодная степь”, “На родине Абая” и другие. В них поэту удалось передать и сохранить национальную колоритную основу первоисточника. Переводил Алдан-Семёнов и другого карагандинского поэта — Мажита Даулетбаева.

Впервые на русском языке стали известны его стихи “Нура”, “Тенгиз”. И до сих пор остаётся неоспоримым фактом то, что первым перевёл произведения Джамбула, открыл Джамбула для русских читателей именно Андрей Алдан-Семёнов”.

Начало жизни

“Писать о себе и не легко, и неловко. И если я решился на воспоминания, то лишь потому, что в них есть черты моего поколения”, — подчёркивал А. Алдан-Семёнов.

Родился Андрей Семёнов в 1908 году в вятской деревне Шунгунул. Основное население было неграмотное. За два года до революции открылась церковно-приходская школа, два класса которой он закончил. Во время гражданской войны, в 1918 году, школа была закрыта. Андрей научился читать и писать. В десятилетнем возрасте знал произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Л. Толстого, зачитывался романами Ж. Верна, В. Пюго. В этом очень ему помог преподаватель закона Божьего отец Андрей. Уходя на фронт, он подарил любознательному мальчику большой короб, плетённый из лыка, с книгами.

“Живи, учись самоучкой, человеком станешь. А меня не поминай лихом”, — такими были напутственные слова бывшего священника.

“И я читал. Читал при лучине и при лунном свете на чердаках, в избе. Декламировал наизусть Пушкина, Лермонтова, часто даже не понимая и смысла, и самих слов”.

Тяготы гражданской войны, смена власти: красные — белые — зелёные, всё это отложилось в памяти мальчика и в его судьбе.

В 1918 году вятскую землю освобождал от белогвардейцев и чехословацких легионеров легендарный начдив Владимир Азин. В его дивизии служили старший брат Андрея и многие парни из деревни. Их мальчишки считали героями.

Андрей, как и все деревенские мальчуганы, с детства был приучен к труду: пахал, косил, жал, ездил на мельницу молотить муку.

Здесь, ожидая помола, он слушал мужицкие побасёнки о русалках, водяных, леших, что разгуливают ночами по берегам большого глубокого пруда.

Сказки западали в его сердце, пробуждали воображение впечатлительного мальчика.

Жили трудно, не всегда удавалось вырастить пшеницу, намолоть муки, чтобы продержаться до следующего урожая. Часто просто голодали. Особенно тяжёлым для семьи был 1921 год, когда умерли от голода родители. Андрей решил уехать в город.

*И вот с отцовского порога
Я в ночь шагнул...*

*Цвела роса,
Мерцала майская дорога,
Молчали пашни и леса...*

... Светлела ночь.

*Мелькали тени...
Вот так из детских сновидений
Я в юность*

*бурную
бежал!*

Он приехал в Казань без средств к существованию, у него не было крыши над головой. Бродяжничал. Вскоре попал в детский изолятор. И его отправили в детский дом в г. Вятку, где и жил будущий писатель до 16 лет.

После совершеннолетия он стал хозяином своей судьбы.

“Неизвестные дали, незнакомые места манили меня постоянно: станции и городки с сибирскими названиями, глухоманная тайга, Саянские хребты, Алтай, Голодная степь проходили передо мной словно на экране. Артисты, золотоискатели, рыбаки, партизаны, молодые поэты, старые литераторы казались необыкновенными людьми, каждый давал мне что-то своё — новое, неожиданное”, — напишет позже А. Алдан-Семёнов.

Он стал репортёром. Брал интервью, поспешно писал и печатался в газетах. Было трудно, не хватало знаний.

“Моя умопомрачительная малограмотность пугала иногда не только редакторов, но и меня самого”.

Летом 1926 года он приехал в Омск. Стал сотрудничать в газете “Рабочий путь”. Здесь в редакции Андрей Семёнов подружился с молодым литератором Иваном Шуховым. И, как всякий пишущий, по традиции был представлен Антону Сорокину, который в то время был известной личностью в литературной жизни Омска.

Шло время, и вскоре тяга к странствиям поманила вновь в дорогу: Новосибирск, Томск, Кемерово, Ачинск, Казахстан, где он прожил около года. Затем А. Семёнов вновь возвращается в Омск. Именно в Омске И. Шухов познакомил его со своим другом поэтом Павлом Васильевым.

В 1928 году А. Алдан-Семёнов уже был в Калуге, где состоялась незабываемая встреча с К. Э. Циолковским.

“Он принял меня по-отцовски, показал макеты своих космических аппаратов, вдохновенно говорил о времени, когда ракеты полетят по маршруту Калуга — Марс и далее, в межзвёздные миры.

Я ушёл от него влюблённым в астрономию”, — вспоминал А. Алдан-Семёнов.

Через полвека эта встреча вновь встревожит его душу и он напишет небольшую поэму, посвящённую Циолковскому.

*Но часто по ночам, в морозе остром,
Когда трещит, раскалываясь, лёд,
Я видел, как упрямый Циолковский
Отбрасывает руку в небосвод.
Так на заре своей лесной весны
Я с гением одну минуту прожил...
Пусть не герои мы, но всё же, всё же
Нам снятся героические сны!*

В тридцатые годы Андрей Игнатьевич вновь приезжает в Казахстан. В это время шло строительство Турксиба. Как корреспондент газеты “Советская степь” (ныне “Казахстанская правда”), он был направлен на открытие железной дороги.

“Первый поезд по Турксибу шёл осторожно, медленно, подолгу задерживался на станциях. Кочевники спешили к нему на верблюдах, верхом на косматых лошадях, размахивая нагайками, стреляли из ружей. Празднично одетые люди толпились у вагонов, гремели оркестры”.

Редакцию “Советской степи” часто посещали казахские писатели. Благодаря им А. Алдан-Семёнов познавал Казахстан, знакомился с языком, традициями, своеобразной жизнью казахов-кочевников.

Особенно дружил Андрей Семёнов с Сабитом Мукановым.

Именно он познакомил его с эпосом о Козы-Корпеш и Баян-Сулу, с казахскими легендами и сказками. Путешествуя по Казахстану, А. Алдан-Семёнов находил много интересного. Писал очерки на самые различные темы. В том числе о первом хлопкоуборочном комбайне в Пахта-Арале и знаменитой, в то время заброшенной, гробнице Ходжи Ахмета Ясави в Туркестане. Из Уральска он посылал в газету материал о губернаторском особняке, в котором когда-то бывали и А. С. Пушкин, и Л. Н. Толстой. В Кокчетаве он писал об озере Боровом, о роще танцующих берёз, о скале Сфинкс — удивительном творении природы.

Бывал он и в Зайсане, плавал по озеру “звнящих колоколов”, писал о зайсанских рыбаках.

Выходили его материалы о добыче угля в Караганде, о строительстве Джекказгана. Природа, люди, развивающийся Казахстан были описаны А. Алдан-Семёновым с огромной любовью.

Каракол.

Каратал.

Каратау...

Это — клёкот орлов в поднебесье,

Это — сумрак пустыни белёсой,

От ветров почерневшие травы.

Это — воздух, расплавленный зноем,

И распевы песков раскалённых,

И зелёная лין на знамёнах,

И шнурок бахромы, и витое

Изречение на древней гробнице...

Каратал.

Каракуль.

Каракол —

В камышах мохноногие птицы,

Азиатских веков частокол!

Осенью 1934 года А. Алдан-Семёнов вновь уехал в Казань. Работал в газете “Красная Татария”.

С этим городом связаны лучшие воспоминания писателя. Здесь он всерьёз стал заниматься литературой. Годы скитаний и масса впечатлений, работа в газетах формировали профессиональные навыки. В Казани он познакомился с Мусой Джалилем, Ахмедом Ерикеевым. Здесь был принят в члены Союза писателей. В Казани вышел в свет его первый сборник стихов.

Редактором “Красной Татарии” был в то время Иосиф Коган. “1 декабря тридцать четвёртого года я столкнулся с Иосифом Коганом в коридоре редакции. Он пригласил меня в кабинет и мрачно сообщил:

— Сегодня в Ленинграде убит Киров. ТАСС сообщает, что Киров родился в городе Уржуме в Вятской губернии.

— Уржум мой родной город, — сказал я.

— А знаешь что? — сказал Коган. — Поезжай-ка ты в Уржум, собери всё важное и напиши цикл очерков для газеты...”

Андрею Игнатьевичу ещё не верилось, что Кирова больше нет. Но нужно было выполнять задание редакции, и он поехал в Уржум.

“Уржум возник перед глазами старинной гравюрой. Городской собор, опушённый инеем, казался оранжевым облаком, купеческие домики с прямыми стволами дымов были очерчены чётко и выпукло от наличников до каменных плит перед воротами. Главная улица, поднимавшаяся в гору, уводила меня в детство: сюда бежал я из лесной деревушки малолеткой, отсюда ушёл в скитальческую свою юность”.

Навестил Андрей своего брата, который только что вернулся из исправительно-трудового лагеря. Попал он туда за покровительство детям раскулаченных мужиков. Не узнавал Андрей брата: тот стал замкнутым, говорил вкрадчиво, чего-то боялся. Собрав материал о Кирове, вернулся в редакцию.

Растерянным, осунувшимся и испуганным он увидел и редактора Когана.

Надвигалась расплата за троцкизм, а Коган был троцкистом.

“Я подарю тебе одну книжку, но если её обнаружат, загремишь по всем лагерям России. — Коган открыл ящик стола, вынул завернутую в газету книгу. — Никому не показывай...”

Вечером я разлёгся на скрипучем диване в своей комнатухе, развернул книгу. Лев Троцкий “Моя жизнь”, прочитал я почему-то шёпотом...

Сумерки затянули окно, снег на дворе смирал все звуки. В коридоре застучали каблучки, раздался осторожный стук в дверь, я поспешно спрятал Троцкого под матрац. Варенька Берг вбежала в комнату со счастливым выражением на раздумавшемся лице...

Я усадил её на диван. Её приход был таинственным обещанием: “Вот я у тебя! Что будешь делать со мной?”. Варенька резко повернулась, из-под матраца выпала книжка.

Она подняла её, прочитала имя автора, прыгнула с дивана. Скачала сурово: “А я не знала, что ты троцкист...”

Встреча с Джамбулом

И. Коган сообщил Андрею Алдан-Семёнову, что его приглашает “Правда” на совещание молодых поэтов. Посвящено оно было созданию книги “Творчество народов СССР”. Тема: счастливые народы слагают песни и сказы о великой партии, о прекрасной Родине. Нужно было во всех уголках страны такие песни записывать и издавать. Идея принадлежала М. Горькому.

Андрей Алдан-Семёнов выбрал Казахстан.

“Редактор “Правды” Мехлис напутствовал: “Записывай всё, особенно песни о великом Сталине. За образец возьми песню Маймбета”, — Мехлис развернул газету, показал фото старого казаха с домброй в руке. Рядом было длинное стихотворение в переводе Павла Кузнецова”.

Алдан-Семёнов поехал в Казахстан. В каракулеводческом совхозе “Кара-Костек” в приёмной секретаря парткома он увидел глубокого старика в засаленном бешмете и лисьем малахае.

Он спросил, кто этот старик.

— Это наш чабан Джамбул Джабаев, — ответил секретарь парткома.

— Почему он ходит с домброй?

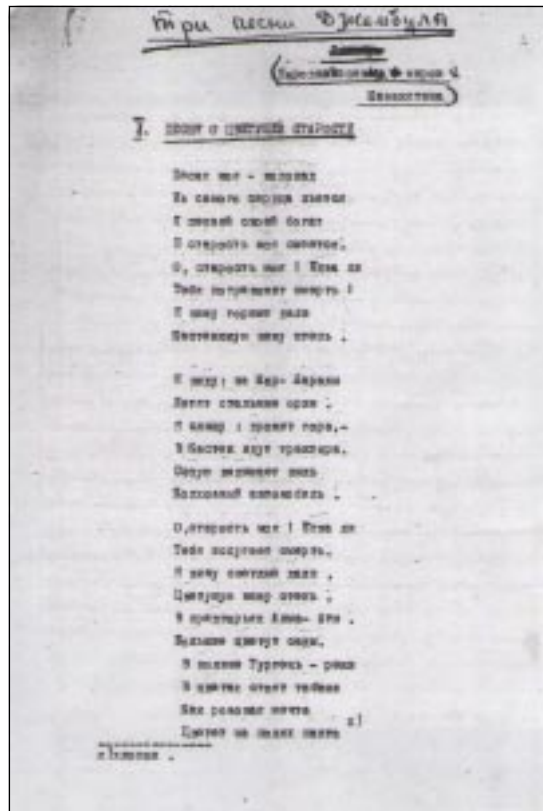
— Джамбул поёт песни на праздниках.

Так А. Алдан-Семёнов встретился с Джамбулом.

“Он был совершенно неграмотен, не умел писать ни по-русски, ни по-арабски, поставил на расписке о получении муки закорючку в виде полумесяца. Я стал расспрашивать, когда и где родился аксакал, с какой поры кочует у предгорий Тянь-Шаня, какие события помнит за свою длинную жизнь. Потом позвал фотографа. Фотограф снял и отдал мне кассету”.

В газете появились стихотворения — переводы песен Джамбула.

Песня моя — водопад,
Из самого сердца льётся.
Я песней своей богат,
И старость моя смеётся.
О, старость моя! Едва ли
Тебя потревожит смерть!
Я вижу горные дали,
Кастекскую вижу степь.

“Я возвратился в редакцию.

— Товарищ-то Коган скончался, — сообщил швейцар, едва я перешагнул редакционный порог.

— Коган кинулся под поезд, — сухо сказал секретарь редакции и тут же углубился в чтение газетных полос.

— Как это случилось? Что произошло? — спрашивал я у сотрудников, но они молча отворачивались.

— Запутался в связях с врагами народа, а мы бдительность утратили. Троцкиста не заметили. Коган убрался на тот свет, но корешки оставил, — с неизменно счастливым выражением лица сказала Варенька Берг.

Теперь товарищи не разговаривали со мной даже на самые невинные темы. Новый редактор не давал мне никаких поручений, и я сложился без дела по городу”.

Книга Троцкого из комнаты А. Семёнова исчезла. В редакции было назначено профсоюзное собрание, говорили общими словами о троцкизме, о политической близорукости.

“Пусть он расскажет о своих связях с врагом народа, — раздался негодующий голос Вареньки Берг. Все повернулись в мою сторону, ждали, как я начну каяться и поливать грязью Когана.

— Не верю, что Коган враг, — сказал я. Гневный шёпот тут же отрезвил меня, но было поздно. Варенька вскочила с места.

— Он сам троцкист, я видела у него книжонку Троцкого. Изгнать его из нашего, политически здорового коллектива...

Через несколько дней я покинул город на Волге”.

А. Алдан-Семёнов поехал в Вятку, там он встретился с редактором краевой газеты Акминым. Эта встреча изменила течение жизни поэта.

— Мы решили создать краевое отделение Союза писателей. Необходимо руководителем. Ваши литературные связи с “Правдой” — лучшая рекомендация.

— Я должен подумать. Это так неожиданно”.

Вскоре А. Алдан-Семёнов стал в г. Кирове ответственным секретарём краевого отделения Союза писателей. Акмин подарил ему браунинг и просил зарегистрировать его на своё имя в управлении НКВД у Фалалеева, что он и сделал.

Вскоре на одном из совещаний крайкома был арестован Акмин. Андрей не понимал, что происходит... Ему не хотелось возвращаться в крайкомовский дом, многие квартиры которого были опечатаны, а хозяева переселены в тюрьмы. Он отправился в ресторан.

“Вместе с папиросной коробкой вытащил телеграмму: “Срочно выезжай в Москву. Командируешься на юбилейное торжество Джембула. Секретарь Союза писателей Ставский”. Как я позабыл про эту телеграмму? Надо уехать, как можно скорее!

Но было уже поздно. Прямо к столу, сопровождаемый человеком в сером костюме, подходил Фалалеев.

— Идите за мной, только, ради бога, без шума, — предупредил он.

— В чём дело? Что вам надо?

— Приглашаю на пять минут в НКВД”.

После унижительной процедуры обыска его посадили в седьмую камеру. На следующий день вызвали на допрос к капитану Павловскому.

— Вам предъявлено обвинение в преступлениях, предусмотренных 58-й статьёй Уголовного кодекса РСФСР, пунктами 7, 8, 10, 11.

Жизнь за чертой

Началась жизнь, о которой А. Алдан-Семёнов пытался забыть. Павловский на допросе сказал, что завербовал А.Алдана троцкист Павел Кузнецов ещё в Алма-Ате и что даже есть показания Павла Николаевича Кузнецова ...

Свидетельством был и браунинг Акмина. Из него якобы планировалось убийство Сталина...

“Они били меня долго, сосредоточенно, перебрасывая друг друга, словно футбольный мяч. Очнулся я в карцере: в каменном этом мешке можно было только лежать и сидеть...”

Затем были допросы с пристрастием. Заставили стоять в кабинете следователя, раскинув руки, широко расставив ноги. Распухшие ноги ныли, руки сами сползали по стене к бёдрам, голова склонялась на грудь...

На 31-м часу перед глазами поплыли багровые пятна, из них возникали какие-то безобразные цветы, шевелились мерзкие хари. Я оторвался от стены и рухнул на пол. Очнулся от ледяного душа”.

Применяли к нему и “ветерок”, после чего он попал в тюремную больницу. А его ещё ждали другие хитроумные пытки с бутылкой, которую не мог выдержать никто! И Андрей Алдан-Семёнов подписался под протоколами, что заранее составил лейтенант Сараев.

Затем был суд.

“Судебное заседание началось в небольшом круглом зале НКВД. На скамье подсудимых находились Акмин, Решетников, Лубнин, Франчески. Не было Леонида Дьяконова, Королёва-Алтайского и Ольги Берггольц.

— Признаёте себя виновными?

— Не признаю, — ответил я, и после короткой паузы добавил: — Я под пытками оклеветал себя, а теперь отказываюсь от показаний”.

Не признавали своей вины и другие подсудимые. Лубнина и Франчески было решено освободить. Дело А. Алдана, Акмина и Решетникова направили на пересмотр.

В июле 1939 г. состоялся новый суд. Алдан-Семёнову было назначено 10 лет тюрьмы, пять лет поражения в правах за антисоветскую агитацию по ст. 58 п. 10 и 11.

Пересыльный лагерь

“Пересыльный лагерь раскинулся на берегу таёжной реки Кан: от воды и цветущих трав нас отгораживали вышки с пулемётами, но сильнее их грозное предупреждение: — Шаг вправо, шаг влево — считаешься в побеге, оружие применяется без предупреждения”.

Никто не знал, куда их повезут. Может, на Колыму, может, ещё куда, но радовались уже тому, что нет тюремных стен. Единственный барак был оккупирован уголовниками, остальные спали на голой земле.

Наконец-то объявили о подготовке этапа в Магадан.

В Магаданском пересыльном лагере он встретил Ю. Домбровского. А затем снова этап. Они расстались, не думая, что судьба ещё сведёт их на дорогах жизни.

... Так, на коленях, позабыв
О том, что верно и что ложно,
Встречали мы во мгле тревожной
Петра Великого залив!
Овчарки, взвизгивая, рыскали,
Нас к старой пристани гоня...
Я шёл этапом с коммунистами,
Что Зимний
брали до меня!
Со всей мне
резкостью присущей,
Со всей возможной прямоотой
Я вспоминанию о трясуцей,
О нашей жизни за чертой...

По дороге узнали, что их ведут на прииск Штурмовой, начальником которого был Алексей Матвеев, по прозвищу Махно.

При встрече с заключёнными он им сказал: “Про жалобы забудьте; здесь суд — тайга, прокурор — медведь, я — верховный судья!”.

Начались суровые будни на прииске, где добывалось золото.

“День начинался в шесть часов утра ударом лома о стальную рельсу. Под её гневный рёв мы вскакивали с голых нар, получали утреннюю пайку — триста грамм вязкого, как глина, хлеба, повар плескал в жестяную миску черпак жидкой перловой каши. Чай, похожий на болотную воду, был на третье блюдо.

План стал нашим проклятием; мы трудились от зари до зари, без выходных, а кормили впроголодь ржавой затиркой. Постоянный голод поселился в желудке, думалось только о пище; свобода, политика, литература исчезли из ума. Исхудалые, оборванные, с бельём, истлевшим на теле, в резиновых калошах или верёвочных чунах, тащились мы на рассвете в забой, поздно вечером возвращались в бараки. Нас заедали вши, но в баню водили редко”.

Изнурительный труд, травля собаками, “развод без последнего”, всё это испытал на себе А. Алдан-Семёнов. Был ранен охранником, когда пытался поговорить с Махно. Кость была раздроблена. Алдан-Семёнова направили в больницу. Была зима, в больницу поступали всё новые заключённые с обморожениями. Очень многие умирали. Зимой их не хоронили, складывали в морг или засыпали снегом. 4 месяца Алдан-Семёнов пробыл в больнице, затем вновь был возвращён на прииск.

Вскоре началась война, и он, как и большинство заключённых, написал заявление об отправке на фронт. Вместо этого его увезли в Магадан. Затем, после снятия инвалидности, вновь направили на прииск, в Долину трёх маршалов.

Шло время...

“Чем меньше оставалось срока, — пишет Алдан-Семёнов, — тем сильнее рос страх за свою жизнь. Я боялся случайного выстрела, глупого обвала в забое, ещё более глупой ссоры с блатными. Страшно стало обморозиться, ослепнуть, заразиться какой-нибудь болезнью... Когда разменял последний год своего срока, появилась надежда на вольную жизнь”.

Весной 1947 года заключённых этапом повезли на прииск Хениканжа. Надежды на лучшее содержание и послабление в работе в первые же дни растаяли, как дым.

Незадолго до окончания срока А. Семёнов заболел воспалением лёгких. В беспамятном состоянии отнесли его в больницу при женском лагере. Несколько дней метался в бреду, никого не узнавая, ничего не видя. Через неделю понемногу стал приходить в себя.

— Две тысячи четырёхста минут или сорок часов осталось мне до свободы, — сказал я Ивану Аркадьевичу.

— Радуюсь и завидую, — отозвался Гусельников. Мы разговаривали с ним о всякой ерунде, а я всё-таки думал: “Ровно десять лет назад меня пригласили на пять минут для беседы, и с тех пор пролетела целая вечность”.

Я вошёл в лагеря духовным слепцом, выхожу прозревшим, жизнь убрала с глаз политические бельма, теперь меня не обманешь ни классовой борьбой, ни горными вершинами коммунизма”.

Наступило 6 февраля 1948 года.

— Выдь из строя, — скомандовал Сагайдак.

“... Сердце ёкнуло, подскочило, упало и я отошёл к вахте. Иван Аркадьевич помахал мне рукой, кто-то ободряюще крикнул: “Держись за воздух, живи, не падай”, — и развод кончился. Ворота закрылись, Сагайдак оглядел меня с головы до ног.

— Телеграмма есть о твоём освобождении, так шо поздравляю. Получи справку и шагай на все стороны, ты теперь птаха вольна. А рублив не заработал, до Магадана на автобус не накопил, так и быть, выдам из лагерной кассы сто карбованцев да новую телогрейку с ватными штанами.

Поздним вечером, повязав тело полотенцем вместо шарфа, я уходил на вольный посёлок. Обрётённая свобода стучала в моё сердце и нестрашным казалось вечное, неясное, как будущее, поселение. Февральская тьма зачернила окрестности, смутно светилась снегами Хениканжинская долина.

И вдруг над сопками, над вышками, над колючей проволокой лагерной зоны вспыхнуло северное сияние, и всё вокруг превратилось в многоцветный сон.

Замелькали очертания каких-то абстрактных видений и болезненная тоска охватила меня — тоска по утраченным иллюзиям, растоптанным надеждам, опозоренной юности. Под переливами неземного огня страшно смотреть на заснеженные бараки, в которых спали замордованные ээки, на морозную проволоку запретной зоны, на вышку с часовым в тулупе... И вышку, и тулуп, и колючую проволоку забрызгивали цветные капли сияния. Господи боже! Неужели так и надо, чтобы неповинные люди неслышно, покорно сходили в могилу по воле своих палачей? По преступной любви к власти над себе подобными? Я прожил десять лет на положении рабочей скотины, был лишён всего необходимого для самого жалкого существования. А что меня ожидает завтра? Пристрелит какой-нибудь Сагайдак, замёрзну под вспышками северного сияния?

... Я не верю в тебя, Господи, но в образе твоём знаю земную форму моего существования и ты для меня — вечная мечта о бессмертии”.

А. Алдан-Семёнову, имевшему поражение в правах, после отбытия наказания не разрешили выезд из Магадана. Он работал заведующим Домом колхозника, занимался литературой в издательстве “Советская Колыма”. В Магадане вышла в свет его “Северная поэма” под псевдонимом Андрей Игнатьев.

Лилиана Андреевна Алдан

“Я родилась в 1932 г. в Москве, где какое-то время жили мои родители. Отец ещё в молодости взял себе псевдоним “Алдан”. Так записали и меня. Из Москвы мы с мамой вернулись в Алма-Ату, где жили родственники мамы. Этот город стал моей второй родиной. Я очень люблю этот город. Отец остался в Москве. Для отца Казахстан тоже был родным. Он объездил весь Казахстан, был на Байконуре, работал корреспондентом в казахстанских газетах. Здесь он встретил маму. В 1931 г. они поженились. Отец очень любил мою маму, её нельзя было не любить. Она была красивая, добрая, мужественная женщина. Отца забрали в 1938 году. Мне тогда было всего 5 лет. Очень долго мы вообще ничего не знали о нём, затем стали приходить письма. Всё это время мама ждала отца. Работала машинисткой в Горном институте, брала на дом подработку, чтобы иметь возможность помогать отцу. Она посылала ему посылки с самым необходимым в лагере. Жили мы тогда в маленькой комнатке при институте. Маму согревали письма отца. Вот одно из них:

“19 октября 1945 год. Колыма.

Дорогая моя Валентина! Золотая моя Лиличка.

Сегодня я получил ваши письма, и были они для меня несказанной радостью за последние 3 года моей печальной жизни. Я и сейчас хожу в каком-то светлом угаре и всё думаю, думаю о вас, мои дорогие, о свободе, о полной жизни, до которой мне осталось ещё 27 месяцев. 93 месяца моего заключения закончились, осталось немного, но это самое трудное, самое мучительное время для меня. Ах, если б мне удалось пережить 2 долгих колымских зимы, тогда я считал бы себя свободным и был бы уверен, что увижу вас. Увижу синее небо Алма-Аты, вдохну опьяняющий аромат её садов и сам оживу хотя бы ненадолго под ласковыми, любящими вашими взглядами и словами...

... Меня восхищает моя Лиля деловитостью и конкретностью своего письма. В близжащее время я начну писать для неё цикл особых писем, писем от отца к дочери. Это будет поэма моих страданий, поэма грустной и печальной жизни, и пусть дочь хранит эту поэму страданий её отца и постигает своим сердцем и умом, что переживал он в долгие годы своего заключения далеко, далеко на Колымской земле угрюмой и белой от холода, у заполярного круга, в чахло-тайге, где жил он подобно раненому зверю среди диких зверей в человеческом образе, среди бандитов, убийц и воров...

Но я надеюсь, что увижу вас, ибо в сердце моём живут слова:

“Жди меня и я вернусь,

Всем смертям назло”.

Ждите меня, пишите мне, не забывают.

Мой адрес: Хабаровский край,

г. Магадан, прииск имени Будённого

ОЛП “Нижний Омчак”.

Отец посвятил мне стихотворение, в котором был его жизненный девиз:

Если жив ещё —
борись,
Полумёртвый —
продвигайся,
Смерть увидел —
не сдавайся,
А настигнет —
не страшись!

Мне очень нравилось это стихотворение. Эти строки я повторяла всегда, когда мне было трудно.

Когда отец жил на поселении в Магадане, мама ездила к нему. Ей пришлось многое испытать. Она уже была больна, но скрывала от нас. По сути она умирала, у неё был рак. Отец после освобождения вернулся в Казахстан. Мне в ту пору уже было 20 лет. В Алма-Ате ему сразу жить не позволили. Год он жил в Джамбуле. Затем приехал в Алма-Ату, где регулярно ходил отмечаться в комендатуру. Многие литераторы сухо

встретили отца, некоторые отвернулись. Как же — враг народа! Отца не печатали. И только поэт Н. Титов не отвернулся от отца. Они часто встречались, говорили. Знаю, что Николай Ильич даже ходил в ЦК просить за отца. “Ведь он писатель, — говорил он, — больше ничего не умеет делать. Он отсидел положенный срок, реабилитирован. Почему его не печатают?”. И вот только тогда отца стали печатать. В Казахстане вышла его книга “Светлые ночи”. Среди казахстанских литераторов отец был дружен с Муқановым, Есенберлиным, Ановым, Зверевым. У него много переводов казахских литераторов. Отец очень любил меня, ведь я его единственная дочь. Я восхищалась талантом отца. Он был прекрасным стилистом, у него хороший слог. Его и проза, и поэзия трогают душу. Я не унаследовала от отца этот дар. Не зря говорят: “Талант на детях отдыхает”.

Родители собирались переехать во Владимир, я уезжать не хотела. Но случилось страшное: умерла мама. Ей было всего 52 года. Отец поехал в Москву, ему нужно было работать, его книги в основном издавались в Москве. В Москве он женился. Очень долго я об этом не знала. Рассказал мне о женитьбе отца Юрий Домбровский, который совершенно случайно попал ко мне на юбилей. Очень долго я обижалась на отца, что слишком быстро он забыл маму. Только позже я поняла, что ему нужно было закрепиться в Москве.

Я бывала в гостях у отца. Ольга Антоновна, его вторая жена, создала все условия для его работы, и я ей была за это благодарна. Отец писал мне письма, присылал книги, которые выходили в Москве. Когда отец умер, связи с его второй семьёй были утрачены.

Очень обидно, что имя отца почти забыто в Казахстане. Ведь всеми почитаемого Джамбула открыл мой отец. Он первым перевёл его стихи, уже позже Джамбула переводил Павел Кузнецов, но об этом умалчивается. Отец был открытым, никогда не боялся говорить правду в лицо.

25 октября будет 100-летие со дня рождения поэта, писателя Андрея Алдан-Семёнова. Хотелось бы, чтобы об отце вспомнили”.

Москва. В доме писателя

В скромной квартире на Хорошёвском шоссе г. Москвы сейчас проживает вдова Алдан-Семёнова Ольга Антоновна.

На стене портреты героев произведений писателя: Тухачевского, Кирова, Уборевича, Азина, Фрунзе.

Книжный шкаф заполнен книгами самого автора, классикой и дарственными книгами с автографами его современников. На столике пишущая машинка, принадлежавшая Андрею Игнатьевичу.

На встречу с гостьей из Казахстана собрались все: вдова Ольга Антоновна, сын Борис, внук Андрей и его семья. Мой приезд для них был полной неожиданностью, т. к. давненько о писателе никто не вспоминал.

Ольга Алдан

“Это было начало 1959 года. Ю. Домбровский решил пригласить к себе тех, кто сидел в лагерях, в основном на Колыме.

Это были художники, писатели, поэты. Я в то время работала в Доме кино, там была столовая-ресторан, куда приходили и литераторы. Там

я и познакомилась с Ю. Домбровским. На эту встречу Домбровский пригласил и меня. Из присутствующих я знала ещё и Михаила Светлова. Хозяин дома представлял гостей друг другу. Представив Алдана, он сказал, что это человек с Севера, его рассказы о Севере самые лучшие. Разговор был тяжёлым. Люди с трагической судьбой вспоминали годы отсидок, незаслуженные обвинения, друзей, которым так и не удалось вырваться из ледяного плена Колымы. Каким-то притихшим, понурым сидел и слушал их М. Светлов. Потом он сказал: “А что, если бы меня забрали, выжил бы я или нет?”. Ему ответили: “Не знаем, как у тебя бы это получилось”.

Алдан-Семёнов стал рассказывать о пересылочном лагере, где они и встретились с Ю. Домбровским. Затем он стал читать свои стихи. Вот так состоялось наше первое знакомство.

Прошло какое-то время. Домбровский собрался к Б. Пастернаку и М. Львову в Переделкино, у них намечался какой-то вечер, пригласил поехать и меня. Там я вновь встретила Алдан-Семёнова. Ю. Домбровский рассказал мне, что у Алдана трагедия. Умерла жена. Они планировали с семьёй переехать во Владимир. И вот такая беда...

Прошло ещё какое-то время, и вдруг, совершенно неожиданно, Ю. Домбровский вместе с А. Алдан-Семёновым пришли в гости ко мне домой на Красную Пресню. Я снимала небольшую комнатуху. Жили мы вдвоём с сыном Борисом. До сих пор не знаю, как они узнали мой домашний адрес. Ю. Домбровский принёс много конфет, в то время это было роскошью. Сыну предложили сходить в планетарий. Ю. Домбровский рассказал мне, что А. Алдан думает остаться жить в Москве, но его не ставят на писательский учёт. В секретариате ему сказали: “Вы хотите уехать из Казахстана, Вас направили поднимать национальную литературу”. На что А. Алдан-Семёнов ответил: “Но я же связан с Казахстаном, буду работать там”. Ю. Домбровский сообщил, что ему нужно срочно жениться и прописаться в Москве, и, думаю, Юрий избрал мою кандидатуру.

Уже когда мы познакомились ближе, они рассказали мне о своей встрече после освобождения. Писатели случайно встретились в парикмахерской при Доме литераторов. Они так кричали от радости, что всех переполошили. Потом пошли в ресторан, отметить своё возвращение, напились, и их забрали в милицию. Ю. Домбровский с таким юмором рассказывал сцену, как А. Алдан-Семёнов отбивался от милиционера своими рукописями, что от смеха было не удержаться... Когда они были вместе, то даже воспоминания о тяжёлой жизни лагерей не печалили их. Они были полны энергии, новыми творческими замыслами, делились своими мыслями, литературными находками. Ю. Домбровский был прекрасным другом, интересным человеком. Он трагически ушёл из жизни. Судьба была к нему жестока...

Прошло около года после смерти жены А. Алдан-Семёнова. Он часто приходил к нам в дом, а потом мы стали жить вместе на Курбатовском. Прожили мы с ним почти 25 лет.

Когда он пришёл, у него кроме пишущей машинки, книг и его рукописей ничего не было. Это был удивительный человек, он очень много знал, любил поговорить, был прекрасным рассказчиком. Очень любил встречи с людьми, друзьями, молодёжью. Был непоседой. Ю. Домбровский мне

однажды сказал: “Ты его никуда не отпускай, он странник, очень любит ездить по стране. Где он только не бывал. Это его хобби”. И действительно, месяца через три Алдан-Семёнов получил командировку в Магадан от журнала “Огонёк”. Я его проводила на самолёт. Вместе с ним ехали студенты, по-моему, в Находку. На одной из остановок Андрей сдал свои вещи в камеру хранения и провожал студентов. Они стали приглашать его с собой и он бы полетел с ними, но вещи его были далеко. Так бог отвёл его от смерти. Самолёт, в котором улетели студенты, разбился.

Он много работал. При жизни в Москве часто проводились его творческие вечера. Он выступал и вместе с другими писателями. Однажды в Доме учёных был его творческий вечер, и мы с сыном тоже на нём присутствовали. Весь зал встал, приветствуя А. Алдан-Семёнова.

Андрей Игнатьевич очень любил поэзию Павла Васильева, боготворил его, считал лучшим поэтом, несмотря на его выходки. О нём ведь столько слухов ходило. И трудно было понять, где правда, а где наветы. Андрей встречался с ним, интересовался его жизнью, его новыми произведениями. Ведь П. Васильев очень много писал.

Трудолюбивым был и сам Алдан-Семёнов. Он говорил, что если в день им не написано 2 страницы, то этот день прошёл даром. Сначала он написал о Черском, затем о Семёнове-Тян-Шанском. Около 30 лет работал над романом о революции “Красные и белые”.

Он ведь много пережил. Во сне ему часто снились лагеря. Вздрагивал и стонал по ночам. Рассказывал, как был ранен, и его, потерявшего сознание, свалили в морге вместе с мёртвыми. У него была пробита кость. В больнице он пробыл 4 месяца. Умиравшие отдавали ему свои пайки, говорили: “Ты должен выжить и написать о нас”. Среди них были и революционеры.

Вот тогда-то он и задумал писать о революции. Ему не хватало материалов, и мы, уже вдвоём, ездили в Свердловск к Азину. Азин для встречи с Андреем собирал своих друзей, знакомых. Все приходили на встречу с папочками в руках, рассказывали, показывали документы.

Книга “Красные и белые” вышла тиражом в 1 миллион.

Очень много и долго он собирал материал к книге “Барельеф на скале”. Было много вариантов книги. Книгу резали. Приходилось переделывать заново. Убирали самые острые и негативные моменты. Но ему приходилось всё терпеть, иначе книга просто бы не вышла.

Его арестовали по право-троцкистскому блоку. Тогда под этой маркой сажали многих.

Когда мы собирали материал о Колчаке, поехали в Иркутск. Были в тюрьме, которая позже стала музеем Колчака. Мы знали, что его любовница Анна Васильевна не оставляла Колчака до его последних дней.

До этого А. Алдан разыскал в архиве дневник Колчака. Снял с него копии.

Когда мы вернулись в Москву, узнали, что Анна Васильевна жива, живёт на Палихе. Мы разыскали её. Андрей представился, сказал, что писатель и пишет о Колчаке.

Эта женщина отсидела в общей сложности 30 лет. Её сажали и отпускали. Была она женой генерала Тимирёва. Во время нашей встречи ей было за 70, но она была ещё красивой. Особенно выделялись её глаза.

Встретила она нас очень сухо. Но потом, когда Андрей показал ей копии писем, оттаяла. Это был роман в письмах. Она сказала, что этих писем она не получала. Долго плакала. Андрей показал ей наброски о Колчаке, она увидела, что впервые Колчак показан как человек, и стала рассказывать о поезде, о ценностях, которые везли в эшелоне, и о том, что у самого Колчака никаких ценностей не было.

В книгах А. Семёнова — реальные факты, портреты пострадавших. Они любили Россию и пострадали за неё”.

Борис Алдан

“Когда мама вышла замуж за А. Алдана, мне уже было 14 лет.

Помню, Алдан-Семёнов пришёл к нам домой, поговорил со мной и спросил, чего бы я хотел. Я ему ответил: “Часы”. Он снял с руки свои часы и отдал мне: “На, носи! А ещё что хочешь?”. Я сказал, что очень хотел бы научиться фотографировать. Через день он принёс мне фотоаппарат. Мне было легко с ним. Он всегда понимал меня. Я звал его отцом и не только звал, но и считал своим отцом. Я ношу его фамилию.

Он был человек слова.

Несмотря на то, что много испытал, он не сломался, не ожесточился. У него была поэтическая натура. Его поэзия потрясает меня до сих пор. Мне кажется, он был большой поэт.

Отец действительно много путешествовал. Очень любил Север. Прошёл дорогами Черского, Семёнова-Тян-Шанского. Очень любил природу, они часто уезжали вместе с мамой. Она помогала ему, печатала его материалы.

Он был и переводчиком. Казахские поэты должны быть ему благодарны, именно он вывел на орбиту Джамбула. Первым напечатал и перевёл его стихи.

А посадили его по доносу. Он рассказывал мне, что когда жил в Казани, у него была девушка. Однажды она увидела у него книгу Троцкого. Рассказала об этом в редакции. Возможно, его и раньше бы арестовали, но он выехал в Казахстан. Но ареста так и не избежал.

Отец был невыездной. За рубеж его не отпускали. Даже тогда, когда его роман “Красные и белые” перевели на японский язык и его приглашали в Японию, он не смог поехать.

Спустя 3 года после женитьбы, они решили поехать на родину мамы. Купили домик в Сугоново. С 1967 по 1985 г. с мая они жили в этом доме.

Люди относились к нему по-доброму. Он был очень скромным человеком. Любил каши. Может, эта привычка сохранилась ещё с лагерей.

В деревне был маленький родник. Алдан-Семёнов сделал пруд. Подключили технику. В пруду развели рыбу, а затем и рыбачили.

Сначала отец понемногу выпивал, а лет за 12 до смерти он не курил и не пил вообще. Любил чай. Утром попьёт чаю и за машинку. Работал, несмотря на плохое самочувствие.

У него было плохое здоровье. Сначала туберкулез лёгких, затем болезнь желудка. Он перенёс операцию. На третий день уже встал. Был очень терпеливый, молча переносил боль. Когда в последний раз он лежал в больнице, испытывая невероятные боли, медсёстры удивлялись,

как он мужественно переносил боль. Он ещё и шутил до последних дней своей жизни, зная, что ему остались считанные дни. Он очень любил жизнь и хотел жить! Отец редактировал последний сборник стихов уже больной. Это был настоящий труженик.

Такие люди достойны того, чтобы о них помнили”.

Андрей-младший

“Дедушку я хорошо помню. Меня и называли в честь деда — Андрей. Чаще всего мы были в деревне. Дедушка очень любил рыбалку. Учил меня делать грузила, поплавков, мастерить удочки. Каждой пойманной рыбке радовался как ребёнок. Мы ходили собирать грибы. Он был мечтательным и восторженным. Умел удивляться и восхищаться. Очень много читал мне стихов. Водил меня в Дом литераторов. Выпив с друзьями рюмочку коньяка, просил меня не говорить бабушке, обещав купить мне жвачку. Дедушка очень любил деревню. Был в гармонии с природой. Был романтиком. В доме в деревне бывали и писатели, и сельчане. Бывали и представители Калужской администрации. Всех он радушно принимал в своём доме. Был искренне рад гостям. Его уважали как писателя, поэта. Он был одарённым человеком. До сих пор чувствую, как мне его не хватает”.

Я слушала уникальную аудиокассету, подаренную семьёй писателя, с записью голосов А. Алдан-Семёнова и Ю. Домбровского, которые читали свои стихотворения с особым волнением. Это волнение постепенно передавалось и мне. Звучали строки, которые, видимо, волновали и самих авторов, и друзей, неслучайно на этой встрече они читали именно их. Многие из этих стихотворений не были опубликованы...

*Я тенистых аллей не обхаживал,
Каблуком мостовых не топтал,
Хоронил мою молодость заживо
Оймяконский гнилой перевал.
Я бродил по горам Хатаннаха,
На закатах как ржавая медь.
Столько раз цепенел я от страха,
Что давно перестал цепенеть.
Открывал я таёжное олово
И курил отсыревший табак.
Пригибали к снегам мою голову,
Да пригнуть не сумели никак!*

И вдруг я услышала другой голос. Как оказалось, это голос Ю. Домбровского: “Нас немного осталось, переживших самое страшное. Мы пережили миллионы лет неправды, мы пережили миллионы лет насилия. Мы победили только своей правдой”.

Какая она, правда?! У каждого своя, или она всё-таки одна... Работая с архивными материалами, сталкиваешься с документами, воспоминаниями, которые один и тот же факт трактуют по-разному. Поневоле думаешь, кто же прав и где истина.

Работая с материалами А. Алдан-Семёнова, читая его стихотворения, книги, мне рисовался образ человека трагической судьбы,

который прошёл через адские муки, издевательства и унижения, но нашёл в себе силы жить дальше, радоваться жизни. Передо мной встал образ сильного человека, поэта.

*Дано поэту знать и видеть
Дня предстоящего рассвет,
Полёт звезды,
Незримый след
Росы, цветка, чужих страстей,
Причины наших скоростей,
Ещё не сказанные речи...*

*Он должен жизнь взвалить на плечи,
Любить,
Страдать
И ненавидеть!
Не может?..*

Значит, не поэт!

Совершенно случайно мне стало известно, что в Новосибирске вышла в свет книга А.Бирюкова “Жизнь на краю судьбы”, где собраны документы и описаны судьбы репрессированных литераторов, отбывавших свой срок на Колыме. В этой книге упоминается и имя Алдан-Семёнова. Автор приводит факты допросов с участием А. Алдан-Семёнова, которые сыграли трагическую роль в судьбе некоторых заключённых. Когда последняя страница книги была прочитана, у меня опять возник этот вопрос: “Где же правда?”. Очные ставки, допросы. Теперь нам известно, как велись допросы. Не каждый мог выдержать. Даже на себя порой наговаривали, подписывали заведомо подготовленные протоколы, лишь бы избежать побоев, пыток и выжить. Имеем ли право мы кого-то осуждать за слабость и малодушие, за стремление выжить любой ценой? Ведь каждый из осуждённых знал только о себе, считал, что его арестовали по ошибке, а вот другие, может быть, и в самом деле враги народа. Разве могли они сомневаться в решениях власти, самого Сталина? Они ничем не могли доказать свою невиновность, в этом была трагедия всех репрессированных.

А. Бирюков, наверно, тоже много думал над своей книгой, над следственными документами, протоколами и личными воспоминаниями тех, кто прошёл этот путь и выжил. И неслучайно в заключение он написал:

“... Сердце моё, человека, родившегося здесь и связанного всей своей судьбой с этим городом, наполняется болью тех далёких лет, страданием к её мученикам, среди которых были, конечно, и герои, и злодеи — были!

Но все они были, прежде всего, жертвами. И как отделить одних от других, если граница между страданием и злодейством проходила подчас (или чаще всего) не между людьми, а в сердцах самих этих людей, через души, мучающиеся и сегодня (всё ещё!) над тем же, над чем мучаемся и мы. Кого из них я осужу? Кого помилую? Я, взыскующий призрачной истины? Кто дал мне на это право? И разве не искупили они уже своими страданиями, страданиями бессмертной души свой

высоких размышлений о величье, долге, чести, гуманности. Повесть поражает и редким чувством сострадания даже к тем, кто, кажется, этого сострадания и не достоин”.

Разные судьбы, разные характеры героев. Но в каждом произведении А. Алдан-Семёнова главный герой — сильная личность, которая борется со злом, идёт наперекор судьбе.

Главное, что характеризует поэтов и писателей того времени, это любовь к Родине, вера в торжество справедливости, тесная неразрывная связь с народом, с историческим прошлым.

Своими произведениями А. Алдан-Семёнов призывает помнить, через что прошёл простой народ и в годы революции, и в годы гражданской войны, и в страшные годы репрессий, и в годы восстановления народного хозяйства, возрождения страны.

Только память о прошлом, не искажённом, не переписанном в угоду властям, подтверждаемая документами и фактами, а не вымыслом, может создать реальную картину исторического прошлого наших народов и места в этой истории её летописцев.

*Мне говорят: “Постой и оглянись
И посмотри, какие перемены
Вокруг тебя... Какое поколение,
Какая несмолкаемая жизнь...
Сегодняшнему времени дивясь
И покидая поздний свой причал,
Я говорю: “Не разрывайте связь
С источником начала всех начал!”*

**Любовь КАШИНА,
директор Дома-музея Павла Васильева.**

г. Павлодар.

Сергей ГОРБУНОВ

Вершины покоряются упорным

Вместо предисловия

Сколько себя помнит Алмаз Ибрагимов, столько и работает. Как-то так получилось, что в зажиточном посёлке Ананьево, на берегу озера Иссык-Куль, большинство жили сносно. Даже после Отечественной войны. А вот Ибрагимовы не могли похвастаться достатком. Да и откуда, собственно говоря, ему было взяться, если работал один глава семьи, а супруга управлялась по хозяйству да занималась четырьмя малолетними детьми, старшим из которых был Алмаз. Больше полувека прошло, а он помнит, как второклассником, на каникулах, собирал малину в ананьевском государственном плодовом питомнике и получил за эту работу пять рублей. Счастливый, он летел домой, словно стрела, выпущенная из лука. А прибежав, отдал деньги бабушке и строго наказал тому,

чтобы тот пошёл в магазин, купил хлеба, разделил его на всех, а самый большой кусок отдал ему, Алмазу. Для него, ребёнка, хлеб в ту пору был высшей сладостью. И он мечтал насытиться им вволю.

Потом он каждое лето помогал отцу ночами поливать совхозные плантации картофеля. Вместе с ним в строительной бригаде сооружал фундаменты зданий. А когда окончил семь классов дневной школы, то перешёл в вечернюю, чтобы стать подмогой отцу и на стройке, и в обеспечении семьи.

Любить людей больше, чем себя

Ибрагимов проводил селекторное видеосовещание в конференц-зале, а журналисты в ожидании его «кучковались» возле приёмной. Неподалёку от них, тоже кого-то ожидая, стоял высокий, худощавый мужчина, ничем особо не выделявшийся среди присутствующих. Но его-то первым и увидел подошедший Ибрагимов и, простерев руки, пошёл навстречу.

— Володя, — живой и здоровый! — президент павлодарского АО “Алюминий Казахстана” излучал неподдельную радость. — Ты что, уже на работу вышел? — получив от Володи ответ, что тот заканчивает курс восстановления и потом сразу же приступит к своим обязанностям, руководитель акционерного общества сделал протестующий жест.

— Никаких разговоров! Лечись — сколько понадобится. Но я рад, что ты, молодец, одолел болезнь. Приходи, когда поправишься, а сейчас извини — пресса заждалась.

... Когда мы вошли в кабинет, Алмаз Турдуметович, как бы под впечатлением встречи возле приёмной, живо начал рассказывать про то, как Владимир Филонов, механик АО, серьёзно заболел. Когда ситуация стала более чем критической, Ибрагимов распорядился отправить его в столичную клинику и за счёт завода покупать дорогостоящие лекарства (несколько сотен тысяч тенге за ампулу). Благодаря этому Владимир, к радости не только родных, но и президента и других заводчан — был спасён. Это, к слову, не единичный случай, когда предприятие не жалело средств на излечение своих работников.

Столь подробно о встрече главы АО и механика возле приёмной пишу потому, что за свою многолетнюю журналистскую практику повидал немало руководителей различных производств, партийных секретарей и акимов всех рангов. И, смею заверить, что немалая часть их никогда не позволяла и не позволяет себе вот так, как Ибрагимов, не только заключить в объятия подчинённого, но и просто дружески поговорить с теми, кем руководят. Естественно, они общаются с ними и даже могут позволить себе пошутить или “демократично” употребить в беседе витиеватое выражение, но — не переступая незримую дистанцию и не позволяя собеседникам нарушить её. Алмаз Ибрагимов не придерживается таких рамок. Он сегодня может быть с кем-то сама любезность, а завтра, распекая этого человека за промашку в работе, — охарактеризовать его непечатным словом. Чтобы через полчаса, раскаявшись за резкость и не держа обиды, — пригласить провинившегося на чашку чая. А больше для того, чтобы извиниться перед ним за свою горячность.

Есть у президента АО и ещё более неординарные поступки. Как-то в одной из местных газет он прочёл о безномом, спившемся инвалиде, живущем на городском кладбище за счёт подаяний. Вскоре этот человек, обмытый и приодетый, был устроен в пансионат для престарелых и инвалидов, а спустя время, заводчане разыскали его сына, живущего на Украине, и тот забрал отца. В другой раз Алмаз Турдуметович увидел по областному телевидению сюжет, в котором рассказывалось о женщине с детьми, живущими на одном из предприятий Павлодара в каком-то электротехническом помещении, что-то вроде щитовой. Это так поразило Ибрагимова, что, вложив свои деньги и попросив содействия металлургов АО, они купили бездомной семье не только трёхкомнатную квартиру, но и обставили её по-людски мебелью и электробытовыми приборами. И на работу на завод приняли.

Пытаясь уяснить: откуда идут корни такого милосердия, а также равного и ровного обращения с людьми, независимо от их статуса (не путать с панібратством) — напрямую спрашиваю А. Ибрагимова об этом.

— Наверное, оттого, что я в детстве испытал моменты когда порою в семье не было даже хлеба, — ответил он. — Мой отец работал на стройке,

мама была домохозяйкой и воспитывала нас — троих братьев и сестру, среди которых я был старшим. В 13 лет я уже работал наравне со взрослыми. И дальше по жизни шёл, надеясь лишь на свои силы и знания. Что касается мечты, то в детстве мне хотелось быть моряком. Наш родственник служил на флоте и когда он, в красивой форме (в бескозырке и в брюках-клёш) шёл по улице села, я мечтал шагать точно так же. Но в военкомате из нашей группы в морской флот направили лишь двоих, а меня определили в танковую часть. Там я стал замкомандира взвода, кандидатом в члены КПСС. Когда отслужил положенный срок, меня оставляли на сверхсрочную службу, предлагали офицерское звание, но я вернулся домой. Был комсоргом в потребительском кооперативе, затем меня направили секретарём партийной организации в один из колхозов района. К этому времени я уже учился на заочном отделении Ташкентского института народного хозяйства, получил специальность инженера и перешёл на работу механиком. И здесь я осуществил свою вторую мечту. Мальчишкой я завидовал тем, кто сидел за рулём легковой машины. Я представлял себя на их месте и как я мчусь по дорогам на “Москвиче”, а ещё лучше — на “Победе” (была такая машина в СССР). Позже, работая механиком, я купил “Жигули”. Впоследствии у меня были различные автомобили, и сейчас есть джип, который я вожу сам, но первую машину вспоминаю с благодарностью. У меня даже одно время автомобильное хобби появилось — коллекционировать машины прежних лет. Но потом я оставил это занятие — оно требует много времени и больших денег.

... Спрашиваю Ибрагимова о том, как он, инженер-механик, стал металлургом?

— Когда началась перестройка, меня пригласили в коммерческую структуру, — ответил он. — В 1994 году, после того как я прошёл обучение во Всесоюзном алюминиево-магниево-институте, направили в Павлодар, на алюминиевый завод вице-президентом, а впоследствии я стал его генеральным директором. Но с первых дней прихода сюда я учился у опытных металлургов и сейчас учусь и не стесняюсь спрашивать то, чего не знаю, так как металлургия развивается и совершенствуется. Естественно, я читаю специальную литературу. Я за всё благодарен коллективу завода. Руководя им, я всегда помнил и помню своё детство, свой труд, желание сделать лучше и добиться той или иной цели, что помогало мне подниматься по служебной лестнице, не имея в верхах покровителей. Поэтому, испытав невзгоды, я жалею людей. К тому же я — руководитель и обязан заботиться о подчинённых. Да и как я могу плохо относиться к коллективу АО “Алюминий Казахстана”, если мы вместе прошли через трудности модернизации этого производства и строительство электролизного завода! Людей надо любить больше, чем себя, и они в долгу не останутся.

У истоков крылатого металла

Павлодарский алюминиевый завод всегда был флагманом отрасли и по выработке продукции, и по внедрению новых технологий. Но когда начался распад прежней экономики и зарождение рыночной, то оказалось, что вчерашние критерии производства ведут предприятие к

банкротству. И чуть не привели. И тогда Ибрагимов, ставший к этому времени генеральным директором, поставил задачу перекрыть проектные мощности завода. Они равнялись 1 миллиону 34 тысячам тонн глинозёма в год. Задача вроде простая, но она потребовала в первую очередь ломки стереотипов и психологии многих работников. И в равной степени — модернизации производства, в которую было вложено 266 миллионов долларов США. В итоге, ежегодно наращивая мощности, коллектив в 2005 году достиг отметки 1,5 миллиона тонн глинозёма в год. Но это была лишь одна сторона победы.

— Едва мы начали поднимать завод, как возникла ещё одна проблема, — вспоминает Алмаз Турдуметович. — Выяснилось, что иссякают залежи бокситов, которыми завод пользовался прошедшие годы. Срочно там же, в Костанайской области, были разведаны новые запасы сырья. Но в них оказалось меньшее содержание алюминия, вдобавок имелись органические и другие примеси. Так как по прежней технологии не представлялось возможным работать, мы обратились за поддержкой к учёным Канады и России. Они, поэкспериментировав с новыми бокситами более года, не смогли помочь нам и предложить новую технологию. Ситуация — хуже некуда. И тогда мы решили сами поискать выход из положения. Он был найден специалистами нашего научно-исследовательского центра, инженерами и рабочими, которые через два года проб и ошибок, анализа малейшего успеха разработали технологию получения глинозёма из низкосортных бокситов, которые во всём мире выбрасывают в отвал как пустую породу.

... Эта разработка была предложена на соискание Государственной премии республики, но ни тогда, ни позже — её не оценили по достоинству, хотя она принесла государству миллиарды тенге прибыли и в мире ей нет равных. Касательно АО «Алюминий Казахстана», новация позволила не только достичь годовой выработки в 1,5 миллиона тонн глинозёма, но и поставить до 2010 года новый рубеж — 1,8 миллиона тонн этого полуфабриката алюминия. А на очереди новый ориентир — 2 миллиона тонн глинозёма в год.

Но у Ибрагимова так не бывает, чтобы он, закончив какое-либо дело, прохлаждался в ожидании нового. Они у него наслаиваются друг на друга, усложняя технологическую цепочку и выводя её на более высокий уровень. Так получилось с павлодарским электролизным заводом. Идея о собственном казахстанском алюминии, предложенная Президентом РК Нурсултаном Назарбаевым, повела отсчёт времени с 7 июня 1997 года. Тогда на территории алюминиевого завода глава государства заложил капсулу, символизирующую старт строительства этого производства. Но лишь в 2005 году на площадке за Павлодаром монтажники и бетонщики приступили к укладке бетона в фундаменты цеха электролиза. (Административно-бытовой корпус и ряд вспомогательных цехов и сооружений уже были возведены. — **С. Г.**) И здесь вновь сделаю оговорку. В годы спада экономики Казахстана многие строительные тресты, управления и предприятия стройиндустрии стали банкротами. Их работники сменили место и характер деятельности. То есть, когда начали сооружать электролизный завод, оказалось, что квалифицированных строителей можно перечислить по пальцам. А те, кто пришёл, привлечённый перспективой и стабильным высоким заработком,

— имели низкую квалификацию или вообще смутное представление о стройке. Не удивительно, что её залихорадило и начали срывать графики выполнения работ. И тогда вышестоящее руководство утвердило президента АО “Алюминий Казахстана” Алмаза Ибрагимова (зная, что на руководимом им предприятии ещё непочатый край реформаций) дополнительно президентом АО “Казахстанский электролизный завод”. Такого совмещения не только должностей, но и объёмов производства и меры ответственности нет ни в одной стране СНГ.

... Накануне ввода пускового комплекса первой очереди завода я брал интервью у Алмаза Турдуметовича и спросил его: как он решился “тянуть два воза”?

— Я только сейчас понял, на что дал согласие, — ответил он. — Пришлось не только учить людей, но и самому постигать тонкости строительства электролизного завода и его технологии. (Он до сих пор штудирует техническую литературу по металлургии, постигая её тонкости. — С. Г.). Конечно, приходилось всё контролировать, чтобы не допустить переделок и срыва графиков. (Ибрагимов даже ночью приезжал на стройплощадку с проверками. — С. Г.). Очень мне помогли специалисты АО “Алюминий Казахстана”, его работники, которые участвовали в возведении завода. Темп был такой, что рабочие и инженеры одной иностранной фирмы (не стану её называть), монтирующие своё оборудование, “взбунтовались”. Дескать, мы не привыкли работать с такой скоростью и напряжением. Тогда я сказал нашим строителям, а также будущим эксплуатационникам, чтобы они надеялись только на себя. Что должны досрочно запустить первый этап производства и тем самым утереть нос иностранцам, которые считают, что Казахстан и его люди без них не обойдутся.

... Это было достигнуто. Тогда, в ходе интервью, А. Ибрагимов сказал (за несколько месяцев до начала события), что 1 сентября первый электролизер (объёмные ванны, где выплавляют алюминий) будет поставлен под загрузку, то есть разогрев. И так по очереди все 72 электролизера. Данный график был опережён на несколько дней. А 12 декабря 2007 года, почти на год раньше нормативного срока, пусковой комплекс первой очереди по выплавке 62,5 тысячи тонн алюминия в год вступил в строй. И тогда же президент двух АО сказал, что в 2009 году, вместо 2012, “Казахстанский электролизный завод” выйдет на проектную мощность — 250 тысяч тонн алюминия в слитках.

Покой только снится

Остались позади 27 месяцев напряжённых строительных баталий на объектах электролизного завода, подготовка к пуску первенца крылатого металла Казахстана и встреча Президента страны, приехавшего принимать своё детище. Алмаз Турдуметович стоял рядом с Нурсултаном Абишевичем на импровизированной трибуне в электролизном цехе, слушал его выступление, но всё воспринимал как-то отрешённо.

— Поверьте, на меня напала такая усталость, что я смутно помню, как Президент Казахстана поздравлял нас, а затем вручил ордена и медали, в том числе и мне орден “Отан”, — говорит А. Ибрагимов. — Я всё время жил в напряжении, то есть был в привычной форме, а тут

вроде как всё это позади. А я не могу так. Меня как-то отправили на отдых в Карловы Вары, так я там через неделю от тоски и безделья волком готов был быть. Вот поэтому и стресс был на торжестве. После, на банкете, мне предложили за успех выпить полстакана водки. Я вообще равнодушен к спиртному. Но тут поддался уговору и выпил. Те, кто знал, что я непьющий, думали, что вмиг опьянею, а у меня — полнейшая трезвость от непрошедшего напряжения. А ещё была радость, что я сдержал слово и не подвёл акционеров. А главное — своих детей, которым не придётся за меня краснеть.

— Но сейчас всё позади и вы можете дать нервам и сердцу отдых, — говорю А. Ибрагимову.

— Какой отдых, когда на очереди новые стройки! — отпарировал он. — Заканчивается подготовка документации, и в этом году мы начнём строить в поселке Карасор нашей области завод кальцинированной соды мощностью 400 тысяч тонн продукции в год. Половина этого объёма, в качестве пищевой соды, пойдёт на нужды населения и казахстанских производств, а остальная — в наши технологии. Первый пусковой комплекс мы должны ввести в 2009 году, а в 2011 — выйти на проектную мощность. Будем сооружать для электролизного завода и мощности по изготовлению анодов. Это тоже первоочередной объект. А там, в перспективе, скорее всего, строительство на другой площадке ещё одного электролизного завода. Вот так, — смеётся, — буду идти от стройки к стройке. А когда состарюсь и устану, то передам бразды правления преемнику, а себе, — вновь смеётся, — оставляю для руководства АО «Алюминий Казахстана», с которым и с его людьми сроднился. И это — не высокопарные слова, а — правда.

— Ну всё же, Алмаз Турдуметович, не всё же время вы в работе, — «наседаю» на президента двух АО. — Есть, наверное, какие-то увлечения в часы отдыха?

— Есть, — соглашается он. — Очень люблю книги. Читаю всё, без разбора, лишь бы было интересно и познавательно, но — кроме современных пустых и накрученных детективов. Поэтому периодически приезжаю в книжный магазин и стопками покупаю новинки, которые мне откладывают. Также с детства люблю спорт, и сам занимался многими видами. Поэтому охотно смотрю по телевизору бокс и восточные единоборства, но только когда ведётся честный бой. Не приемлю, когда в ходе поединка, хотя это и по правилам, соперник бьёт лежащего. Нравятся мне и передачи «Дискавери». А главное у меня хобби — ходить пешком. Это мне врачи прописали, чтобы укреплять сердце. (Президент двух АО перенёс на нём операцию, и теперь регулярно, в любую погоду, ходит пешком от АО «Алюминий Казахстана» до электролизного завода, между которыми 6 километров. — С. Г.). Бывает, что и кого-либо из специалистов, нужных мне в данный момент, прихватываю на эти «прогулки». Для пользы, — смеётся Ибрагимов, — их же здоровья.

... Вот такой он, Алмаз Ибрагимов. Упорный в выполнении поставленной ему задачи или той, которую определил сам. Здесь он не даёт поблажек ни себе, ни другим. Ценит в людях порядочность, обязательность и доброту. Поэтому-то близких друзей у него не так уж много. Но те, что есть — проверены временем и надёжностью. И сам он такой. И когда я выпытал у него факт, когда его предали те, кого он возвысил и

кому верил, то об этом Ибрагимов рассказывал нехотя и как-то даже стыдливо, вроде вина себя за то, что не разглядел натуры этих людей. Что касается своей персоны, то Алмаз Турдуметович знает о том, что в работе и в общении он порою — не ангел из-за своей горячности. Но очень переживает, когда ненароком обидит кого-либо и тут же (готов даже позвать пить чай) старается исправить оплошность. Всё это — причины и следствие его повышенной обязательности и ответственности. А также неимоверной работоспособности. Когда Ибрагимову за такое отношение к делу вручают очередную награду — он расценивает её как аванс того, что он ещё может и должен сделать.

От автора. Очерк был закончен в те дни, когда отголоски мирового экономического кризиса докатились до Казахстана. Не миновали они и АО “Алюминий Казахстана” и “Казахстанский электролизный завод”, чья продукция, как и родственных предприятий других стран, оказалась не востребованной. Над коллективами нависла угроза увольнений и сокращения заработной платы, что выбивало металлургов из привычной колеи. И тогда Алмаз Ибрагимов собрал митинг, на котором заверил людей, что будет стараться сохранить всех и не станет покушаться на их зарплату (разве что отменит премиальные, так как время — тяжёлое). И в знак солидарности со своими работниками, а также экономия средства для АО, Ибрагимов и ещё ряд руководителей высшего звена наполовину срезали себе оклады на период спада производства. Этого их никто не просил делать.

г. Павлодар.

Армен ЗУРАБОВ

ВСПОМНИТЕ, КТО ВЫ...

*Да подумайте все вы, от высших до низших
участников убийств, подумайте о том, кто вы,
и перестаньте делать то, что делаете.
Перестаньте — не для себя, не для своей личности,
и не для людей, не для того, чтобы люди перестали
осуждать вас, но для своей души, для того Бога,
который, как вы ни заглушаете Его, живёт в вас.*

Л. Толстой “Не могу молчать”

1

Владимир Соловьёв в своих “Духовных основах жизни” так определил отличие человека от “Остальной природы”: “Два близких между собой желания, как два невидимых крыла, поднимают душу человеческую над остальной природою: желание бессмертия и желание правды, или нравственного совершенства... Двум великим желаниям — бессмертия и правды — противостоят два великих факта: неизбежное владычество смерти над всякою плотью и несокрушимое господство греха над всякою душою”.

Четыреста лет назад средневековый армянский поэт Григор Ахтамарци об этом сказал так: “Вечно телом душа стеснена”.

В последней книге Толстого “Путь жизни”, законченной за месяц до смерти и ставшей его завещанием человечеству, есть такие слова: “Тело — это стены, ограничивающие дух и мешающие ему быть свободным. Дух не переставая старается раздвинуть эти стены, и вся жизнь разумного человека состоит в раздвижении этих стен, в освобождении духа от плена тела. Смерть совсем освобождает и поэтому смерть не только не страшна, но радостна для человека, живущего истинной жизнью”.

Известен (из “Разговоров” Платона) ответ умирающего Сократа на вопрос его удивлённых учеников — почему он радуется? “Если вы вникните в моё положение, — ответил Сократ, — то вы, наверно, поймёте, что человек, всю жизнь стремившийся к покорению своих страстей, в чём препятствовало ему его тело, не может не радоваться освобождению своему от него”.

**Армен
Арамович
ЗУРАБОВ**

— прозаик, драматург, режиссёр, член Союза писателей и Союза кинематографистов России, автор сборника рассказов, известной телефильмы “Лиса”, романа “Тетрадь для домашних занятий” (в 1984 году опубликован в “Новом мире”) и снятого по нему на ЦТ трёхсерийного телеспектакля “Монолог Камо”, фильмов “Обвал”, “Рождение”, “Пять писем прощания”, “Трюк Синадо”, “Песни песней” и др.

Закончил институт инженеров железнодорожного транспорта, заочное отделение Литературного института имени М. Горького и Высшие режиссёрско-сценарные курсы при Союзе кинематографистов. В связи со своей первой профессией инженера-мостовика работал на Кубани, Волге, Урале, в Сибири. Живёт в Москве. В “Ниве” выступает впервые.

В Древнем Египте посвящение в жрецы длилось двадцать два года и содержало целый ряд тяжелейших испытаний — и это был всё тот же путь освобождения души.

Каждому пришедшему в этот мир открыт путь освобождения — через испытания, которые ему неизбежно предстоит пройти. В этом смысле жизнь человека — всегда, как писал Толстой, “обтачивание души”. (Однажды Толстой наблюдал, как выскочивший из лавки мясник стал точить огромный нож об камне тротуара, и ему пришла мысль о том, что жизнь — это точильный камень, о который, обтачиваясь и утончаясь, бьётся наша душа).

Стремление обеспечить своё пребывание на земле богатством и властью (если это стремление — цель жизни) — всё та же забота о теле, лишённая смысла хотя бы потому, что начиная с рождения, путь тела — приближение к смерти, и тогда жизнь сводится к заботе о том, что неминуемо умрёт. Стремление к богатству и власти лишено смысла ещё и потому, что не только не помогает, но и прямо противостоит человеку в том главном, что его отличает от остальной природы — его великим желаниям бессмертия и правды. Как говорит Мефистофель у Гёте:

*“И если благ земных нам удалось добиться,
То блага высшие относим мы к мечтам”.*

Блага земные вполне конкретны и доступны любому живому существу. В конечном итоге они сводятся к элементарному инстинкту выживания или — что почти то же — к не менее элементарному человеческому эгоизму.

Блага высшие, даже воплощённые в жизни великих мудрецов (пророков, философов, юристов, поэтов — всех кого принято называть “не от мира сего”), во все времена выводились за рамки нормальной жизни, воспринимались как исключение из земных правил и в лучшем случае удостоивались снисходительного почитания — как почитаются в наши дни заповеди священных книг, которым, однако, никто не следует.

Но именно эти заповеди лежат в основе высших благ и являют одну простую истину — суть её сводится к извечной (данной Богом) необходимости друг в друге всех форм жизни, которая и обеспечивает целостность мира.

У людей эта необходимость обретает своё высшее проявление и называется любовью.

Но если нерасторжимость бесчисленных связей в мире животных и растений — и, прежде всего, тех, что питают их, то есть дают “перевосплащаться” друг в друга — обеспечена инстинктом выживания, то в мире людей единство их доверено, наоборот, способности человека преодолеть инстинкт выживания (страх смерти как единственный стимул жизни) и тем самым освободить себя для Любви.

Толстой в любви ко всему живому видел суть религии, т.е. путь к Богу. Альберт Швейцер в итоге своих жизненных исканий определил Истину как *благоговение перед жизнью*. Мудрецы разных времён учили, что любовь и есть то, что связывает всё в мире и делает его единым. И тогда нарушение этого закона любви, или, как его называл Кант, нравственного закона, естественно, должно привести и к нарушению целостности мира. Но в трагедиях нарушенной гармонии (революциях, войнах, эпидемиях) возникает и всеобщая очистительная жертва, которая вновь устремляет к Любви как единственному спасению — мир снова обретает целостность и закон торжествует.

Впрочем, закон на то и закон, что его нельзя нарушить, и он торжествует и тогда, когда мир, не сумевший вернуться к Любви (упустивший

время, когда это ещё было возможно), погибает. Так было с Древним Римом, погрязшим в пороках. Так захлебнулся в своём организованном человеконенавистничестве фашизм. Такова первопричина библейского всемирного потопа.

2

Похоже, что целостность мира и сегодня уже невозстановима за счёт спасительного исторического катарсиса. Сегодня результаты нарушений нравственного закона за последние полвека — прежде всего в надвигающейся экологической катастрофе (не говоря уже о социальных, национальных, религиозных и прочих войнах) — ведут только к гибели. Всеобщая искупительная жертва сегодня запоздала уже не для одной страны или народа, а для всего мира.

Предотвратить сегодня всемирный потоп (выражаясь языком Библии) может только то, что могло спасти в своё время и Древний Рим и другие исчезнувшие цивилизации: *осознание нравственного закона как единственного условия сохранения жизни.*

Надежда на эту иллюзию питается не только отчаяньем, но и той ставшей *впервые* наглядной взаимозависимостью народов и людей, которая позволяет всерьёз думать о возможности их общих усилий перед лицом общей беды. Усилия эти могут сегодня иметь только одну цель: признать, наконец, абсолютную власть над собой и над всей жизнью на земле и во всей вселенной того неумолимого закона любви, которому всегда эта власть принадлежала.

К этому признанию вот уже несколько тысячелетий направлены все церковные учения, но проповедуя почти одинаковые во всех учениях заповеди любви, сами церкви борются друг с другом с непримиримостью, которая нередко приводит и приводит и в наши дни к так называемым религиозным войнам (может ли быть большая нелепость?) — войнам, в которых обе стороны идут убивать друг друга, призывая на помощь единого Бога. “До тех пор, пока я не увижу того, чтобы соблюдалось важнейшее правило Христа — любовь к врагам, — писал Лессинг, — до тех пор я не поверю в то, что те, кто называют себя христианами, действительно христиане”.

Не в силах восстановить нарушенную гармонию сегодняшнего мира и наука. Её грандиозные открытия на протяжении веков и особенно — последних десятилетий — парадоксальным образом вооружили не разум, а всё тот же животный инстинкт выживания, и душа современного человека оказалась ещё больше “стиснутой” могучим цивилизованным телом. Наука сегодня разве только ещё раз напомнила о том, что любому, самому высокому научному познанию должно предшествовать осмысление жизни как пути к преодолению “владычества смерти” и “господства греха над душой”. В противном случае достижения даже великих учёных только в десятки и в тысячи раз увеличивают последствия нарушенного нравственного закона.

3

В “Пути жизни” Толстого приведены слова немецкого религиозного поэта семнадцатого века Ангелиуса Силезиуса: “Чем больше ты из себя выходишь, тем больше входит в тебя Бог”.

В учении почти нашего современника, индийского философа Кришнамурти это место для Бога освобождается в результате сознательного

вытеснения всего дурного ежедневной (или точнее ежевечерней — после прожитого дня) исповедью перед самим собой: в чём за день солгал, струсил, проявил корыстность, предпочёл заботу о себе заботе о другом и так далее, т. е. был не тем, кем задумал тебя Бог. И тогда в освобождающиеся извилины непостижимого душевного лабиринта постепенно сами просачиваются ручейки любви — и так в каждой душе у любви свой путь.

Но чтоб вступить на этот путь, надо знать, чего в себе должно стыдиться. Зрелая, проснувшаяся душа слышит это в голосе совести. Пробудить душу до способности доверять голосу совести — это и есть первая ступень нравственного воспитания.

Известно, что цель жизни — совершенствование, а самый надёжный путь к этой цели — через страдания, сопутствующие человеку во всех его жизненных испытаниях. Они растворяют в душе всё мелкое и суетное и, как писал Флобер, то, что раньше заполняло душу до краёв, остаётся где-то на дне её. (И тогда тоже освобождается место для Бога).

Но путь совершенствования души (или путь познания) не ограничен пределами земных условий. Он продолжается и в самостоятельных — независимых от испытаний тела — более тонких испытаниях самой души в её вечном устремлении к идеалу, который (как на картине Эль Греко “Святой Себастьян”) всегда выше протянутых к нему рук.

В “Письмах незнакомке” Андре Моруа есть такое определение воспитания: “Воспитывать ребёнка — значит делать его ум и нрав возвышеннее, значит вести его к нравственным вершинам. Для этого нужны проводники, привыкшие к *большим высотам*, иначе говоря, поэты”.

Библейское томление духа по высотам дано каждому, но только поэт, следуя призыву этого томления, предпочитает мучительное восхождение к вершине благополучному рабству у её подножия. Поэт (будем так называть всех, кто делает явной недоступную для постижения умом тайну искусства) восходит к последней границе “земного плена” и там, как ненужную уже одежду, сбрасывает с себя гордыню и самолюбие — эти регалии земного тела, неотрывные от него там, внизу, у подножия — и тогда становится видным открывающийся под ними мир души, в котором каждый узнаёт то, что происходит и в его душе.

И так, преодолев, может быть, самое трудное испытание в своём единоборстве с земной судьбой — и испытание одиночеством — человек узнаёт, что он — не отдельный (отделённый телом от других), самостоятельный, недоступный для понимания извне, замкнутый на себе мир, а всего лишь часть единого мира и, как часть этого мира, зависит от него и поэтому, прежде всего, должен заботиться о том, чтоб мир этот не был разрушен.

Этим открытием человек обязан Поэту не только потому, что следуя за ним на большие высоты, обретает возможность видеть сверху то, чего нельзя было увидеть снизу, но и потому, что в самом восхождении (исключающем какую-либо выгоду для тела) душа его постепенно привыкает к высотам и расширяется, обретая всё большую свободу от власти греха и смерти.

4

Восхождение к границам земного плена (в музыке, литературе, живописи и в других искусствах) — тот же путь познания, что и в так называемой реальной жизни, но если в реальной жизни в него неминуемо вовлечён

каждый, кто пришёл в этот мир и тем призван к неотвратимому отныне выбору между добром и злом (между любовью ко всему живому и любовью к самому себе), то мир поэзии открыт тому, кто сам идёт за высоким проводником. Иначе говоря, на этой ступени познания (с которой, собственно, и начинается человек) Бог посылает на землю своих адептов — поэтов, и они в жертвенной причастности к страданиям людей ведут их дальше, вверх, в мир, который принято называть духовным и который не подвластен автоматическому механизму жизни остальной природы.

У поэта Зинаиды Миркиной есть такое определение процесса познания в духовном мире (она называет это “познание сердцем”): “Сердце знает особым образом — вмещая. Только вмещая внутрь себя, оно узнаёт. Глаза, ухо, рот могут заметить, отведать — и всё-таки остаться жить отдельно от познаваемого предмета. Сердце, чтобы действительно понять, должно слиться с познаваемым, не чувствовать себя отдельно от него. А это можно только в любви. А работа любви есть великая работа расширения и углубления сердца”.

Чтобы вести к постижению закона любви, Бог создал и создаёт всё время ту беспредельность испытывающих нас обстоятельств, которую мы зовём жизнью. Поэт, как и Бог, — следуя воле Бога — ведёт к дальнейшему постижению закона любви тоже через жизнь, которую создаёт. Бог создаёт из бесконечного многообразия всей видимой и невидимой материи, Поэт — только из той её части, которая являет энергию чувств и мысли, или, как называют её сегодня, психической энергии. (У оккультистов есть приближающий к этому понятию термин “тонкая материя”). Воплощённая на физическом плане в звуке, цвете, слове эта энергия выявляет невидимую жизнь души — другого способа выявить эту жизнь нет.

И как ни парадоксально, слово, недоступное восприятию через органы чувств, приобщает к этой невидимой жизни *яснее*, чем делает это музыка, воспринимаемая слухом, или живопись, воспринимаемая зрением. Слово, сочетающее в почти мистических — обращённых *непосредственно* к высшему разуму — знаках энергию чувств и тончайшую конкретность мысли, полнее всех других искусств вовлекает душу в очищающие её испытания. Пусть — всего лишь на короткий срок прочтения книги (а так ли уж долгод срок реальной жизни?), но само очищение здесь совершается без неизбежных в реальной жизни потерь на заботу о собственном физическом существовании, и эта стерильность познания не ограничивает, а наоборот, создаёт полноту вхождения во внутренний мир. Вступая в книгу, в этот, тебе одному открывающийся — без посредников и свидетелей — мир, живёшь *только* внутренней жизнью.

Душа, на время освобождённая из земного тела, обретает в этом мире не менее реальное “тело слов” — то тонкое тело, которое необходимо для её дальнейшего возвышения. (Ей нужны более тонкие “точильные камни”). Иначе говоря, в жизни на больших высотах человек живёт не менее реально, чем в своей телесной жизни. И в этой высшей жизни, как и в её земном предуготовлении, нет и не может быть правил для всех — у каждого свой путь и прохождение его во всех мельчайших обстоятельствах (вызывающих усилия души) и здесь есть единственный путь познания. Вероятно, поэтому, когда Толстого спросили, о чём его “Анна Каренина”, он ответил, что она о том, о чём в ней каждое слово — от первого слова и до последнего.

В то же время книге предпослан эпиграф, определяющий её конкретный смысл: “Мне отмщение и аз воздам”. Впрочем, так ли уж конкретно отнесён он к “Анне Карениной”? Не есть ли это вообще формула восстановления нравственного закона, которая в полной мере относится к каждому, кто его нарушил. Может быть, с вершины, на которой сам Толстой в грандиозном восхождении своей жизни к тому времени оказался, виден ему стал уже только этот, последний и общий для всех отрезок пути, который неизбежно, по мере приближения к вершине, соединял все пути, ведущие от подножья. Может быть, в этом эпиграфе один из последних взглядов Толстого на собственный пройденный путь, который потом вообще перестал его интересовать, и он говорил уже только о том, что ему открылось с вершины, и это было то, что говорили пророки и мудрецы всех времён, потому что с вершины всем открывается один и тот же мир всеобщей любви — мир, по которому “томятся” и которого тщетно ищут те, кто остаётся у подножья, не веря в свои силы или не желая по лености души “напрячься”, чтоб начать восхождение. (Цветаева писала больному туберкулёзом поэту Штайгеру: “Мне всё равно, сколько вы можете поднять, мне важно, сколько вы можете напрячься”).

Пробудить людей к желанию подняться на Вершину и вести к ней более интенсивно, чем это делает сама жизнь, — призвание Поэта. Изменяющий этому призыванию изменяет Богу, доверившему ему роль сотворца. Он перестаёт быть поэтом и превращает Искусство в развлечение у подножия жизни, внушая себе и другим, что вершины у жизни нет.

5

Истинный Поэт — тот, кто верит в реальность Вершины и ведёт к ней. Вера поэта часто не осознаётся им самим, но уже выстрадавшая им (может быть, в прошлых жизнях, как утверждают индуисты) освобождённая душа достаточна, чтоб он доверился её устремлениям. А свободная душа всегда ведёт к Богу — к постижению нравственного закона.

Кант считал нравственный закон наравне со “звёздным небом” единственной реальностью мира. Эта реальность выявлена в творениях всех истинных поэтов и, прежде всего, в образах, воплощённых в слове. Без их таинственной нематериальности нельзя представить даже современный материальный мир, как нельзя представить его без Арарата, Европы или Тихого океана.

Из века в век, поколению за поколением, каждый раз заново эти образы неумоимо напоминают о реальности закона Любви и показывают его *живое действие* в человеческих страданиях и страстях: в муках неотвратимого саморазоблачения искупает древний Эдип последствия нарушенного его отцом закона гостеприимства и тем спасает от гибели свой народ; неистребимое томление по любви и свободе в “суете сует” невидимой жизни невидимых “маленьких людей” обнаруживают рассказы и пьесы Чехова; вечно странствует готовый умереть за освобождение мира от зла великий Дон Кихот; не защищённый от мира ничем, кроме своего “безумия”, обречённый на смерть, берётся восстановить разорванную убийством “цепь времён” Гамлет; с величавой бесстрастностью расставляет человечество “по полкам” своего Ада — по степени нарушения нравственного закона — Данте; вечный Фауст повторяет свою жизнь для поиска так

и не найденного в первой жизни высшего смысла и находит его в служении людям, для которых осушает болото; всё мировое зло (в образе русской гражданской войны), вставшее на путях Аксиньи и Григория, оказывается бессильным перед их любовью — в преодолении испытаний Любовь вызревает от первой животной страсти до подвига самопожертвования и ещё раз подтверждает, что была и остаётся наравне со звёздным небом — единственной реальностью мира...

Толстой в своём предисловии к русскому изданию рассказов Мопассана писал о нравственном чувстве как единственном критерии художественности. Толстой считал, что цель искусства — *нравственное воспитание*, ведущее к объединению всех людей и народов.

Андре Моруа в «Письмах незнакомке» представил образ культурного человека: «Быть культурным — значит изучить как следует произведения великих писателей, проникнуться духом их творчества, сродниться с ними».

Значению искусства в современном мире посвятил свою нобелевскую лекцию Иосиф Бродский. Вот несколько выдержек из неё: «Чем богаче эстетический опыт индивидуума, чем твёрже его вкус, тем чётче его нравственный выбор, тем он свободнее... Именно в этом, скорее прикладном, чем платоническом смысле следует понимать замечание Достоевского, что «красота спасёт мир», или высказывание Мэтью Арнольда, что «нас спасёт поэзия»... Как система нравственного, по крайней мере, страхования, она (литература) куда более эффективна, нежели та или иная система верований или философская доктрина. Потому что не может быть законов, защищающих нас от самих себя, ни один уголовный кодекс не предусматривает наказаний за преступления против литературы. И среди преступлений этих наиболее тяжким является не преследование авторов, не цензурные ограничения, не предание книг костру... Существует преступление более тяжкое — пренебрежение книгами, их *не-чтение*. За преступление это человек расплачивается всей своей жизнью; если же преступление это совершает нация — она платит за это своей историей... Для человека, начитавшегося Диккенса, выстрелить в себе подобного во имя какой бы то ни было идеи затруднительней, чем для человека, Диккенса не читавшего. И я говорю именно о чтении Диккенса, Стендаля, Достоевского, Бальзака, Мелвилла и т. д., т. е. *литературы*, а не о грамотности — не об образовании. Грамотный-то, образованный-то человек вполне может, тот или иной политический трактат прочтя, убить себе подобного и даже испытать при этом восторг убеждения».

6

В молодости был у меня такой случай: в силу обстоятельств моей тогда скитальческой инженерной профессии, я как-то провёл вечер и ночь в доме незнакомому мне до этого железнодорожного ревизора. Самого хозяина дома не было и, уложив меня спать в комнате, смежной с его комнатой, сын предупредил, что отец возвращается с работы поздно и ещё долго потом не спит (чтоб меня не смущал свет в его комнате).

Он действительно пришёл поздно. Я уже начинал засыпать, но услышал его осторожные шаги, когда он проходил мимо меня, а потом долго ждал, когда исчезнет полоска света из-под двери его комнаты, но так и не дождался и заснул.

Проснулся я утром, когда его уже не было дома. Мне объяснили, что уходит он на работу рано, потому что до начала рабочего дня должен отчитаться за вчерашний день. Я не удержался и спросил, почему так долго горел ночью в его комнате свет, и сын (он, как и я, был инженером-мостовиком), усмехнувшись, молча провёл меня в комнату отца и показал книгу, которая оказалась томиком стихотворений Пушкина. "Он всегда читает Пушкина, — сказал сын. — Он считает, что Пушкин помогает ему работать".

Он проверял билеты у пассажиров пригородных поездов.

Как-то спросили Паустовского, что изменилось в мире от того, что есть литература? "Мы не знаем, что стало бы с миром, если бы её не было", — ответил Паустовский.

Отношение к литературе как к предмету "практически бесполезному", скорее всего, объясняется отсутствием видимых во внешнем мире результатов её воздействия. Между тем "*подлинный* внешний мир, — как писал Моруа, — это подлинный внутренний мир". В "*подлинной*" внешней жизни человек живёт не ради себя, а "ради своей страны, ради женщины, ради творчества, ради голодающих или гонимых". То есть, в соответствии с законом любви.

Литература открывает путь в подлинный внутренний мир, от которого зависит подлинный внешний, а значит — и предотвращение трагической судьбы этого внешнего мира сегодня. И если с кем-либо и может литература разделить свою спасительную миссию, то только с остальными искусствами. Бах, Моцарт, Чайковский, Рафаэль, Рембрандт, Врубель, Чаплин, Феллини и другие великие единоверцы великих писателей могут тоже уже с детства войти в жизнь человека и *практически* определить его будущее.

И всё-таки сделать объектом познания (и ещё в школе!) невидимый внутренний мир человека — задача, в полной мере и прежде всего доступная литературе. И не только потому, что литература наиболее ясно и конкретно вводит в этот мир, но и потому, что мир этот она воплощает в слове — том самом Слове, которое "было в начале", "было у Бога" и которое навсегда пребудет высшей реальностью Бога.

7

Создание же школы, где литература станет не предметом, который изучают в ряду других предметов, а проводником, который (в полном соответствии со своим назначением) ведёт к большим высотам — это тема, требующая особого, однако и скорейшего рассмотрения. Но при всей своей сложности она должна предусмотреть одну главную задачу школы: *научить читать книгу*. То есть выявить мир души, в котором проходит *истинная* жизнь человека.

И только там, в этой истинной жизни, может быть услышан наконец так и не услышанный до сих пор, прозвучавший в начале нашего страшного века и предугадавший все его чудовищные преступления против нравственности и самой жизни, отчаянный и всё ещё обнадёживающий призыв великого яснополянского пророка: "Люди-братья! Опомнитесь, одумайтесь, поймите, что вы делаете! Вспомните, кто вы...".

В конце прошлого года в астанинской типографии ТОО “Макемото Холдинг” вышла в свет внушительная по объёму книга-альбом “Звёздные ритмы Сакена Гумарова”, написанная депутатами Мажилиса Парламента Республики Казахстан Виктором Киянским и Аманжаном Жамаловым — земляками выдающегося художника Западного Казахстана Сакена Гумарова и воссоздающая творческое наследие талантливого живописца. Кроме обстоятельного, со знанием дела написанного текста в книге представлены иллюстрации 136 картин, которые ныне находятся в известных галереях разных стран, в частных коллекциях, а также в доме-музее художника в Уральске.

Это первое большое исследование фигуративной живописи мастера, родившегося на земле легендарной Букеевщины и посвятившего себя утверждению памяти о глубоких тюркских корнях казахов, начинавшихся с Алтая.

Предлагаем вниманию читателей фрагменты из этой интересной и поучительной книги, ставшей своеобразным и значительным памятником прекрасному художнику-философу.

Виктор КИЯНСКИЙ
Аманжан ЖАМАЛОВ

Звёздные ритмы Сакена Гумарова

Предисловие

Идёт будто один утомительный, длинный, сумрачный день с того момента, как добрый дух-аруах Сакена Гумарова стал смотреть на нас со стороны и в то же время стал жить в каждом из нас слева, ближе к сердцу. Это начало нового восхождения художника к душам страждущих, время нашего роста вместе с его живописью. С 21 марта 1995 г. в Государственном музее изобразительных искусств им. Кастеева проходила одна из самых больших выставок Сакена в Алматы, и по многочисленным просьбам она была продлена до конца мая! К её открытию Туранбанк изготовил прекрасные пригласительные билеты, красочные афиши с портретом художника и содержательные буклеты. Авиаотряд Уральска вовремя доставил картины в Алматы, композитор Бахтияр с друзьями осторожно перенесли картины из самолёта в автомашины и доставили в музей. Западно-Казахстанская областная администрация обеспечила проезд делегации и семьи художника на открытие экспозиции. Министерство культуры предоставило бесплатную аренду зала. Министр экологии С. А. Медведев и зам. министра геологии Б. Н. Москаленко помогли с автотранспортом в Алматы. Посол Венгрии в Казахстане, доктор Йожеф Торма в знак глубокого уважения к художнику пригласил семью на обед к себе в дом, а во время отъезда Гульсары и Туранбека из Алматы лично проводил их на вокзал на своём автомобиле. И вся эта цепочка доброты и бескорыстной помощи вокруг выставок складывались без нажима и звонков сверху, а по зову сердец как резонанс на добрые звуки души художника.

О нашем Мастере, к сожалению, не написано почти ничего, если не считать газетных статей последнего времени, небольших буклетов и короткой автобиографии, датированной 1990 годом. Вот её фрагменты.

“Я, Гумаров Сакен Нажиметдинович, родился в 1937 году в Букеевщине (бывшее Букеевское ханство) Уральской области Казахской ССР.

В семье профессиональных художников не было. Рисую с детства. Свободная линия от влияния детских впечатлений: степь, пески, свободные линии казахских войлочных ковров (текеметов).

С детства увлекаюсь театром, музыкой, танцем, пластикой. Профессионально изучал актёрское мастерство, режиссуру.

Всё моё с детства и от детства...

Званий у меня никаких нет. Да я и не стремился к подобным вещам. Я член Союза журналистов СССР, учился в ГИТИСЕ им. Луначарского (Москва). В ЛГИТМИКЕ (Ленинградский институт музыки, театра и кинематографии). Работал актёром, режиссёром.

Живописью занимаюсь 30 лет. Рисую с тех пор, как помню себя, работаю только в масле. Не ограничиваю себя жанрами, темами. Также не закикливаюсь ни на национальном, ни на классовом, ни на социальном, ни на расовом. Ловлю Энергию. Мистическую? Космическую? Свободный художник свободного волеизъявления, свободной темы, стремящийся к полному раскрепощению в своём творчестве. “Я есмь”, которому свойственно стремление к бесконечному порождению и стремление самосозерцать в такой бесконечности. Это кредо.

Странно, но я люблю импрессионистов — это как любовь к детству. Но сказать конкретно о чьём-либо влиянии не могу.

... Я думаю, что по направленности моё творчество — поставангард. Творчество своё на периоды не делю. Я создал такие циклы: “Тюркские древности”, “Бестиарий”, “Ожидание”, “Головы и фигуры”, “Творения”. Вне циклов есть пейзажи, натюрморты, портреты, арабески, сюжеты”.

Вся остальная биография художника в его картинах, которые будут излучать добрую энергию его сердца, согревая и воспитывая грядущие поколения зрителей.

Уральск осиротел на одного (может, и единственного) гения, который многие годы работал в тесной комнатухе “хрущёвки” и каждое утро, когда не уезжал из города, размеренной походкой шёл на могилу своего отца, попутно встречая знакомых, одним кланяясь, обнимаясь с другими, пожимая руки третьим. Могло показаться, что его почитателями был весь областной центр. Только непонятно почему почти тридцать лет этот человек и его дело жили как бы отдельно. К первому относились уважительно, а о втором предпочитали не распространяться. Заговор молчания не прорывали профессиональные критики, не демонстрировали своих познаний многочисленные филологи и искусствоведы, не искали глубоких корней истории, предпочитали не высовываться те, кто получал удовольствие на ниве пропаганды культуры, когда это касалось живописи Сакена или его выставок.

При прощании в январе 1995 года кто-то сказал, что Сакен уходит, опередив время, как Циолковский из Калуги. А сам он о себе говорил так:

“Матерь мира повелела	чувство цвета,
Оседлать мне три кита:	Чувство ритма —
Чувство меры,	Красота!”

Долгое время он не находил общего знаменателя с той средой, в которой развивался. Его образное мышление формировалось вопреки канонизированным постулатам. Временщики всех мастей и обличей отталкивали его на обочину, обдавая брызгами, но картины, как сталактиты, вынесенные на свет, поражали своей первозданностью.

Он не роптал, не озлоблялся, а снова работал и работал, уходя в себя, в своё детство, откуда он черпал всё лучшее и светлое. Это описано в одном из первых его рассказов “Мальчик и краски”:

1.

От выставки к выставке росло число поклонников его живописи. Нет, это уже были не поклонники, а сторонники, готовые сами становиться экскурсоводами и искусствоведами. Некоторые из них своими действиями уже могли поднимать планку класса. У Сакена была своя шкала ценности выставок, не по датам и персонам, а по неповторимости, по изюминкам.

Первая в Киеве — самая желанная, как долгожданный глоток воды после изнурительного перехода по высохшей безлюдной пустыне. Украину он всегда мыслил своей родиной, где его предки — чёрные клобуки — привольно жили по притокам Днепра, переселившись с берегов Арала. Следы кочевников он находит в орнаменте росписи на стенах Софийского собора, в названиях деревушек, в статных лошадях, не раз спасавших Киевскую Русь. В украинцах он видит своих кровных братьев, и они отвечают ему вниманием и признательностью. Одна из киевских газет написала, что своими красками и внутренним светом кипчак Сакен ещё раз покори́л Киев.

Отзвуки этой выставки в талантливых статьях и радиорепортажах журналистки Валентиной Григоркиной, которая первой в местной прессе пробивает стену непонимания и молчания. Многие западноказахстанцы с приятным удивлением узнают, что рядом с ними живёт Маг, творения которого можно экспортировать в лучшие музеи мира, этим прославляя родной край, а изумительные шедевры можно создавать не только в стольных городах, но и в небольших аулах, если в тебе есть божья искра и трудолюбие.

Аналитическая статья Гульнары Сарбасовой в “Приуралье” приоткрывает занавес над особенностями творческого почерка художника, истоками его вдохновения, феноменом лечебного действия картин.

В 1990 г. Сакен “прорубает окно” в Европу, в Вильнюсе по современным меркам его первая международная выставка, и где пока принимают не как иностранца. Тёплые беседы, семинары, встречи и знакомство с очаровательной архитектурой города, впитавшей достижения нескольких народов-соседей.

Несколько выставок подряд в Москве (кстати, очень редкое явление для этого избалованного на имена города) воспринимаются Сакеном как закономерное явление — встречи со своей альма-матер, где остались друзья студенческой поры, его учителя. И он воодушевлённо показывает в Белокаменной, “что кем я был, и что со мною случилось”. Черёда известных всей стране людей демонстрирует своё восхищение. Актриса Маргарита Терехова целый день с друзьями-актёрами допоздна обсуждают увиденное, а утром она приходит снова с сыном. Переполненная чувствами,

говорит перед камерой: “Поражает умение писать картины о нашем мире на языке беззащитных и всё равно верующих в Любовь. Нежность. Только очень умный, чуткий и полностью владеющий своим искусством художник может это выразить”. Кинодраматург Всеволод Иванов патетически восклицает: “Милый Саке! Ваше творчество вынуждает меня обратиться к Вам именно так — “Милый Саке!” Живите долго! Вы нужны нам, жителям этой планеты, да и вообще. Благодарю и люблю, всего лишь — драматург, ибо высшее в нашем общем деле — это художник — Вы!”. Народный художник России С. И. Дудник напутствует своего собрата по кисти и благословляет на успехи: “Я рад и очень благодарен Вам, что увидел эту прекрасную выставку. От души поздравляю”.

Это было удивительно победное, неповторимое шествие Сакена по Европе в начале девяностых годов, но “зелёный свет” зажигался ещё не везде. Азия настороженно присматривалась к своему сыну, будто боясь перевезти картины через уральский мост из одной части света в другую. Она никак не могла уразуметь, что это её генофонд, чудом сохранившийся в песках Нарына.

А пока суд да дело, Сакен своей “Белой магией” (так называлась выставка в Екатеринбурге) оседлал Уральский хребет, награждаемый восторженными откликами в Челябинске и Екатеринбурге:

“Это буря светлых чувств”. “Картины художника несут на себе явные следы язычества”. “В произведениях художника живёт вековая память предшествующей жизни, таящаяся в недрах восточных культур...”. “Работы Гумарова — некие загадочные проекции глубоких раздумий или мгновенно ускользающих эмоций и чувств”.

***Художник на открытии выставки
в Западно-Казахстанском СХИ. 1992 г.***

В это же время, наконец, проснулся и Уральск, осознав, что, оказываясь, есть пророки и в своём отечестве, только их близость почему-то делает очень многих близорукими. И здесь нужно отдать должное нашим чиновникам (в хорошем смысле этого слова), которые на свой страх и риск начинают организовывать экспозиции.

К одной из первых выставок под названием “Мыслеформы”, которая проходила в Уральске, областное управление культуры выпускает первый и единственный пока каталог, который предваряет содержательная аналитическая статья искусствоведа М. Ирхиной.

Из экспозиций в областном центре Сакен особо выделял выставку, которую он назвал “Анищенковской” в знак уважения к Светлане Николаевне Анищенко, работавшей в ту пору заместителем председателя городского Совета народных депутатов. Она нашла здание “Форума” (сейчас это институт культуры), выбрала комнаты и вместе с художником развешивала картины! Сакен назвал эту экспозицию самой светлой в его жизни, из-за обилия солнца, которое с утра проникало через широкие окна. Ему давно не хватало этой светомузыки. Когда картины как бы плавали в безвоздушной среде, испытывая невесомость. Он мечтал выставляться в этом зале ещё и ещё. Тем не менее приглашение провести несколько выставок в фойе театра им. А. Островского, которые организовало областное управление культуры, он принимает с благодарностью и очень скрупулёзно подбирает картины для этого представления. Здесь Сакен встречается с людьми, любящими театр, кино, подолгу беседует с теми, кто проявляет интерес к его творчеству. В театре чувствует себя своим, ибо в молодости долгое время был актёром и режиссёром, снимался в фильмах, писал сценарии. Возвышенная атмосфера настраивает его на новые горизонты. Мастер мечтает о театре одного актёра, где он будет во всех лицах — актёр, художник, сценарист, постановщик. Но этому уже не суждено было сбыться, так же как и оформлению постановки “Реквиема”, премьеры которого прошла 1 мая 1995 г. на сцене театра, в афишах которого значилось “Памяти Сакена Гумарова посвящается”.

Летом 1992 года состоялось открытие Сакена Алма-Атой. Туда уже давно доходили слухи об уральском мастере и успехах в Киеве, Москве, Вильнюсе. Интерес подогревало и то, что Президент Республики Казахстан во время поездки в Западно-Казахстанскую область посетил выставку художника и был восхищён глубиной философского мышления нашего земляка.

Фирма “Умит” оперативно выпускает красочный буклет с тёплой рецензией секретаря правления Союза художников РК Р. Копбосиновой, которая признаётся: “Рискну утверждать, что, отдавая зал “недипломированному” художнику, мы учимся, словно бы заново, слышать и понимать друг друга. Не всё просто в этой, казалось бы, простой науке. Мешают стереотипы, нормы оценок нашего излишне регламентированного общества. Необходимость преломления самих себя, думается, открывается здесь на выставке в настоящем признании творчества Сакена Гумарова”.

Во время курултая казахов Сакена опять приглашают в Алма-Ату с персональной выставкой, после которой приходит и официальное признание. Во время проводов в аэропорту ему вручается удостоверение члена Союза художников Республики Казахстан.

Будто извиняясь за прежнее невнимание, столица обласкивает его приглашениями. В 1993 году он становится участником большого международного семинара художников, который проходит в живописном месте — высоко в горах близ Алма-Аты.

Посланцы со всех уголков мира — США, Японии, Мексики, Германии, Австрии рисуют в горах, спорят о путях развития искусства, обмениваются планами, посвящают в тайны своего мастерства. За короткий период Сакен пишет более двадцати картин. Это было алатауское лето западноказахстанца. Так продуктивно он не работал ещё никогда. На картинах виден новый всплеск находок и творческих решений, у него открывается второе дыхание. За счёт неповторимого подбора красок пространство как бы обволакивает объекты, цементируя картины в нечто единое, не требующее рамок. Он в этом цикле отказался от обрамления, фигуры введены в условное пространство фона без детализации примет времени и места действия. Сакен всё глубже погружается в царство интуиции, которую древние называли “Анима”. Усиливаются ноты символизма, и в фигурах людей явственно проступают контуры братьев наших младших, напоминая о мифах переселения душ. После этого семинара один из участников скажет: “Да, видимо, Сакен знает нечто, чего мы не узнаем никогда”. Многие картины этого периода останутся в Алма-Ате в частных коллекциях и галереях. Его приглашают в Венгрию, Польшу, однако он чувствует, что силы на пределе, и возвращается в Уральск.

Через полгода с небольшим, весной 1994 года он вновь едет в Алма-Ату для организации выставки. Едет больным. Друзья помогают переносить вещи. Поднимаясь по лестнице, часто останавливается, прикладывает руку к сердцу, как бы извиняясь за неудобство, однако и слышать не хочет о лечении. Друзья почти силой усаживают его в автомобиль и везут в клинику. Там ставят неутешительный диагноз — инфаркт, и тут же кладут в реанимационное отделение больницы Кабинета министров. Но буквально за два дня до этого печального события Сакен испытывает душевный подъём, так как присутствовал на выставке первой своей ученицы Юли Кондаковой, о существовании которой не знал. В республиканской юношеской библиотеке, где были выставлены более ста рисунков этой 14-летней девочки, он чувствовал себя крёстным отцом. И как не чувствовать, если Юля заявила тележурналистам “Хабара”, что рисует всего один год, с того дня, как побывала на выставке Сакена Гумарова, проходившей в Академии наук, и считает его своим учителем.

Последняя фотография Сакена на выставке своей ученицы. г. Алма-Ата. 1994 г.

Живописца в больнице навещают родители юной художницы, многочисленные друзья и знакомые, приходит председатель польского общества в Алма-Ате — известная журналистка Светлана Синицкая. Сакен показывает слайды картин, в том числе и “Голубой лошади”, которая находится в Польше в частной коллекции, восторженно говорит об Адольфе Янушкевиче, которому посвятил несколько картин. Журналистка тут же предлагает помощь в организации выставки.

В это время Сакена переводят на реабилитационное лечение в санаторий “Алматы”, что даёт повод убаюкать себя и других заявлениями, что

он здоров. Коллеги приносят ему холсты и краски, и он за считанные дни, истосковавшись по работе, пишет удивительный триптих “Звёзды и эрос”, который еле-еле умещается в его комнате. За этой работой его увидел редактор газеты “Казахстанская правда” Григорий Дильдяев, пришедший со Светланой Синицкой навестить Сакена. Зайдя в комнату, он остолбенел от увиденного, присел на кровать и минут десять, не шелохнувшись, лицезрел это творение рук человеческих. Затем встал и сказал: “Надо немедленно делать выставку и непременно в здании “Казахстанской правды”.

Все заботы и расходы по её организации брал на себя. Лично обзывает журналистов, дипломатов, музыкантов, писателей, артистов, приглашается весь депутатский корпус.

За два дня до выставки газеты “Азия” и “Казахстанская правда” выходят с портретами Сакена и очень тёплыми рецензиями Валерии Маричевой. Во время открытия выставки яблоку негде было упасть. Говорили, что такого ещё не было в Алма-Ате, экспозицию сопровождали музыка и хоровое пение, которым руководил знаменитый казахстанский маэстро Молодов. Композитор Бахтияр со своими друзьями из оркестра им. Курмангазы очень тонко и точно создавали музыкальный фон, отвечающий духу картин. Казалось, что на свет и тепло этого праздника слетелась вся творческая Алма-Ата, истосковавшаяся по сказкам.

Последний год творчества Сакена проходил под символом Туранбанка, который не только провёл две выставки в Уральске, но и открыл постоянно действующую галерею в своём офисе. Так молодой коллектив, казалось бы, далёкого от искусства учреждения, ответил реальными делами на заявление своего руководителя в прессе о поддержке творческой интеллигенции Западно-Казахстанской области. Может быть, это начало нашей областной галереи художников с Сакеном во главе.

Нельзя не сказать о том, что городская и областная администрации в последние годы делали всё возможное, чтобы улучшить условия для его творческой работы. Семье была предоставлена прекрасная квартира, Сакен получил приличную мастерскую, оказывалось содействие в проведении выставок. Только бы творить и творить, но безжалостный рок распорядился иначе.

2.

Несомненно, Сакен был бунтующим человеком в искусстве, в определённой оппозиции к устоявшимся стереотипам, которые сдерживали его как творческую личность. Он, естественно, старался проклянуть скорлупу неприятия его живописи, но отнюдь не для охаивания прошлого.

Ницше как-то сказал: “Ни один художник не терпит действительности”. По отношению к Сакену этот тезис верен отчасти, ибо долго существовавшая действительность не могла вписать его в свою окружность, терпеть его непланируемые сверху озарения души, освещавшие даже самые сырые, закоренелые подвалы.

Дитя созерцания перелома на границе XIX и XX веков, он мучительно размышляет о смысле жизни. Новые повороты истории и бытия невозможно было выразить методом традиционного реализма, не впадая в неопримитивизм. Его предшественники ищут гармонию и красоту в том мире, которому в основе чужды гармония и красота, где, как говорил

Сакен, “красота некрасивостей”. Исчезает чистота жанров, происходит их соединение часто в гипертрофированных формах, которые у одних вызывают улыбку, у других жёсткое неприятие. Появляется тяга к растворению деталей основного сюжета в утончённом по цветовым решениям фоне. От импрессионистов у Сакена желание дематериализовать предметы путём цветовой реконструкции. Можно представить смятение молодого степняка, которому в Ленинграде и Москве открываются имена Михаила Врубеля, Павла Филонова, Виктора Мусатова, Святослава Рериха, Марка Шагала, Василия Кандинского, у которых “всё не так, как учили”. Он чувствует, что это так созвучно с его ассиметричным восприятием природы, где поля тюльпанов и трава не растут ровненько по законам лесной полосы. Входящий в мир художник видит, что идёт поиск новой техники, материалов, и сам включается в гонку идей. В этот период он формулирует для себя принцип фигуративной живописи, которому будет верен до конца. Сакен считает, что только чёткими линиями можно создать контурность замысла, находит этому подтверждение в восточных орнаментах ковров, в настенных росписях. Конечно, художник прекрасно осознавал, что рисунок составлен, как и сама природа, из множества элементов, но обязательно должен быть остов, а колорит — есть его жизнь. Внутри ограниченных сюжетных линий и на втором плане достигается высочайшая пластика сочетания нескольких тонов, когда один переходит в другой как трава в лес, а лес — в небо, естественно, без диссонанса. В технике создания полутонов без применения кисти, кажется, он достиг предела возможного, что демонстрируют такие картины, как “Небесные мелодии”, “Дама-арфа”, “Грация”.

Но Сакен был не только блестящим конструктором своих работ, но и гибким технологом одновременно. Его фантазия и формотворчество не могли ограничиться только холстом и маслом, он методично искал новые пространства и смело осваивал их, экспериментируя с пластинками, стеклом, металлами, оргалитом, марлей. В арсенале появляются новые типы красок и наполнители, редко применявшиеся в живописи — оксид кремния, металлические порошки, опилки различных материалов. Здесь он делает для себя и окружающих радостное открытие — наполнители совершенно меняют отражательную способность загрунтованной поверхности. По колориту картины начинают казаться почти акварельными, порошки создают ощущение не масла, а шероховатой бумаги, исчезают чёткие следы мазков, создаётся новая текстура поверхности. В момент этих поисков он любил одиночество и вообще отсутствовал для других во время работы. В такие мгновения художник был похож на кудесника, алхимика и шамана одновременно, который колдует над своим таинственным варевом, как бы напрямую контактируя с аруахами. В обычной жизни очень аккуратный, импозантный, не терпящий неряшливости, во время своего священнодействия он превращался в человека, ничего не замечающего вокруг, а краска и мел были не только на полу и холстах, но и на его прекрасной бороде! Ящички со смесями, бутылки с различными маслами и жидкостями, горки порошков на подоконниках, табуретках и в кульях, инструменты для растирания и взвешивания, штабеля рамок и заготовок к ним — таким представлялось место его работы для постороннего посетителя, будь то

в его старой и новой мастерских Уральска или в импровизированной мастерской Алматы. Самым близким его помощником была жена Гульсара, которая жертвовала ради него так называемым уютом и отдавала всё своё время для предварительной подготовки холстов, наклеивания марли на оргалит. В мастерской оставалось узкое пространство, через которое можно было пройти лишь боком. Это было царство демона, витавшего в своём мире, где всё несло печать прикосновения его рук.

Совершенно особо и колоритно, почему-то не замеченное критиками и искусствоведами, стоит изобретение им метода, который мы назвали “сюжетной аппликацией”, когда на мозаику парных фигур, взятую контурно из наскальных древних рисунков, накладывается мыслеформа Сакена. В картине “Двое влюблённых” эти парные фигурки находятся в видовом резонансе с силуэтами влюблённых, протянувших навстречу друг другу руки-крылья и губы-клювики. Этот же приём можно заметить в картинах “Память предпрошлого” и “Отражение белого гуся”. В других работах этот фон заменяется графикой тотемов или символов, усиливая восприятие. Даже древнеказахская вязь личной росписи и дата создания картины всегда по-особому уравниваются с общей композицией, определяя одновременно направление вектора расположения.

В искусстве Сакен неисправимо оставался кочевником, несмотря на неоднократные попытки сделать его “оседлым и прирученным”. Он переходил от одного освоенного джайляу к другому, подгоняемый мечтой о лучшем, о малости, которая ускользает от него.

У Сакена фантазия и реальность были настолько переплетены плотными нитями истории, что часто были неразделимы. Он жил как бы в нескольких мирах сразу: в одном он был прорицателем, в другом — прекрасным актёром и режиссёром, великолепным поэтом и чтецом — в третьем, музыкантом — в четвёртом, экстрасенсом — в пятом. Наверное, об этом он поведал языком красок в картине “Семь состояний Сакена Гумарова”. Оттачивая мастерство многогранности, верил, что в скором времени научится управлять не только психикой, но и физиологией своего организма.

Сакен жил символами и поэтическими образами. И всё это было погружено в мир звуков, которые будто управляли его статной фигурой и красивыми манерами. Он всё время пытался провести перпендикуляр к плоскости своих символов, поэтически завораживая и гипнотизируя нас, игнорируя, что эта плоскость соткана из множества топорщащихся чешуек. Лишь опытный глаз мог обнаружить эту геометрическую невозможность. Импозантность и биоэнергетичность его внешности покоряли. Осознавал ли он это, но воздействие картин в его присутствии значительно усиливалось. Бывало и обратное, когда нарисованные картины оказывали стрессовое воздействие на самого художника. Это был своего рода эстетический бумеранг. Особенно это чувствовалось после окончания антивоенного цикла “Полигон”. Несколько дней он болел, объясняя это тем, что впервые за много десятков лет писал картины, которые давили своей энергетикой и на его биополе. Много месяцев он был подавлен и убрал картины в самую дальнюю комнату своей мастерской. В этом цикле наряду с традиционной для уральского художника фигуративностью мы увидели яркий всплеск символизма, который создал вокруг полотен новую ауру, да и сама тема не могла не вызвать глубокого душевного надрыва.

3.

Он никогда не мыслил себя внеисторично, постоянно преломлял своё сегодняшнее “Я” через прошедшее “Мы”, находя в своём имени, внешности, поступках следы предшествовавшей цивилизации. Свои картины он напрямую связывал со звериным стилем саков, а самих саков считал прародителями. Не противился, когда кто-нибудь находил предначертание этой связи в его имени, хотя потом поправлял, что это всё-таки разные истоки. Он очень любил легенду, воплотившуюся в картине “Путь птиц”, у которой было ещё одно европеизированное название “Млечный Путь”. У кипчаков и венгров одно название этих звёздных скоплений — Батыр жолы (путь героев). И они свято верили, что по этому пути придёт Хан Аттила (иногда пишут Едил, Атыл) — герой легенд, или его потомки, новые батыры, которые возродят величие и славу кунов, от которых отсчитывает своё происхождение венгерский народ. Сакену очень импонировали евразийские взгляды Льва Гумилёва, и в беседе с послом Венгрии в Казахстане И. Торма они говорили, что совсем рядом с его Букеевщиной лежит Баскунчак — опустевшая земля кунов. Потомки кунов живут в двух регионах Венгрии, которые называются как казахские жузы: Кишкуншак (Малая Кумания) и Надькуншак (Большая Кумания).

Однако он не относился к категории тех, кто положительные качества относил к генетическому влиянию Азии, а всё отрицательное — к тлетворному влиянию Европы. Наоборот, он любовно переплавлял для себя всё лучшее, пропуская через горнило своих моральных принципов, которые формировались под солнцем всех религий.

Доминирование в Сакене восточного начала несомненно, это чувствуется и в музыке названий “Тюркские древности”, “Каганат”, “Аруахи”, и в самих сюжетных решениях картин. Он гордился своей принадлежностью к Азии и болезненно воспринимал недооценку её места в мировой культуре.

Путь Сакена в искусстве был с несколькими резкими поворотами, часто осознанными поворотами, когда становилось ясно, что дальше тупик. Первый был сделан после ряда депрессивных падений и полного неприятия окружающими, когда приходилось заниматься чем угодно, только не живописью. Опора была найдена в психологии Фрейда, когда он понял, что можно научиться управлять собой. Оказалось, что последовательное раскрытие своего творческого потенциала обеспечивает ему подлинное душевное здоровье. Он знакомится с крупными творческими личностями — художниками, поэтами, учёными, его удостаивает посещением Президент. В отличие от прежнего периода он не защищался от мира, а тянулся к нему, им двигали не эгоизм, а щедрость, для него стало естественным не увязать в болезненных комплексах, а творить добро из удовольствия творить добро.

Сакен был редким для нашего очерствевшего времени идеалистом и в гегелевском, и в поэтическом понимании этого слова, романтиком в делах и в мыслях. Об этом впервые публично сказал ему доктор Йожеф Торма, когда мы сидели в крохотном номере гостиницы поздним летним вечером за несколько дней до “пленения” Гумарова в больницу. Наш мастер с присущим ему артистизмом рассказывал о происхождении тюркизмов в русском языке, о том, как это было связано с миграционными процессами кочевников, как эти явления нашли отражение в его картинах. Хотя на столе стоял разлитый в пиалы крутой чай, никто не прикасался к нему,

а посол пытался делать пометки — он защитил докторскую диссертацию по филологии башкирского языка и необычайно глубокие находки Сакена буквально заворожили его. Мысли было трудно записывать, они как птицы перелетали быстро и красиво с одного образа на другой, и часто удавалось любоваться лишь музыкой слов, теряя контуры его фундаментальной философии. Поняв это, посол включил свой диктофон, и осталась прекрасная запись рассуждений Сакена об искусстве. Посол передал кассету Гульсару на выставке в музее им. Кастеева, и это будет один из ценнейших экспонатов музея Сакена Гумарова в Уральске.

От идеализма художника и его тезис о неслучайности любых событий в этом мире, об их всевышней предначертанности, как развитие абсолютной Идеи. И даже, казалось бы, невероятные события он укладывал в это прокрустово ложе, давая романтические объяснения. Так, на следующий день после госпитализации, когда мы пришли в больницу, он лежал под капельницами и, искоса поглядывая на них, с улыбкой сообщил, что не случайно попал сюда, так как заведующим реанимационным отделением является его однокашник из Джангалы, которого он не видел с двенадцатилетнего возраста. “Моё сердце всегда спрашивало, где теперь этот татарин с голубыми глазами, который незаметно исчез из нашего аула. Он был всегда тихим и задумчивым, выделяясь этим среди деревенских ребят. И вот теперь я встречаю его здесь. Сердце моё стремилось сюда”, — заключил художник многозначительно.

Даже встречи со своими друзьями считал предначертанными строго во времени. Одному из нас он говорил, что наши предки были братьями и вместе жили на берегах Днепра, находя подтверждение даже в корнях фамилий, а с другим был прямым земляком по Жалпакталскому району.

... Сакена нельзя было представить без музыки, он жил в ней, это сквозит в названиях картин “Музыка высоких сфер”, “Небесный танец”, “Соната небес”, “Небесный орган”, “Дзинь-дзинь”, “Механика танца” и др.

Сам часто брался за музыкальные инструменты, неплохо играл на гармошке, баяне, осваивал домбру. За несколько недель до трагического января самоотверженно осилил с помощью друга два сложных кюя Курмангазы. Свою любовь к музыке он хотел реализовать в детях, приучая с самого раннего возраста Акмарал и Туранбека к музыкальной школе.

Музыка помогала ему в разные периоды жизни, особенно во время режиссёрской и сценической деятельности. В 1960-1964 годах он был главным режиссёром уральского телевидения, и сегодня удивительно современно звучат его размышления о театре, кино, которые мы находим в записной книжке, датированной 1963 годом:

“Кино — это рассказ, повествование. Театр — лицедейство, представление. В кино могут быть горы, море, телёнок, кроме актёра. В театре должны быть найдены такие элементы такой драматургии, которых нет и не будет в кино, и которые будут дороги зрителю...”.

Нужно быть поэтом и музыкантом, психологом и актёром, историком и художником одновременно, чтобы писать картины, выходящие из-под кисти Сакена. Весь парадокс в том, что он действительно был и живёт во всех этих ипостасях. Он с непродоходящей страстью пробует познать окружающий мир всеми фибрами человеческой души. Плоды его глубоких философских раздумий запечатлены в записных книжках, и эти лаконичные,

афористично отточенные фразы дают определённое представление о мировосприятии художника.

“Гениален ястреб, который висит неподвижно в небе и крыльями не машет.

Гениален художник, который убеждает человечество в том, что возможности его, человечества, безграничны”.

“Жена — это акварель, обрамлённая мужем. Оставьте жену без рамы — и вся композиция рухнет, во всяком случае, ей будет не хватать завершенности.

Так и муж в свою очередь обрамляется женой”.

Пятирица (хамса) Сакена — это гимн его супруге Гульсаре, а первый “куплет” этого гимна “Когда Гульсара была птицей”. Здесь её глаза, смех, доброта и даже зашифрованное место рождения. Такие картины пишутся на одном дыхании и навеяны только сильной любовью.

То, что “Хамса” его любимое произведение, несомненно, и в то же время он постоянно упрекает себя в цветовых изъясках; “Чего-то в ней не хватает, а чего — не пойму”. Может быть, это от ностальгии по первой “Хамсе”, которая уже находится в частной коллекции в Москве.

Профессор Р. Ф. Салихиджанова из Москвы была заворожена “Хамсой” и на вопрос, что привлекло её в этих картинах, заметила: “Здесь не только гимн Гульсаре, а вообще восточной женщине. Посмотрите на эти повторяющиеся мотивы, уводящие в глубь веков. Я как татарка ближе всего чувствую второе полотно. Наверное, башкирки, киргизки и узбечки увидят что-то своё затаённое то ли в головном уборе, то ли в цепочках узоров”.

“Треугольник — простейшая жизнеспособная фигура. Линия является идеальным отношением между двумя точками, но она не жизнеспособна без третьей точки, находящейся вне её”.

Одна из самых любимых фигур художника — это спираль. Она повторяется в различных вариациях: в завитках ракушки, в свернувшейся змее, а очень часто клубка, который распутывать, конечно, зрителю.

И это не случайно. В мироощущении Сакена жизнь воспринимается в её спиральном развитии

Ещё более удивительно, что его энергетические объяснения воздействия картин хорошо коррелируют с признанными теориями взаимодействия макро- и микромира. Давайте сравним. У древних казахов, так же, как у некоторых других народов Востока, в окружающей действительности выделяют семь основных начал, которые составляют единство мира. У Сакена особое почтение к четвёртому — Огню. Есть целый цикл, в котором эта тема доминирующая: “Воронёное на сером”, “Воронёный космос”, “Воронёное на белом”. Для него огонь одновременно самый жизненный и чистый цвет — красный. Не будем также забывать, что в воображении казаха слово “алау” (огонь) — это одновременно энергия, свет, жар, красный. Огнепоклонение лежит в основе его цветовых приоритетов. Но по современной классификации агрегатных состояний вещества огонь и Солнце — это как раз четвёртое состояние вещества — плазма.

Художник считает, что первая абстракционистка — это та, кто сделала первую кошку из цветных шерстяных ниток. Мы и сегодня восхищаемся формой и цветом этих древних узоров: “Кто сказал, что у казахов нет настоящего искусства и музыки? Возможно, эти формы опередили века своей непосредственностью и божественным началом, во всяком случае,

ковры и кошмы, выставленные в просторных западных салонах, вызывают восторг этой изысканной и просвещённой публики”.

Художественная интуиция Сакена будто подпитывалась естественно-научными достижениями, а многие его высказывания воспринимаются сегодня как пророчества. И в этом смысле особенности восприятия картин нашего земляка следует искать на стыке нескольких научных дисциплин, изучающих человека: психологии, медицины, физики, магнитно-оптики, химии, в частности, лазерная физика света во многом объясняет специфику воздействия его полотен.

Картины Сакена — это как светлые корабли из загадочных красок и причудливых форм, как праздник, приходящий в порт приписки — Уральск. В них трансформирована гармония окружающего мира в его непрерывной пульсации.

Говоря о живописи Сакена, следует отметить, что возникновение в Уральске Дома-музея — уникальное явление независимого Казахстана. Этот камерный храм искусства возник благодаря поддержке тогдашнего заместителя акима области, а ныне председателя общественного объединения “Арту” Бауыржана Канатбаевича Туманова, подвижнической деятельности вдовы художника Гульсары Валиевны и дочери Акмарал, что в конечном счёте привело десять лет назад к появлению решения Государственного комитета РК по государственному имуществу. Как быстро всё-таки бежит время!

На его полотнах возродилась многовековая память предшествующей жизни, таившаяся в недрах рунического письма и орхонских надписей.

Март наконец-то оказался тёплым для фигуративной живописи Сакена Гумарова. В самом центре города — в новом здании Казахского драматического театра — к юбилею театра была приурочена выставка картин с очень точным названием “Поэзия сердца”, где были представлены одни из самых больших полотен художника, написанных в последний период жизни, когда его сердце после двух инфарктов нуждалось в щадящем режиме, а вместо этого Сакен неистово торопился дорассказать казахстанцам великую историю страны Дешт-и-Кипчак, ставшей прародиной многих народов, проживающих на огромной территории Евразийского субконтинента, многие из которых и не подозревали, что их тюркская история начиналась с предгорий Алтая, что запечатлено в топонимике названий местности и орхонских письменах, начертанных на каменных изваяниях. С первых своих картин “Уроки истории”, “Прогулка с бестиарием”, “Золотое светило”, “Взгляд через...”, “Духи дерева”, “Чёрный клобук”, “Крик”, “Следы великих саков”, “Панхром и древние знаки”, “Память предпрошлого” он начал вести свои “археологические” раскопки среди разрозненных литературных источников, устного народного творчества и в течение сорока пяти лет создавал живописную историю своего народа, которая запечатлена сегодня в циклах “Тюркское”, “Астральное”, “Белый Гусь”, “Бестиарий”, “Абай”, “Мать и дитя”, “Аруах”.

Сакен торопился и боялся не успеть поведать о том, что отыскал в тайниках родословной, и у него фатально не хватало времени на оговорки для расшифровывания современникам глубокого смысла названий под картинами, когда “всё знающие” искусствоведы с умным видом и с нескрываемым недоумением вопрошали на первых выставках:

“Это что ещё за “бестиарий”, “тиграхауды”, “духи дерева”, “мыслеформы”, “смеющиеся лошади”, “дамы-вороны”, “зачатия” и “злойства”, “демиурги”, “каганаты”, “радловы”? Какое отношение имеет эта “абстракция” к казахскому искусству?”.

Им было и невдомёк, что вся его палитра основана на фактах истории, которые благополучно забыты несколькими поколениями степняков, для которых музыка слов “безмерье в пространстве”, “несущая гром”, “душа цветов” не вызывала ассоциаций и прилива мифических аналогий. Да и как могла вызвать, если воспитание шло на греческих мифах и библейских сюжетах. А Сакен в поисках истины стал изучать модели мира у народов Алтая и Сибири и переводить образы мифов на язык форм, объёмов, линий, цвета, давая точные исчерпывающие названия, которые раскрывали фигуративные источники. Он не только иллюстрировал тюркскую мифологию, объясняя и комментируя её, но и осуществлял созидательное строительство, обеспечивающее понимание развития во времени тюркской культуры в духовном пространстве единой человеческой культуры.

На его полотнах возродилась многовековая память предшествующей жизни, таившаяся в недрах рунического письма и орхонских надписей. Он выплеснул на свои полотна вибрации архетипического творчества, где передача исторической информации осуществляется через знаки и символы разных типов. По принятой классификации Ч. С. Пирса среди них выделяются знаки-индексы, основанные на естественной смежности изображающего и изображаемого, и знаки-символы, основанные на принудительной смежности. И здесь Сакен придерживается традиционных запретов на “иконическое” изображение в исламе, где вполне допустимо использование знаков-символов, лишь обобщённо обозначающих сферу божественного.

За сорок пять лет творчества Сакен создал более четырёхсот полотен. К сожалению, сколько точно, не может сегодня сказать никто, так как он сам не вёл каталога. Многие картины находятся в частных коллекциях за рубежом, а отдельные иллюстрации появились в самых солидных изданиях. По разным фотоисточникам, буклетам, подготовленным к различным выставкам в Киеве, Москве, Вильнюсе, Екатеринбурге, Челябинске, Будапеште, Алматы, Уральске, по газетным публикациям в российской и казахстанской прессе, по названиям картин, которые есть в краеведческом музее и Доме-музее Сакена Гумарова, нам удалось составить каталог около 320 картин, и именно на этой базе будет показано, что у художника нет ни одного случайного названия картины. Все они находятся в чёткой системе исторических приоритетов, которые Сакен задал изначально.

“Отыскивая родословную своих корней, я не хочу даже думать о том, что они лучше и “изящнее”, чем у других народов. Мне было важно показать, что корни казахов и других евразийских народов, в том числе и русских, уходят в глубокие пласты государства Дешт-и-Кипчак, впитывая живительную влагу культуры древних алтайских народов, которая сформировала генетический код сегодняшнего евразийства”, — писал Сакен Гумаров в 1993 году.

Все циклы, созданные Сакеном, по сути дела являлись притоками, тихо влившимися в бурную реку самого объёмного цикла “Тюркское”,

который он писал всю свою жизнь, и были годы, когда эта река выходила из берегов, а в другие времена в неё добавлялось всего 1-2 картины. Эта река, конечно же, брала начало со священных Алтайских гор и стремительно разливалась по всему Евразийскому континенту, будто пробивая себе русло по ранее протоптанным дорогам древних тюрков.

В этом цикле есть две любимые Сакеном картины — “Чёрный клубук” и “Белый клубук”. Удивительно, но далее на зарубежных выставках при распечатывании текстов неизменно делались опечатки и появлялись “Чёрный клубок” и “Белый клубок”. Эта ошибка сделана и в первом альбоме.

Ещё когда был жив Сакен, считавший себя потомком саков-клубуков, живших около Аральского моря на территории нынешней Каракалпакии (буквально — чёрный колпак), а затем откочевавших в низовья Волги, Дона и Днепра, он грустно спрашивал: “Как так могло случиться, что саки, носившие головной убор, называвшийся клубук, за что их и называли чёрными клубуками (чёрными колпаками), сегодня как бы растворились в тумане истории?! От них остался лишь головной убор (высокий цилиндр без полей), который носят теперь православные. Чёрный клубук у простых монахов и архиереев, белый — у митрополитов и патриархов православной церкви...”.

Что тут сказать, если это было общей болью всех народов, составлявших некогда великую страну Дешт-и-Кипчак, затем Монгольскую и Российскую империи, а позднее Союз республик. Это была непроходящая генетическая ностальгия по некогда “обрубленной” кроне раскидистой страны, у которой дрейфовали столицы да рождались мифы о непримиримости Востока и Запада, чтобы натравливать одних алтайцев на других. Усиливаемая космическим ритмом, через довольно значительные промежутки времени на евразийских просторах с новой силой вспыхивала тяга к восстановлению утраченного единства народов, вышедших с Алтая. Новые поколения реформаторов пытались запустить цепную реакцию интеграционных процессов, наиболее ярким примером которых был Аттила, страх перед которым заставлял вытравливать память о былом единстве, поэтому тщательно поддерживалась и поддерживается ложь о коренных различиях между казахами, русскими, украинцами, белорусами, киргизами, якутами, узбеками, кумыками, аварцами, карачаевцами и искажается память о том, что после смерти Аттилы и распада Дешт-и-Кипчак и Кушанского ханства в Европе появились Австрия, Алемания, Бавария, Бургундия, Богемия, Саксония. Тюркские образования стали королевствами, как, например, королевство вестготов. А каганатами стали те страны, где по-прежнему главенствовала культура, пришедшая с Алтая.

В противоположность этим разрушительным действиям он предпринимает отчаянную попытку “личной дипломатии” и побывать с выставками у своих кровных степных братьев в Киеве, Москве, Минске, Челябинске, Брянске, Туле, Барнауле, Полоцке, Карпаче, Надкуне, Праге, надеясь, что его цикл “Тюркские древности” будет там воспринят без перевода, ибо картины своими названиями и сюжетами говорили сами за себя: “Экспансия в каганате”, “Падение древнего батыра”, “Предчувствие древних”, “Невеста Дракона”, “Небесный конь”, “Подключение к древней юрте”, “Мыслеформа изгойства”, “Память прошлого”, “Память предпрошлого”, “Ритмы чёрного бубна”, “Вести из

Каганата”, “Память в камне”, “Уроки истории”, “Аруах — дух предков”, “Следы великих саков”, “Духи предков на знамени”.

Воспитанный на принципах “Жети ата” — знании своих предков до седьмого колена, Сакен шёл значительно дальше в поисках своей родословной и за далёким горизонтом отыскивал ариев-скотоводов, живших 6 тысяч лет назад на территории современного Казахстана, гуннов, саков, тюрков, которые тоже были в прародителях казахов. Его пригласили на персональную выставку в Киев — город его мечты, где он надеялся увидеть следы каганата Украина. Сакен свято верил, что Киев был основан кипчаками и в V веке был таможенным городом каганата Украина. Киев в переводе с тюркского “город зятя”, но, как считают некоторые исследователи, не исключено, что название происходит от древне-тюркского слова “КЫЯ”, что означает “ограничивающий”, “находящийся на границе”. Украина была в его мыслях одним из “джайляу”, где было привольно на берегах рек, и там чёрные клобуки жили на притоках Днепра, переселившись с берегов Арала.

Поэтому Сакен взял на киевскую выставку картины “Праздник дерева” и “Духи дерева”, написанные в далёком 1958 г. и отсылавшие евразийцев к светлой странице древних алтайцев, когда они начали отмечать праздник новогодней ёлки.

Ель издревле у тюрков считалась священным деревом, отражающим на земле идею Древа жизни. Её называли “деревом Ульгения”. Она связывала мир людей с подземным миром божеств и духов. Ель, как стрела, указывала Ульгению путь вверх. Отсюда название “ёл”, что по-тюркски “дорога”, “путь”. Праздник ели наступал в самый разгар зимы — 25 декабря. Тогда на Алтае день побеждал ночь. И солнце чуть дольше прежнего оставалось над землёй. Люди молились Ульгению, благодарили его за возвращённое солнце. А чтобы молитва была услышана, украшали ель — любимое дерево Ульгения. К ветвям привязывали яркие ленточки, рядом складывали подарки. Всю ночь праздновали и приговаривали: “Корачун, Корачун”, что на древнетюркском означало “пусть убывает” — пусть убывает ночь и прибывает день. Вокруг ёлки водили хоровод, который называли “индербай”. Люди вставали в круг и брались за руки, что символизировало солнце. Так они звали небесное светило вернуться: “Пусть убывает ночь и прибывает день”. И их просьба всегда удовлетворялась: после праздника ночь всегда шла на убыль, а красное солнце всё дольше и дольше оставалось на небе. Как было сказано выше, у древних тюрков Ульгень и Эрлик являли собой добро и зло, свет и тьму. Поэтому 25 декабря все, даже самые злые духи, становятся добрыми и щедрыми, в том числе и Эрлик, символ тьмы. Даже он в этот день приносил в торбе подарки, и дети искали его, ходили по дворам, пели песни и колядовали (в переводе с древнетюркского — “вымаливали благополучие”).

В праздник “дерева Ульгения” сам Ульгень — старик с густой белой бородой, который был главой светлых духов, предстал в богатом красном кафтане и восседал на престоле, а солнце и луна подчинялись ему.

Когда в перестроечное время кое-кто пытался “откреститься” от зимнего новогоднего праздника, Сакен написал ещё несколько картин, “посвящённых дереву”, этим утверждая, что праздник новогодней ёлки и праздник Наурыз — это праздники из детства алтайских народов и

нет никаких оснований противопоставлять их, а тем более — забывать, откуда они пришли.

После Чернобыля он пишет свой знаменитый цикл “Полигон”, который можно рассматривать как открытый протест против ядерных испытаний и начало Казахстаном новой страницы истории безъядерного государства.

После Киева его восторженно приветствует Москва, в течение года открывшая двери нескольких выставочных залов, и экспозиции идут одна за другой, к великой радости Сакена, не избалованного вниманием. Это было важно ещё и потому, что для него Москва была родным и любимым городом, куда он “сбегал” от отчаяния и непонимания его искусства в “дорогом, но закрытом городе Уральске”. В белокаменной столице было много друзей и единомышленников. Там на каждом шагу он видел следы великой евразийской истории. Он любил прохаживаться по улице Уральской в Москве. Его сердцу были милы Ордынка и Таганка, иногда заходил в ресторан “Балчуг”, которые в своих названиях навсегда унаследовали тюркские корни. Поэтому для него “Мескеу” была своим городом, и он подчёркивал её величие и неповторимую значимость: “Москва — одна из величайших евразийских столиц алтайских народов, говорящих на уникальном русском языке, в котором тюркизмы цементируют его историческую гибкость”. Многие картины Сакена навеяны информацией из российской топонимики, по которой можно составлять большой историко-географический словарь несколько гипертрофированных тюркизмов.

В 1993 г. он знакомится с послом Венгрии в Казахстане, доктором Йожефом Тормой, который углублённо занимался изучением поэзии Абая. На курултае казахов он увидел картины Сакена, был очарован ими и с тех пор стал восторженным поклонником его живописи. При его личной поддержке стала возможной первая большая выставка в музее им. Кастеева, когда Сакена уже не было в живых, а также первая выставка в Венгрии, которая была приурочена к 1100-летию основания Венгрии. 16 августа 1996 г. открылась персональная выставка Сакена Гумарова в городе Карцаг, жители которого свято чтут память о кунах (кипчаках). В городе открыт музей Надькун имени венгерского тюрколога Иштвана Дьёффи, где и была открыта выставка уральского художника. Она превратилась в праздник. Помимо жителей Карцага и многочисленных гостей из Будапешта приехали также профессиональные музыканты из Франции, греческий хор, симфонические оркестры из Германии и Югославии. По городу были расклеены красочные афиши с портретом Сакена. Открыл выставку мэр города словами: “Сегодня день великого Сакена, он пришёл к нам Путём Батыров”. Так состоялся триумф Сакена — там, где стоит величественный памятник Аттиле, которому он посвятил целую галерею своих картин.

В 2002 г. состоялось второе открытие Сакена Европой. В самом шикарном выставочном зале Праги участникам саммита глав европейских государств была представлена живопись двух казахстанских художников — Жантая Шарденова и Сакена Гумарова. Эта выставка превзошла все ожидания. Гильдия художников предприняла инициативу выдвижения Сакена Гумарова на премию Сальвадора Дали. Был сделан запрос на предоставление альбома картин Сакена для работы жюри. Ответа на запрос не

последовало, потому что в Казахстане не было выпущено ни одного альбома, хотя картины нашего художника представлены в сборных альбомах, выпущенных во всех частях света. Уже долгое время в издательстве “Дастан” лежат альбом и тексты на трёх языках, сделанные друзьями Сакена, но до сих пор, как говорится, воз и ныне там.

В искусстве Сакен неисправимо оставался кочевником, несмотря на неоднократные попытки сделать его “оседлым и прирученным”, а в последние годы жизни, кочуя с выставками, он, кажется, был охвачен желанием побывать везде, где испытывали триумф его древние предки. Он спешил, спешил, спешил, пытаясь дорисовать штрихи своей картины мира, а где не хватало красок — писал стихами — их накопилось, наверное, на целую книгу.

Когда-то великий Ван Гог сказал: “Я всё больше и больше верю, что Господа нельзя судить по сотворённому им миру. Это всего лишь неудачный набросок”. Так мог сказать только человек, который всю жизнь старался усовершенствовать этот набросок, придать ему недостающий стиль. Это можно сказать и о Сакене, который хотел показать настоящее и грядущее через нервущуюся память о прошлом:

*Сверкнула в мыслях сабля предка
И забежала белыми мазками по холсту.
В душе полыхнул пожар степной,
И по картону прошёлся восставшей лошастью
И чёрным верблюдом.
На моём пути к предметному миру
Возникла мыслеформа любви,
И я удалился от него, но сохранился,
Слившись с текеметом-ковром
Свободной линией троицы крина-кошкар-муиз,
Заглянув в иное пространство.
Сердится бровь, изогнувшись,
Как натянутая тетива,
Оторвалась ото лба,
Оказавшись ласточкой и другими —
Я заглянул за бытийность,
И окунулся в цветовой поток
Пространства пророков.*

Это волны духа Сакена идут с Земли в вечное таинство Космоса. Так и кажется, что картины и стихи Сакена — это эхо сигналов из прошлого и настоящего в будущее...

Николай СЛЕПЦОВ

Жалтырские картинки

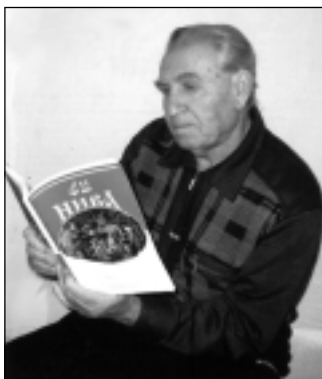
1. Что имеем — не храним

В феврале 2008 года пенсионное безделье занесло меня в мой заснеженный Жалтырь, где я стопорнулся почти на месяц. Летом посёлок всегда встречал меня пышной зеленью у домов и в привокзальном сквере. Бывало, выйдя из вагона, сразу же присаживался на уцелевший пенёк под тенистыми кронами деревьев и вспоминал жалтырские годы: шестьдесят лет назад пошёл здесь в четвёртый класс и дотянул до выпускного десятого в 1955 году. Дальше жизнь крутила на целине до 1957-го, а потом и вовсе сорвала из Жалтыря уже навсегда. Теперь навещаю сюда гостем.

В этот приезд кругом лежал снег и деревья выглядели уныло. Прежде, как я помнил, на станции было много железнодорожных организаций с мудрёными наименованиями: ПЧ, ШЧ, ЭЧ, НГЧ, ДС и т. д. Что ныне осталось из них — не представляю, только Жалтырь уже не так громко гремит на длинном участке магистрали между Астаной и Атбасаром. Нынче, сетуют ветераны-путейцы, железная дорога стала “деревянной”, потерявшей былое величие, престиж, независимость и такую магнетическую притягательность. Солдаты после “дембеля”, как помнится, шли не иначе как на железную дорогу, хотя в посёлке были и другие солидные предприятия вроде того же элеватора, нефтебазы, тяговой подстанции, автоколонны с целой сотней разных “ЗиЛов”, “МАЗов” да “КамаЗов”. Теперь же и простого безработного на станцию и силком не затянешь, потому как бесплатные разовые билеты, являвшиеся в прежние времена весьма притягательной льготой, выдававшиеся раз в году каждому железнодорожнику, ныне отменены. А по билету этому можно было ехать хоть на край света великого СССР, лишь бы туда доходили стальные рельсы. Теперь железнодорожнику-казахстанцу приходится ездить в поездах за свои кровные, чего, говорят, в соседней России нет. Там бесплатные разовые билеты для железнодорожников сохранились и профессии, связанные с “чугункой”, по-прежнему считаются престижными. Может, знатоки кое в чём тут перебарщивают. Но насчёт разовых билетов сведения у них точные.

**Николай
Андреевич
СЛЕПЦОВ**

родился 7 марта 1937 года в ауле Кенбидаик Кургальджинского района Акмолинской области. С 1947 г. жил и учился в Жалтыре. В 1959 году окончил Акмолинское железнодорожное училище, затем до 1973 г. работал слесарем локомотивного депо на станции Агадырь. В 1968 г. заочно окончил факультет журналистики КазГУ.

С 1973-го по 1988 год трудился в организации ГОРЕМ-29 треста “Целинтрансстрой” начальником отдела снабжения. После ликвидации предприятия вернулся в депо и работал инженером по снабжению до ухода на пенсию в 1999 г. Был активным рабкором газет “Гудок” и “Целинная магистраль”. В 2007 г. опубликовался в журнале “Простор”, в 2008 — в “Ниве” (№ 4).

Спросил у земляков: пошто “железка”-то стала деревянной?

“А не следует тебе, дорогой, углубляться в нынешнее железнодорожное помутнение, — ответил мой давний знакомый и завсегдатай наших посиделок Николай Ильич Карпенко, — дабы и на самой глубине не столкнуться со многими железнодорожными буреломами и мрачными тенями. Как бы то ни было, а товарищи-железнодорожники, облюбовавшие в своё время станцию Жалтырь, именно на железной дороге делали своё дело, свою биографию и себя. Заманивали они, как помнится, и тебя, но ты оказался рыбкой, что ищет воду и свою глубину. Такую глубину ты нашёл в Агадыре, мы же — в своём Жалтыре, который остаётся-таки твоей родиной”.

Поблагодарил я Николая Ильича за добрые слова и суждения и, поскольку было как раз 23-е февраля, предложил тост за нас, мужиков, кто своё отслужил, и за тех, кто сейчас на границе и на своём посту. В прежнюю бытность 23-е февраля было красной датой, просто обязывавшей мужиков плеснуть за неё. Встречать её насухо было не принято и считалось даже грехом, чего мы с моим брательником и нашим товарищем Николаем и теперь допустить не могли.

Оставшиеся февральские дни мы с братом Иваном коротали больше у телевизора, а в перерывах просто бродили по Жалтырю. Как-никак, а бываю я здесь больше наскоком вот уже пятьдесят лет, и этот регламент, по-всему, не подлежит изменению и в будущем. Что ни говори, а тянет меня в родные края.

В центре посёлка бывать нам приходится по несколько раз на дню, потому обход начали с окраин. В районе элеватора постояли у трёх пустующих двухэтажек и одной трёхэтажки. Здания прочные, крупнопанельные, с балконами, но без окон, дверей, полов и всяких коммуникаций. Раньше, по словам брата, картина здесь была иная, дома были заселены, а последние лет пятнадцать люди сами начали всё рушить, угроблять и оставлять дома голыми. Жильцы из этих домов, видимо, подались на ловлю своего нового счастья, квартиры продать, наверно, было трудно, а вот в разобранном состоянии окна, двери и полы, видно, кому-то пригодились. Или же сами прежние хозяева стали всё курочить, или падкие на чужое и бесхозное добро другие людишки приложили к этому свою руку — как знать?

Помнится, период приватизации позволил людям стать полноправными хозяевами-собственниками полученного от государства жилья. И государству нашему за такое благодеяние можно и поклониться. Став собственником, обладатель квартиры волен был поступать с нею как с дарёным конём: что хочу, то с ним и делаю. В годы затяжного экономического кризиса особенно пострадали сёла, посёлки и небольшие города, жители которых, не видя для себя перспективы, в массовом порядке стали уезжать — в близкие (крупные города) и далёкие края. А кто мог в пору всеобщего безденежья купить освобождающиеся квартиры? Кому-то удалось продать жильё за бесценок, кто-то сумел сплавить те же окна-двери, а то и вовсе, махнув рукой, бросил всё, как есть, и уехал. Ну а желающих поживиться брошенным у нас всегда хватало. Вот и разрушаются добротные постройки. А всё потому, что нет у нас в Казахстане закона о сохранности приватизированного коммунального жилья. Будь такой закон, определяющий права местных органов власти и дающий им возможность принимать на свой баланс брошенное по разным причинам жильё, то ныне, когда жизнь понемногу налаживается и в депрессивных населённых пунктах, такие освободившиеся

квартиры можно предоставлять нуждающимся в жилье, разумеется, не по ипотечным, а по приемлемым ценам. Нужно только дать этим домам, тем же пустующим двух- и трёхэтажкам, жизнь. Сделать это не так уж и сложно, потому как у дома есть стены и крыша, а это — готовое жильё, только приложи к нему руки. К ремонту же можно привлечь и те бездомные семьи, которые станут обладателями или арендаторами этих квартир. Таких пустующих и, увы, полуразрушенных домов в регионах многие сотни. И тысячи безквартирных семей. Предлагаемое — один из вариантов решения жилищной проблемы, которая начинает обостряться.

В Жалтыре коммунальное жильё не строится уже лет двадцать, отчего урбанизовавшийся со времён целины посёлок не только перестал расти, но даже начал терять население. Сегодня высотный башенный кран или простой автомобильный увидеть можно лишь в Астане да в крупных городах. А строительные краны — это же расправленные плечи народа, символ здоровья и богатства державы, её устремлённости в будущее. Ныне же на периферии радоваться просто нечему, потому как идёт не строительство нового, а разрушение старого, честно служившего людям в своё время жилья. Поневоле задумываешься: рождаемся мы или вымираем?

А как заметили мой брательник и старый жалтырец Николай Карпенко, свадьбы в Жалтыре играютя чуть ли не еженедельно. Ах, каким подарком судьбы стали бы для новых семей ключи от всех этих пустующих квартир, будь всё тот же закон о сохранности жилья!

2. Мои земляки

Как бы там ни было, а в Жалтыре бываю ежегодно пару раз, что по словам моего старшего, семидесятивосьмилетнего брата Ивана Андреевича, — маловато. Как-никак, а в Жалтыре прошли мои детство и юность.

Приехав в Жалтырь, перво-наперво навещаю местное кладбище, где кланяюсь своим учителям Ивану Павловичу Бурьянову, Павлу Фёдоровичу Расторгуеву, Дмитрию Яковлевичу Собченко и Саруару Кадырбаевичу Кадырбаеву, учившим меня в школе более пятидесяти лет назад и упокоенным на жалтырском погосте. В каждое посещение как раз и удаётся прокрутить в памяти далёкие школьные годы, всяческие ученические перипетии, учительские назидания и свои мысли и действия...

Всё это тронуло душу и в нынешнее посещение жалтырского кладбища. Я почему-то сравниваю его с Ваганьковским, где похоронены вовсе чужие мне люди, далёкие во времени и пространстве. Их забрало время, но они отчего-то оказывались (ах, человеческая натура!) близкими мне по духу, по мысли, по человеческой сущности. В коммунистические времена, попадая в Москву, прежде всего ехал на Ваганьковку, навещал могилы Сергея Есенина и Владимира Высоцкого, актёров Бориса Андреева и незабвенного Андрея Миронова. Ни с каким другим московским кладбищем — Новодевичьим, Волковским, Троекуровским Ваганьковское спутать не мог. На Новодевичьем похоронены Василий Шукшин с калиной красной на его могиле, Никита Хрущёв с двухцветным лицом на примогильном памятнике, сработанном, по словам знатоков, самим Эрнстом Неизвестным по просьбе сына Хрущёва Сергея Никитича. Двухцветность лица наверняка символизировала человеческую натуру покойного и соответствующее отношение к нему современников. Похоронены здесь герои Великой Отечественной Александр и Зоя Космодемьянские (брат и сестра), Антон Павлович Чехов и Книппер-Чехова,

известные миру и стране Антон Макаренко — автор “Педагогической поэмы”, космонавт Беляев, жена И. Сталина Н. Аллилуева, якобы покончившая жизнь самоубийством. На Ваганьковском я видел своих кумиров, мысленно беседовал с ними, на жалтырском же чаще сидел у могил тех, кого знал. Дольше всего находился у могилы четы Бурьяновых — Ивана Павловича и Марии Никитичны, истинно по-песенному “пил вино с печалью пополам”, думал о своей прошлой жизни и нынешней, о минувшем времени и дне сегодняшнем, о моём поколении рождения довоенного. Иван Павлович — учитель старшекласников, то есть мой непосредственный в ту пору, Мария Никитична же воспитывала малышей и подрастающую ребятню. Не многие ученики Бурьяновых удостоились педагогической дороги, но те, кому она выпала, долго будут помнить жалтырскую школу и учителей Ивана Павловича и Марию Никитичну Бурьяновых.

Красивый, эффектный и, наверно, не дешёвый памятник поставили родителям дети Бурьяновых. Три дочери, две из которых — россиянки, проживающие в Ростове, и жалтырская — Нина Ивановна, впрямь отдали родителям должное, установив такой памятник. На старой пирамидальной сварной конструкции была фотография Ивана Павловича, на новом памятнике фотоснимка уже не оказалось, и мы не смогли посмотреть друг другу в глаза, а я не всё мог сказать своему учителю, поведать о своей жизни, соприкоснуться памятью с прошлым, о ком-то поговорить, о чём-то пожалеть. Фотография была такой живой и проникновенной, что Иван Павлович видел меня перед собой всегда, в какую бы сторону я ни пошёл. Могли мы с ним и говорить обо всём откровенно. О том, что поседели его ученики и разъехались по белу свету все до единого, не оставив на жалтырской земле никаких корней. Осталась в Жалтыре стойкая и преданная своему посёлку и своей стране Нина Ивановна; только когда я учился в первые целинные годы в старших классах, Нина Ивановна ещё даже под стол пешком не ходила.

Ныне она Панкова, жалтырцы знают её как старожилу Жалтыря и неизменного аптекаря. Ни разу за три минувших десятилетия Нина Ивановна и не помыслила о том, чтобы изменить фармацевтике и выбрать более денежную работу. Для неё важнее почёт и уважение земляков, достигнутые умением и опытом, любовью и преданностью своему делу.

Такой же стойкий поклонник Жалтыря и муж Нины Ивановны Юрий Владимирович — электромеханик местной подстанции. Нина Ивановна и Юрий Владимирович наверняка придерживаются мудрого вывода — на месте и камень обрастает. Конечно, были приглашения сестёр из Ростова на жительство к ним. Звал к себе в Одессу и дядя — брат Ивана Павловича Бурьянова — Владимир Павлович, отметивший в этом году своё семидесятилетие. Заманчивыми оказывались настоящие родни, только Жалтырь, не обласканный временем, судьбой и цивилизацией, по-прежнему остаётся для Панковых родным пристанищем.

... После майских праздников я вновь побывал в Жалтыре. На кладбище покрасили с братом оградку его жены, вновь постояли у могилы Бурьяновых. Мысленно бы поговорить с Иваном Павловичем, только на памятнике по-прежнему не было фотографии. Мы не видели глаза друг друга — учителя и ученика, и потому не могли отдать друг другу свою энергетику — мысленную, небесную, воображаемую, но живительную, всё равно как-то согревающую, в чём-то возвышающую, к чему-то обязывающую живых. Несколько раз заходил в аптеку к Нине Ивановне Панковой. Толковали о прошлом, об её отце-матери, о семье. По педагогической линии пошла лишь

Людмила Ивановна, остальных же судьба наделила тем, о чём мечталось с детства. Высказал своё пожелание и о фото на памятнике. Нина Ивановна согласилась с моими доводами...

Ради интереса заглядывали мы с брательником в магазины и, конечно, не могли пройти мимо местной толкучки-базара, где всегда немало народу. Несколько обособленно, как заметил, кучкуются наши с Иваном Андреевичем ровесники. А это дедуганы, как и мы, подёрнутые временем и сединой. Подходим, здороваемся за руку, а брат даже обнимается с каждым. Понятно — земляки, с кем Иван Слепцов за пятьдесят лет жизни в Жалтыре вместе протопал не по одной улице и, что называется, не одну с ними “съел собаку” по жизни и по работе. Теперь же на “дембеле”, как любят говорить пенсионеры, только и остаётся вспоминать старое доброе время, в своём старческом кругу чему-то порадоваться, на что-то и посетовать. Ну как не порадоваться, к примеру, такой пенсионной прибавке, равной аж целым десяти тысячам! Правда, кое для кого эта прибавка оказалась не такой щедрой, а порой просто обидной. Но, думается, соответствующие ведомства разберутся в этой ситуации и справедливость будет восстановлена.

Сетуют же мои земляки больше по одному поводу — на отсутствие в Жалтыре детского садика. Подошедшая к нашему кругу пенсионерка Нина Васильевна Косякова напомнила, что раньше в посёлке было аж три детского сада, размещавшихся в прочных красивых зданиях, однако в годы экономического спада разобранных по кирпичику от крыши до фундамента. Детсадик теперь остаётся для жалтырцев голубой мечтой, многие матери из-за его отсутствия не могут работать. Спросил у Нины Васильевны, а нужно ли Жалтырю это детское учреждение?

“А как же! Посёлок с девятитысячным населением не имеет своего детского сада! Парадокс, ей-богу!”.

О том же самом говорили Николай, Антонина, Леонид и Марина Карпенко, Анатолий и Людмила Эске.

Возвращаясь с дорогим моим братом с прогулки домой, по пути завернули к школе, в которой я учился до выпускного 1955 года. Подходя к зданию, ощутил в себе какое-то щемящее чувство. Окинув взглядом пришкольные лесонасаждения, стройных берёзок не обнаружил. Вместо них теперь шумели клёны и тополя, их, как помнится, высаживали мы ещё в дни прощания со школой. Сейчас такого ритуала, наверно, нет, а жаль... Деревья живут долго и ненавязчиво напоминают о прошлом.

Восторженно шумевшая ребятня у школы заставила нас подойти к ним и выяснить причину такого оживления. Оказывается, был последний звонок, это событие было и у меня в этой же школе ровно пятьдесят три года назад. Смотрю я на нынешних выпускников — ах, сколько же в них пышности и форса, раскрепощённости и лоска! Почти у каждого, даже у малышей — мобильники. А какие костюмы, галстуки, платья! Нет, чего бы ни говорили, а живём мы нынче просто кучеряво, что бросается в глаза не только в городе, но и на селе. Во что были одеты мы в свой последний звонок — вспоминать не стоит. Я так был в солдатской гимнастёрке, подаренной мне брательником, который демобилизовался по весне того же 1955-го после четырёх с половиной лет службы в авиачастях Приморского края. Девчонки тоже не блистали, а им так этого хотелось!

Кстати, о них и о всём моём выпускном классе вспомнилось особенно остро. Где вы, дорогие мои, как сложились ваши судьбы? Смотрю на фотографии тех лет — какие же мы все были красивые! Девушки — истинные

принцессы, парни — орлы, но с задумчивыми взглядами. Где вы — Василий Сердюков, Любовь Филатова, Дмитрий Нерода, Надежда Ясных, Ирина Акулова, Дулат Кенжебулатов, Лина Юлдашева, Эмма Шестакова, Екатерина Молчанова, Пётр Калиновский, Тамара Тюковина, Валентина Гаврилина, Николай Райков, Олег Кишеев, Лида Калашникова, Александр Холло, Нина Мотылевская, Михаил Буримов, Анна Кайдашова, Любовь Мамонова, Таблехан и Мухаммед Сампиевы, Абуязит Аспиев, Олег Сенчугов, Зинаида Садовская, Владимир Савинцев?

Боюсь, что при встрече сегодня кто-то да спросит меня: почему тогда не пришёл на выпускной вечер? А потому что был ишак бухарский. Целина со своей умопомрачительной агитацией и романтическими призывами сорвала меня с выпускного десятого и усадила на матушкин комбайн, где почти три года работал штурвальным. Матушка — комбайнер, я — её помощник, этот самый штурвальный. Так и трудился до самого 1957-го, пока друзья и объявления областной “Акмолинской правды” не сманили в акмолинское железнодорожное училище. После его окончания “сваты” из агадырского локомотивного депо увезли группу тепловозных слесарей в неизвестный для нас Агадырь, где я и бросил якорь на целых полвека.

Теперь эти пятьдесят лет выливаются в воспоминания о времени и о себе, о людях, с кем жил и дружил, у кого набирался мудрости.

3. Играй, мой баян!

В мои жалтырские будни, чтобы мне не скучать в течение целого месяца, брат мой затевал всевозможные посещения родни и его давних друзей, таких же седых дедуганов. В прежние времена проблемы времяпрепровождения не существовало, потому как брательник мой любил держать рогатую скотинку и хрюкающее общество. Домашняя живность была мне знакома ещё с военной поры, за нею, хоть и мальчишкой, я ухаживал, чистил, поил и кормил, наполняя ясли сеном и соломой, за что они давали матушке и нам, троем её детям, возможность выжить.

Как бы то ни было, а время моего гостевания в Жалтыре, заставлявшее моего Ивана Андреевича искать для меня какие-то занятия, неумолимо сокращалось, однако до паковки чемодана ещё не доходило, что брата моего несказанно радовало. Он по-прежнему искал чем меня занять, но кроме телевизионных сериалов ничего путного предложить не мог. Молодёжь, тусовавшаяся на летней танцплощадке, была не для нас, фильмов со времён перестройки не крутили, концерты художественной самодеятельности давались только к республиканским праздникам. У Ивана Андреевича от всего этого просто опускались руки, но он не успокаивался и искал, где бы нам побывать с пользой для души. Я принял с удовольствием его предложение навестить наших бывших соседей полувековой давности, когда окна нашего домика глядели на их голубые ставеньки и невысокую крашеную дверь. Теперь на этом месте стоял элегантный, красивый, высокий и утопающий в зелени особняк чуть ли не в десять окон, чего в те давние годы ни у нас, ни у соседей не имелось. Тогда были бедность, целинная эпоха и её заваруха, дававшая целинникам какое-то послабление. Жалтырцы тоже относили себя к целинникам, потому как крупная железнодорожная станция в 54-55-м годах ежесуточно принимала для близлежащих совхозов и колхозов составы с прославленными “ДТ-54”, плугами, самоходными комбайнами, сеялками да бородами и прочей

сельхозтехникой. На выгрузке её трудился жалтырский народ, знающий железную дорогу, её законы, вагонные простои и очумелые штрафы за них.

Свою усадьбу, где стояла наша низенькая мазанка, мы с братом обозрели моментально, увидев на её месте красоту и роскошь. Нашей мазанки не было и в помине, о которой мы с братом мало чего могли вспомнить. На её месте высился истинный дворец, его окна глядели на соседний дом, тоже выглядевший дворцом. Сюда нас и пригласил хозяин этого шикарного владения вечный жалтырец Анатолий Иванович Эске.

Меня Анатолий Иванович помнил мало, потому как я покинул Жалтырь, когда ему было около семи. Мне в ту пору стукнуло двадцать, а Анатолий только собирался сесть за парту первоклассника. С коренным жалтырцем Иваном Слепцовым Анатолий Иванович встречается частенько, а вот приبلудных, вроде меня, хотя и коренного жалтырца в прошлом, видит раз или два в году.

На этот раз, увидевшись по договорённости, решили посидеть без натяга за дружеским чаем и неизменными ста граммами, простительными при таких редких встречах. Вспоминали многое. Я — сестёр Анатолия Ивановича: Нину, проживающую ныне в Экибастузе, Валентину — в Иркутске, Нелю — в Польше. Связь с ними регулярная — по телефону. Голос их слышит частенько, в курсе их житейских дел и просто рад, что всё у его сестёр хорошо. Нина и Валя почти мои ровесницы, мы учились в одной школе, только они классом-двумя ниже. Вспомнили родителей Анатолия Ивановича — матушку Людмилу Ивановну, батюшку Ивана Ивановича. Старые жалтырцы их хорошо помнят. Людмила Ивановна всю жизнь проработала в роддоме, Иван Иванович — завхозом в школе. В семидесятых их не стало с разницей в четыре года, а прожили они всего по шестьдесят с небольшим.

О жизни можно говорить бесконечно, тем более, когда воспоминания натекали чередой. Было с них немало хорошего и интересного, оттого и незабываемого. Вспоминали друзей и ровесников, тех, кто покинул Жалтырь и вообще эту землю и тех, кто, оставшись в Жалтыре, делает судьбу и себя. К таким я бы отнёс и Анатолия Ивановича Эске, пожизненного, как он выразился, преподавателя музыкальной школы. Из его 56-ти 33 года отданы в музыкальной школе классу баяна. В позапрошлом апреле проходил смотр художественной самодеятельности под девизом “Расцветай, Астана, — расцветай, Казахстан!”, к которому Эске написал стихи и музыку.

Анатолий Иванович виртуозно сыграл на баяне эту красивую песню, прокрутив её и по видеку, где эту песню исполнял уже детский хор. На меня это произвело сильнейшее впечатление, чего я и не скрывал.

Песен у Анатолия Ивановича множество, все — на его же слова и музыку. Нам с братом он продемонстрировал “Последний звонок”, “Песенку про нас”, “Родную школу”, “Юбилей”, “Праздник весны”, “Крошку” — в последней из них воспевалась радость рождения дочери. Ныне эта дочь — Оля — проживает в Самаре, у неё уже своя собственная дочка посещает музыкальную школу и в будущем намеревается даже дать фору своему деду.

Незаурядные музыкальные способности Анатолий Иванович Эске развил в Карагандинском музыкальном училище имени Таттимбета. Ах, какие там были в 1977-82 годах преподаватели! Своё баянное мастерство, изумительную пальцовку и виртуозность Анатолий Иванович передаёт и своим ученикам. Вундеркиндов, по правде, не слишком много, но те, что посещают школу, — истинные поклонники и приверженцы неувядающего

народного инструмента — баяна. Катя Савченко, к примеру, по баяну — в третьем классе, у неё к инструменту особая тяга и любовь. Её не могут отвратить от заветных кнопок баяна никакие компьютерные игры и весь притягательный ныне электронно-мобильный интерес.

У Анатолия Ивановича — музыкальная семья. Жена Людмила Александровна красиво подпевает мужу вторым голосом, отчего квартира наполняется какой-то благостью и задушевностью. Сольно, как я понял, Людмила Александровна точно симитировала бы Марию Мордасову, а дуэтом — Люсьен Овчинникову и её друга с песней “Старый клён” из немеркнувшего фильма “Девчата”.

Поинтересовался у Анатолия Ивановича — известны хотя бы в области его песни? Куда там. Если только в местной художественной самодеятельности Жалтыря что-то прозвучит... А ведь вещи классные, думал я, потому как сам немножко занимаюсь стихами и играю на баяне, но не своё. Понял — не умеет Анатолий Иванович стучаться в какие-либо филармонии да профессиональные ансамбли. Пишет стихи и музыку — для себя, для души, когда спокойно в стране и на сердце, когда звучит последний школьный звонок. Они с Людмилой Александровной, выпускающей одиннадцатиклассников в новую жизнь, скоро уйдут на свои каникулы и станут ожидать новое пополнение со своими талантами. Анатолий Иванович — баянными, Людмила Александровна — стихотворцев и любителей поэтического слова.

Вот и подумалось: как много мы теряем, не замечая в глубинке истинные таланты, доморощенных Геннадиев Заволокиных, для кого баян был песней и жизнью. Для Анатолия Ивановича баян — тоже жизнь. В музыкальной школе он не только преподаёт, но и руководит хором, аккомпанирует, передаёт свой опыт. Правда, всё это — только у себя, в маленьком посёлке, откуда красивые и звонкие звуки аккордов не слышать в профессиональных коллективах, что могли бы познакомиться с живительным творчеством жалтырского самородка и как незаурядному дипломированному баянисту попробовать дать на больших столичных сценах открытый занавес. Тут уж точно Анатолий Иванович смог бы зычно приказать: “Играй, мой баян!”. Пока же этого нет, и Анатолий Иванович не верит ни в какую везучесть. Нынешнее положение преподавателя музыкальной школы по классу баяна его вполне устраивает уже целых тридцать три года. Городские эстрадные подмостки, тем более, столичные, видно, доступны мастерам не его класса, что и следует принимать как должное. Свои жалтырские стены как-то ближе его душе, а местный зритель и слушатель ему более понятен — он трепетно воспринимает мелодии почти семидесятилетней давности, неувядающие до сих пор песни композитора Захарова на стихи Исаковского, — живущие в репертуаре некоторых исполнителей и в наши дни и по-прежнему любимые народом. Классическую интерпретацию сложных произведений, воспроизводимых Анатолием Ивановичем на баяне, его жалтырские почитатели так же принимают восторженно. Баянное исполнение имеет свою неповторимую природу, тонкость, красоту и звучание. У баяна — своя душа, постичь которую может только настоящий баянист. Музыкальный мир помнит великих баянистов Маланина, Тихонова, Гридина, приветствует он и талантливых продолжателей их традиций. К таким самобытным музыкантам относится и Анатолий Иванович Эске.

4. Ах, эта белая сирень...

Жалтырцы говорят, что их, неизбалованных тёплыми зимами и ранними вёснами, когда даже в марте-апреле шубы, полушубки, шапки да малахаи остаются ежедневно востребованными и в простых прогулках по родным улицам, белая сирень своим буйным цветением начинает радовать только в середине мая. А тридцатиградусные морозы зимой им привычны, и никакого недовольствия не вызывают.

Однако любовь к временам года у людей, как ни крути, всё-таки разная. Одни с нетерпением ожидают весну, перелистывают календари и, поглядывая на небо, на своих дачных и приусадебных участках засучивают рукава и истинно по-боевому готовы встретить первый весенний паводок. После него жди и потепления. С наступлением тепла приходится старательно возделывать свою земельку, а она за труды уже в майские дни ублажит первым зелёным лучком. Осень же и вовсе обрадует собственной морковочкой и свёклой, капустой и картошкой, позволит запастись на предстоящую зиму овощами, чтобы не заглядывать на магазинные прилавки, умеющие кусаться и разорять покупателя. Оттого, наверно, и полнится душа радостью за свой плодотворный труд.

К зиме же у людей вроде не должно быть особых пристрастий — радостей природой здесь вроде не так уж много отпущено. Ну, заснежье, холода, метели, в лесу так даже деревья трещат от мороза, однако и зимушку многие ждут. Кому-то по душе завьюженные склоны и пригорки, где можно проложить лыжню и отправиться на прогулку, получив заряд бодрости и приподнятое настроение.

А вот кого зима могла бы порадовать больше всего, так это наших фермеров, по старинке называющих себя хлеборобами и хлебопашцами. Им бы вправду радоваться заснеженным полям, проводя на них, по примеру колхозно-совхозных земледельцев, снегозадержание, только нынче, говорят, ничего этого не делается из-за экономии топлива к весеннему севу, от сроков и качества которого и зависит будущий колос.

Ну а лето — оно, как говорится, и в Африке лето. Раньше это была пора отпусков, путёвок, курортов, турбаз, прославленного Чёрного моря. Господи, где же те времена, когда всё это было доступно простой уборщице, доярке, скотнику, чабану, трактористу, пенсионеру? Вырваться им сегодня за собственный порог — несбыточная мечта, а пенсионерам и вовсе приходится рассчитывать на последнюю в их жизни путёвку... Англичане же говорят, что на пенсии у них только и начинается настоящая интересная жизнь. Они путешествуют по всему миру, едут к настоящему солнцу и пляжам, потому как свои не радуют, не согревают и не оздоравливают. На пенсии время хоть в сундук трамбуй, можно мир посмотреть и себя показать.

Как бы там ни было, а в Жалтырь тоже пришла весна. Первыми, как манну небесную, приняли её огородники, каковые, как я заметил, трудились у каждого дома. Благо, Жалтырь не уставлен городскими многоэтажками, жильё здесь почти сплошь саманное и шлаколитое, отчего у каждого дома и наличествует собственный огород вовсе не в одну-две или даже пять соток. Летом я видел у каждого жалтырца на огороде капусту и картопан, а они уж точно не дадут скопытиться, а принесут в каждую семью достаток.

Этот достаток заметен даже теперь, когда огородной зелени ещё нет, но есть первые кленовые и тополиные листья. Что заметил, почти всюду рядом с зелёночными кронами деревьев соседствуют телевизионные тарелки. Ей-богу, мне радостно — люди здесь живут крепко. Радует, что почти у каждого дома

во дворах внушительные хозяйственные постройки с сеновалами, сараями и неизменными гаражами. Один из знакомых согласился свозить нас с братом в районную Астраханку, что от Жалтыря в двенадцати верстах. В обычное время она нам и даром бы не нужна, но здесь похоронена наша матушка Анна Васильевна. И каждый раз, когда я приезжаю в Жалтырь, Астраханку мы навещаем непременно, кланяемся памяти нашей мамы, упокоенной на местном кладбище с месяца цветения белой сирени в далёком 1979-м году. Астраханка знала эту женщину как неугомонную труженицу, владевшую истинно мужской профессией — комбайнера. На прицепной комбайн “Коммунар” она села ещё в Кенбидаике в 1942-м, когда проводила мужа на фронт. До самого 1947-го косила хлеба, а по весне пахала на колёсном тракторе кургальджинские поля. Переехав в Жалтырь в 1947-м, наша матушка устроилась в Астраханскую МТС, где и трудилась до пенсионного 1967-го. Общий комбайнерский стаж уложилась у неё в целую четверть века, что для женщины совсем немало. Труд комбайнера Анны Слепцовой был отмечен орденом “Знак Почёта”, который, как мне помнится, остался на её груди даже в гробу. Наверно, так распорядились организаторы похорон...

А в Жалтыре и в Астане гуляет майская весна. Сколько же ей посвящено песен и стихов! Такое, наверно, будет всегда, потому как весна — это поэзия, всегда что-то возвышенное, роднящее с именами Пушкина, Лермонтова, Есенина, Абая, Сулейменова.

Весна одаряет теплом не только нашу землю и наше небо, но и наши души. Птицы с какой-то особой радостью и громкостью щебечут под стрехами, а бродячие собаки даже поуменьшили свою агрессивность. Мой Шарик так и вовсе стал внимательным, послушным и покладистым.

Весеннее настроение, наверно, у каждого. Заметил это на лицах жалтырцев, астанинцев и у своих агадырцев, садившихся на электричку Агадырь — Темиртау.

Что же касается агадырской электрички, надо сказать, что она — истинный подарок судьбы, а больше депутата Мажилиса Парламента РК Ерлана Зайруллаевича Нигматуллина, в своё время кандидата в депутаты по Балхашскому и Агадырскому избирательным округам. Поговаривали даже, что Ерлану Зайруллаевичу пришлось проявить большую настойчивость и упорство, чтобы пройти через все барьеры и тернии железнодорожной волокиты и махрового бюрократизма, вплоть до самых высоких инстанций. В былые времена электричка из Агадыря до Караганды бегала, но новые железнодорожные начальники, явленные периодом распада СССР и становления Республики Казахстан, электричку, как нерентабельную, “тормознули” на все десять лет. Куда люди только ни писали, куда только ни жаловались — вердикт высокого железнодорожного начальства был один — нерентабельная! Населения в Агадыре — не ахти, а потому пусть ездит обычными пассажирскими поездами, каких через Агадырь проходит без малого шестнадцать пар. А что на эти поезда билетов не взять ни зимой, ни летом — начальство, видимо, не волновало. И только благодаря тому, что этой проблемой озаботился по просьбе своих агадырских избирателей Ерлан Нигматуллин, быстрой, удобной и мобильной электричке несколько лет назад был всё-таки дан “зелёный свет”. И теперь жители Агадыря, других станций и полустанков имеют возможность в любое время без проблем бывать в своей областной столице, а из Караганды на электричках же добраться до Астаны и других мест.

пос. Агадырь
Карагандинской области.

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (7172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы (7272) 53-51-12.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Корректор **Г. К. Байзакова.**

Набор и вёрстка **Е. В. Дмитриевой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.
Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 03.12.2008 г.

Подписано к печати 13.01.2009 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.
Заказ № 074.

Номер набран и свёрстан в ТОО
«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.